

ОРЕНБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(ФИЛИАЛ) ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
БЮДЖЕТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

**РОССИЯ, ЕВРОПА И АЗИЯ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

международная научно-практическая конференция
19 мая 2017 года

**Ставрополь
2017**

УДК 93/94+008

ББК 63.3+71

Р 76

Редакционная коллегия:

Шебалин И.А., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории, философии и социально-гуманитарных наук Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ

Вовк И.В., кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ

Фомичев А.В., старший преподаватель, кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ

Р-76 Россия, Европа и Азия в контексте историко-культурного взаимодействия: Материалы международной научно-практической конференции Орского гуманитарно-технологического института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет» (19 мая 2017 г.) / под ред. И.В. Вовка, А.В. Фомичева, И.А. Шебалина. – Ставрополь: Центр научного знания «Логос», 2017. – 154 с.

ISBN 978-5-905519-56-7

УДК 93/94+008

ББК 63.3+71

ISBN 978-5-905519-56-7

© Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, 2017

© Авторы статей, 2017

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
В РЕПЕРТУАРЕ КИНОТЕАТРОВ ЮЖНОГО УРАЛА
ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1945-1953 гг.)**

Алятина Анна Геннадьевна, канд. ист. наук, доцент, кафедра истории, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

**HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
IN THE REPERTOIR OF THE CINEMA OF THE SOUTHERN URAL
OF POSTWORK TIME (1945-1953)**

***Аннотация:** В статье дается краткий обзор фильмов о Великой Отечественной войне, демонстрировавшихся в кинотеатрах страны и в том числе в трех областях Южного Урала в указанный период. Негативное влияние на развитие киноискусства в исследуемый период оказало постановление ЦК ВКП (б) от 4 сентября 1946 года «О кинофильме “Большая жизнь”». На примере анализа деятельности южноуральских кинотеатров в исследуемый период, автором делается вывод об уникальном примере успешного опыта воспитания целого поколения – поколения советских людей, патриотов, любящих свою Родину.*

***Annotation:** The article gives a brief overview of films about the Great Patriotic War, demonstrated in cinemas of the country, including in three regions of the South Urals in the specified period. The decision of the Central Committee of the CPSU (B) of September 4, 1946 "On the film" Big Life "had a negative impact on the development of cinema art during the period under review." On the example of the analysis of the activities of South Ural cinemas in the period under study, the author concludes that a unique example of successful experience in the upbringing of a whole generation - a generation of Soviet people, patriots who love their homeland.*

***Ключевые слова:** киноискусство, Южный Урал, кинотеатры, образ вождя в киноискусстве, Сталин;*

***Keywords:** cinema, southern Urals, cinemas, the image of the leader in the film, Stalin.*

Самым излюбленным видом искусства послевоенного периода являлось для советского человека кино. Рядовому зрителю на экране предстала: героическая борьба советского народа против фашистской агрессии, образы крупных ученых, военных полководцев, известных людей, великих государственных деятелей, писателей. В документальных и художественных фильмах было показано, как люди прошли войну, как изменились и снова начали работать на фабриках и заводах [3, 92].

Однако, не успели кинематографисты в реализации своих послевоенных планов сделать робкие и первые шаги, как последовало Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 года «О кинофильме “Большая жизнь”», регламентировавшее перспективы киноискусства в стране в послевоенный период [4, 602]. Следует учесть, что культ Сталина в исследуемый период достиг своего апогея. Под пристальным вниманием вождя находились все сферы культуры.

Критике подвергся фильм «Большая жизнь» режиссера Л.Д.Лукова, где рассказывалось о восстановлении в недавно освобожденном от фашистов Донбассе, одной из шахт. В основе конфликта фильма - восстановление шахты, производимое вопреки решению государственных организаций, и преодоление рабочими этого противодействия, что вызвало большое недовольство партийной верхушки.

Далее последовала критика известных деятелей кино и их произведений: режиссеров В.Пудовкина (фильм «Адмирал Нахимов»), Л.Трауберга и Г.Козинцева («Простые люди»), С. Эйзенштейна (вторая серия «Иван Грозный», первая успела выйти к показу и получить Сталинскую премию). Данный перечень фильмов был запрещен к показу [8, л. 118].

В итоге количество новых фильмов стало сокращаться.

Высоких творческих результатов режиссерам, все же удалось добиться, несмотря на политическое давление кинематографии. Особенно яркое воплощение выразилось в освещении проблем минувшей войны. Сняты были такие известные фильмы как: «Третий удар» в 1948 г., «Сталинградская битва» в 1949 г. и «Падение Берлина» в 1950 г. [11, 58].

Фильм «Падение Берлина» стал апофеозом возвеличивания вождя, воспетый режиссером Михаилом Чиаурели. Главным персонажем этого эпического произведения киноискусства был Сталин – мудрый, всезнающий, добрый, богоподобный. Насколько данный фильм масштабный, говорят следующие цифры: для съемок в отдельных сценах были задействованы 193 самолета различных типов, 45 трофейных немецких танков, 5 пехотных и артиллерийских дивизий, 4 танковых батальона. Разными были в фильмах исполнители роли вождя. Например, в «Падении Берлина», сыгравший роль Сталина артист М.Геловани, утвердился еще с довоенного времени как главный создатель образа великого вождя в фильмах «Великое зарево», «Валерий Чкалов», «Человек с ружьем», «Ленин в 1918 году», «Оборона Царицына». В связи с чем исполнять другие роли на экране или сцене ему было запрещено. Удачно дополняла образ усвоенная М. Геловани соответствующая величавая осанка, точно воспроизводимые характерные сталинские жесты, походка, особая манера говорить, медленно и неторопливо. Актера сближала национальная принадлежность.

Влияние идеологической политики и культ Сталина отразился и на репертуаре уральских кинотеатров послевоенного времени. Так, фильм «Клятва», был показан в 1946 году в кинотеатре «Октябрь» г. Чкалова. Положительные отзывы о новом фильме были напечатаны в газете «Чкаловская коммуна» уже через 4 дня после состоявшейся премьеры (7 августа) [2, 69]. Основная мысль этого фильма – убежденность в том, что Сталин – единственный преемник и последователь Ленина, что связано с его явно пропагандистской направленностью в соответствии с культом личности. Фильм режиссера М. Э. Чиаурели «Клятва» (1946) типичен для своего времени. Символом успеха, данного стало то, что фильм был награжден Сталинской премией первой степени [15, л. 38].

В результате, первые попытки демократизации советского общества начали осуществляться в стране только после смерти Сталина. Из кинопремьер указанного периода, особенно любимым зрителям, можно отметить «Молодую гвардию» (реж. С.Герасимов), «Подвиг разведчика» (реж. Б.В.Барнет), «Сельскую учительницу» (реж. М. Донской). Интерес режиссеров к международным темам нашел отражение в фильмах Г. Александрова «Встреча на Эльбе» (1949) и М. Калатозова «Заговор обреченных» (1950).

Послевоенная киногоалерея Героев Советского Союза, внесших свой вклад в победу, была представлена фильмами «Марите» (1947) о героине литовского народа Марите Мельникайте, «Повесть о настоящем человеке» (1948) о летчике Алексее Маресьеве, «Рядовой Александр Матросов» (1949) о девятнадцатилетнем

солдате Великой Отечественной войны Александре Матросове [1, 23]. Венцом творения в этой киногалерее стал фильм С.Герасимова «Молодая гвардия» (1948), представивший коллективный портрет реальных членов подполья г. Краснодона, отмеченных правительственными наградами (в большинстве случаев посмертно).

Обратимся к рассмотрению репертуарной политики послевоенного периода южноуральских кинотеатров.

На Южном Урале самые крупные кинотеатры располагались в городах Челябинске, Чкалове и Кургане. Большое внимание в 1950-х годах на Южном Урале уделялось благоустройству уже действующих кинотеатров.

По архивным данным за 1950 год, в городе Челябинске действовало девять кинотеатров на 4039 мест: кинотеатр им. А. С. Пушкина на восемьсот восемьдесят мест, «Звезда» на сто пятьдесят мест, «Металлург» на четыреста восемьдесят шесть мест, «Родина» на пятьсот мест, «30 лет ВЛКСМ» на пятьсот мест, «Кировец» на шестьсот мест, «25 лет Октября» на триста пятьдесят одно место, «Урал» на триста пятьдесят два места, «27 лет РККА» на двести двадцать мест, работала эстрада в летнем саду им. А. С. Пушкина. Самый большой кинотеатр не только в области, но и на Южном Урале в исследуемый период «Магнит» на 1000 мест находился в городе металлургов Магнитогорске [12, л. 16].

В 1948 году в городе Чкалове работало семь крупных кинотеатров на 2628 мест: «Буревестник» на триста мест и организованный на его основе передвижной кинотеатр, «Октябрь» на пятьсот тридцать пять мест, «Железнодорожник» на двести двадцать два места, «Урал» на двести мест, «Победа» на пятьсот двадцать пять мест, и «Пионер» на триста двадцать шесть мест, «Молот» на пятьсот двадцать мест, а также функционировал сад-эстрада при кинотеатре «Октябрь» на шестьсот восемьдесят человек. Строительство нового кинотеатра «Комсомолец» начинается в 1949 году и тогда же ведутся работы над проектом кинотеатра «Луч» [6, л. 84].

В 1950 году в городе Кургане существовало четыре кинотеатра на 1069 мест: «Прогресс» на триста пятьдесят два места, им. Ленинского комсомола на триста шестьдесят семь мест, им. Матросова на сто пятьдесят мест и кинотеатр при Доме пионеров на двести мест. Крупнейший в области кинотеатр «Октябрь» на четыреста мест располагался в городе Шадринске. В середине 1950-х годов в Кургане началось строительство крупного кинотеатра «Звездный» на тысячу двести мест [7, л. 155].

Таким образом, в областных центрах Южного Урала в начале 50-х годов работало всего двадцать шесть кинотеатров на 7736 посадочных мест, из них в городе Челябинске - четырнадцать, в Чкалове - восемь, в Кургане - четыре, то есть больше всего кинотеатров было в Челябинске, наиболее крупном и промышленно развитом по сравнению с другими областными центрами Южного Урала городе [17, 84].

Посещение кинотеатра в исследуемый период было в основном городским развлечением. В 1950 году на городского жителя приходилось около одиннадцати посещений в год, на сельского - три. Приезд передвижного кинотеатра для сельского жителя был редчайшим событием, не всегда по карману была и покупка билета на киносеанс. Тем не менее, население с удовольствием посещало кинотеатры. Просмотр фильмов у сельчан завершался обсуждением фильмов, героев, их поступков, их переживаний и чувств.

Считавшиеся провинциальными, города Курган, Челябинск, Чкалов по разнообразию фильмов не уступали крупным городам страны. Так, городские кинотеатры Челябинской области в первые послевоенные годы демонстрировали следующие фильмы: «Великий перелом», «Ленин в 1918 году», «Это было в Донбассе», «Чапаев», «Кутузов», «Клятва», «Сталинградская битва», «Великое зарево», «Падение Берлина», «Оборона Царицына», «Донецкие шахтеры», «Мичурин», «Мир победит во всем мире», «Повесть о настоящем человеке» и другие произведения, актуальные для своего времени. Перечисленные фильмы в большей степени включались в репертуар в периоды хозяйственно-политических кампаний, революционных праздников, знаменательных дат [13, л. 63].

В Чкаловской области в послевоенное время шли такие популярные в то время фильмы, как «Сын полка», «Великий перелом», «Ленин в Октябре», «Близнецы», «Жди меня», «Воздушный извозчик», «Два бойца», «Мечта», «Битва за Украину», «Она защищает Родину», «Во имя Родины», «Подводная лодка Т-9», «Встреча на Эльбе», «Суд идет», «Именем закона», «Март-апрель», «Аттестат зрелости» и другие [18, л. 109]. Как видно, в основном это были фильмы с военной тематикой. Отсутствие свободных мест в зрительских залах объяснялось большим спросом на подобные фильмы. Об этом говорит такой пример: когда в январе 1950 года в кинотеатрах г. Чкалова демонстрировался фильм «Сталинградская битва», за четыре дня его просмотрело свыше 20 тысяч человек.

Мощное эмоциональное воздействие на зрителей Курганской области оказывали фильмы о Великой Отечественной войне - «Секретарь райкома», «Сын полка», «Повесть о настоящем человеке», «Бессмертный гарнизон» и др. В первые послевоенные годы воспитание молодежи в основном осуществлялось на кинообразе харизматической личности И. В. Сталина. Значительная часть молодых уральцев представляла вождя страны таким, каким он был показан киноактером М. Геловани: молчаливым, но мудрым, гениальным, умеющим все предвидеть («Великое зарево», «Клятва», «Незабываемый 1919-й», «Падение Берлина»). Жизнь послевоенного общества нашла отражение в кинофильмах «Кубанские казаки», «Кавалер Золотой Звезды», «Поэма о море» и др. [5, л. 6].

Как видно, из вышеприведенных примеров по трем областям кинотеатров Южного Урала наибольшая часть представленных к показу провинциальному зрителю фильмов относилась к военной тематике. Для советского человека исследуемого периода, прошедшего через ужасы войны, испытав на себе всю тяжесть переживаний, данные фильмы были понятны и близки.

Чтобы понять фильм, особенно поколению молодому, не знающему тяжесть военных лихолетий, и донести память о прошедшей войне в кинотеатрах Южного Урала помимо демонстрации фильмов проводилась политическая и культурно-просветительная работа. Кинотеатры становились местом организации выставок, фотовитрин, читальных залов; в кинотеатрах читались лекции, проводились беседы и занятия с юными зрителями. Городские кинотеатры устраивали обсуждение просмотренных фильмов в форме зрительских конференций.

Например, кинотеатр «Буревестник» г. Чкалова во втором квартале 1952 года организовал три зрительских вечера, пятнадцать пионерских сборов, два кинофестиваля; в зале кинотеатра было прочитано пять лекций на темы: «Мир победит войну», «Молодые строители коммунизма» и другие. [9, л. 112].

В целях привлечения дополнительного количества посетителей и выполнения финансовых планов в трех кинотеатрах города Чкалова перед сеансами играли инструментальные ансамбли, в «Победе» и «Молоте» выступали симфонические ансамбли [16, л. 26].

В городе Челябинске кинотеатр «25 лет Октября» провел два кинофестиваля, посвященных Неделе детской книги и подвигу участников комсомольского движения в Отечественной войне. Перед началом детских киносеансов во время фестивалей проводилась встреча с Героем Советского Союза подполковником Маковским, рассказывавшим юным зрителям о героизме советских людей в дни Великой Отечественной войны [10, л. 112].

Кроме того, во время кинофестивалей по результатам просмотра фильмов «Как закалялась сталь», «Тимур и его команда» состоялись две детские зрительские конференции, на которых присутствовало 475 детей [14, л.90].

Таким образом, культурно-просветительная работа с молодым поколением Южного Урала, завершавшаяся показом фильма о прошедшей войне давала возможность воспитывать высокие патриотические и нравственные чувства, что на сегодняшний день является весьма актуальным.

С другой стороны, явно негативное влияние на развитие киноискусства в послевоенные годы оказало постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г., регламентировавшее развитие кино на много лет вперед и приведшее к запрету демонстрации ряда отечественных и зарубежных фильмов.

Послевоенное кино воспитывало в людях высокие нравственные качества, уважительное отношение к старшим, к родителям. Кино было добрым, веселым, немного наивным, заряжало зрителей положительными эмоциями, наполняло сердца оптимизмом, что было особенно важно в тяжелое послевоенное время.

Путем формирования в общественном сознании советских граждан определенных установок и ценностей, воспитывалась преданность коммунистическим идеалам, полное доверие к политике партии, любовь к советским политическим вождям, а также к своей родине.

Список литературы:

1. Алятина А.Г. Показ фильмов о Великой Отечественной войне советскому зрителю послевоенного времени (1945-1953 гг.) // А.Г. Алятина / Великая Отечественная война - героическая и трагическая страницы в истории советского народа. Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 14-15 июня 2016 г. : сб. статей / Правительство Оренбургской области ; Консультативный Совет при Законодательном собрании Оренбургской области ; Совет Старейшин Оренбургской области ; ред. кол.: В.А. Лабузов [и др.] – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. – 456 с.

2. Алятина А.Г. Влияние на деятельность учреждений культуры на Южном Урале идеологических постановлений правительства после окончания Великой Отечественной войны // А.Г. Алятина / Наука сегодня: теоретические и практические аспекты [Текст]: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. 2015 г. Часть 3. – Вологда: ООО «Маркер», 2015. С. 68-70.

3. Алятина А.Г. Культура на южном Урале после окончания Великой Отечественной войны (1945-1953 гг.). // А.Г. Алятина – Оренбург: ООО «Агентство «Пресса», 2012. – 272 с.
4. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) - ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культуре и политике. 1917-1953 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М. : МВД, 1999. 872 с.
5. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-1655. Оп.1. Д.22.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-2138. Оп.2. Д. 24.
7. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 166. Оп. 9. Д. 184.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-495. Оп. 1. Д. 252.
9. ГАРФ. Ф. А-495. Оп. 1. Д. 203.
10. ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 431.
11. Исаева, К.М. История советского киноискусства в послевоенное десятилетие // К.М. Исаева. - М. : ВГИК, 1992. 76 с.
12. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-1600. Оп. 1. Д. 138.
13. ОГАЧО. Ф. Р-288. Оп. 15. Д. 230.
14. ОГАЧО. Ф. Р-1600. Оп. 1. Д. 109.
15. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2473. Оп. 1. Д. 304.
16. РГАЛИ. Ф. 2473. Оп. 1. Д. 528.
17. Хисамутдинова Р.Р. Деятельность учреждений культуры на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны / Р.Р.Хисамутдинова, А.Г.Алятина ; Мин-во образования и науки Российской Федерации ; Оренбургский гос. пед. ун-т. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2011. – 300 с., [4 с.] ил.
18. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф. 371. Оп. 12. Д. 791.

ТВОРЧЕСТВО П.И. РЫЧКОВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII-XX ВЕКОВ

Афанасьев Дмитрий Константинович, факультет педагогического образования, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбургская область, г. Орск

Вовк Игорь Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социально-гуманитарных наук, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбургская область, г. Орск

CREATIVITY P.I. RYCHKOVA IN THE DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF THE XVIII-XX CENTURIES

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению работ П.И. Рычкова в отечественной историографии XVIII-XX вв. Рассматриваются различные работы Рычкова в области исторической науки, экономики, прикладных промыслов и т.д.

Annotation: The article is devoted to the consideration of the works of P.I. Rychkova in the domestic historiography of the XVIII-XX centuries. Various works by Rychkov in the field of historical science, economics, applied crafts, etc. are considered.

Ключевые слова: историография, исследование, прикладные промыслы;

Keywords: historiography, research, applied crafts

Посвятить жизнь служению Родине, не требуя ничего взамен – есть высшая форма проявления патриотизма и любви к Отечеству. Примером человека, который отдал все свои годы служению государству, является знаменитый историк, учёный и государственный деятель – коллежский асессор Петр Иванович Рычков.

П.И. Рычков (1712-1777) прожил насыщенную историческими событиями жизнь, оставив после себя многочисленные научные труды по освоению Оренбургского края.

Научно-исследовательская деятельность П.И. Рычкова проходила на приобретенных Российской империи в XVIII веке территориях. На протяжении длительного времени Рычков описывал исторические события, происходившие в 30-50-е гг. XVIII века в Поволжье и Приуралье.

В частности, значимой научной работой П.И. Рычкова является «История Оренбургская», написанная в 1750 году. В данной работе рассматриваются различные теории происхождения термина «Оренбург». Кроме того, П.И. Рычков описывает цели и задачи, ставившиеся основными участниками Оренбургской экспедиции 1734 года (И.И. Кирилловым, Кутлу-Мухаммед Тевкелевым, П.А. Румянцевым) в рамках проекта Кириллова, предусматривавшего освоение казахской степи, сопряженного с созданием экономического и административного базиса российского присутствия.

В своих работах Рычков раскрывает дипломатические аспекты противостояние между правителями Младшего Жуза и российской администрацией, исследует особенности принятия казаками русского подданства в 1731 году.

Главной научной работой П.И. Рычкова считается исследование, изданное в 1762 году – «Топография Оренбургского края». Общая цель при написании труда совмещала в себе две задачи: научную и геополитическую. Первая представляла для ученого значительный интерес в исследовании народов, проживавших в степной части Центральной Азии. Вторая задача заключалась в изучении проблем создания безопасных коммерческих маршрутов для купцов и регулярных войск, путь которых пролегал через степные районы Оренбуржья.

Структурно «Топографию Оренбургского края» можно разделить на две части. Первая часть посвящена истории Оренбургской губернии и является обобщающей. Вторая часть затрагивает экономические и политические аспекты в истории Оренбургского края [13].

Известной работой по отечественной истории, написанной в 1767 году, является труд «Опыт Казанской Истории древнейших и средних времен». В нем П.И.Рычков систематизирует знания о древних народах, живших на территории Поволжья. Автор отражает социально-политическую жизнь болгар, башкир и других тюркских народов, ссылаясь на древние источники и исследования своих предшественников [10].

В частности, П.И. Рычков раскрывает тему военно-политической активности правителей Московского государства и Казани. По его мнению, решение внешне-политических задач, вставших перед российским государством XV-XVI вв., было связано с ликвидацией постмонгольских ханств: Сибирского, Астраханского и Казанского, а также последующим освоением приобретенных территорий.

Основоположники отечественной исторической науки А.Л.Шлецер и Г.Ф.Миллер критически оценивали работу Рычкова «Опыт Казанской истории древних и средних времен». В своей рецензии Шлецер обвиняет его в простом пересказе событий. Он писал, что: «... о казанском царстве существуют на русском языке множество рукописных сказаний то искаженных, то интерполированных и, стало быть, требующих такой же трудной и тонкой критики, как и все прочие русские летописи... Голое извлечение возбуждает только любопытство, не удовлетворяя его... распложает давнишние заблуждения летописцев – неучей и подает повод к высиживанию новых заблуждений» [8, 77-78].

По мнению знаменитого историка и историографа XVIII века Г.Ф. Миллера, П.И. Рычковым были допущены фактические ошибки при написании «Опыта Казанской истории древних и средних времен». Он обвиняет Рычкова в слабой фундированности предлагаемых автором текстов. Миллер пишет: «по моему мнению, вы при том должны еще воспользоваться Лызлова Скифскою Историю. Вы упоминаете Пестрикова, а следует ссылаться только на известных казанских летописцев, из которых Пестриков, как кажется, выписывал слово в слово» [8, 74].

В XIX столетии взгляды А.Л. Шлецера и Г.Ф. Миллера во многом разделял известный историк П.П. Пекарский, который в своей монографии «Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова», изданной в 1867 году, анализировал материалы, собранные автором. П.П. Пекарский отмечает простой пересказ и некритический подход в изучении материалов древних летописцев в исследованиях П.И. Рычкова [3].

В монографии П.П. Пекарский уделяет особое внимание изучению научного наследия русского путешественника. В частности, он разделяет исследования П.И.Рычкова в соответствии с их вкладом в отечественную науку. По его мнению, в работах «История Оренбургская» и «Топография Оренбургского края» П.И.Рычкову удалось собрать и систематизировать не только сведения об освоении Оренбуржья русскими в XVIII веке, но и о коренных народах (казахах, калмыках и т.д.), проживающих в устье рек Волга и Яик [13; 14].

Кроме того, автор обращает внимание на исследования П.И. Рычкова в области прикладных наук, народных промыслов и экономической теории.

В частности, П.И. Рычковым была описана новая система пуховязания. Основной замысел заключался в том, что нужно вычёсывать козий пух, срастив ее с хлопчатобумажной ниткой. Данная технология при посредничестве Рычкова была внедрена в производство после того, как в 1766 году в Вольном экономическом обществе была опубликована статья «Опыт о козьей шерсти» [11].

П.И. Рычковым проводились научно-практические исследования в области пчеловодства, где ученый на основе опытов разрабатывал новые знания по разведению и содержанию пчел. Автор в 1768 году публикует научную статью «О содержании пчёл» в «Трудах вольного экономического общества», где рекомендовалось применить данные представления в различных отраслях сельского хозяйства [12].

В Советском Союзе работы П.И. Рычкова были систематизированы советскими учеными, и особое внимание было уделено исследованиям прикладных промыслов. К числу авторов, которых интересовало творчество П.И.Рычкова, относятся: И.С. Бак, А.Чернышева, В.И.Герасимова, О.С. Попова и Н.И. Каплан.

В частности, И.С.Бак в своей работе «Экономические воззрения П.И.Рычкова» рассматривал социально-экономические предпочтения ученого, выделяя два этапа в развитии его взглядов автора [1].

По его мнению, на начальном этапе «экономизм» Рычкова основывается на теории меркантилизма, который был очень популярен в XVIII столетии. П.И. Рычков отмечает целесообразность ведения внешней торговли и укрепления естественных монополий в развитии производства. Основная роль в организации государственной торговли принадлежит купеческому сословию, в котором Рычков видит: «...проводника государственного вмешательства и регулирования...» [1, 132].

И.С. Бак считает, что после 1765 года точка зрения Рычкова заметно меняется. В этот период ученый отдает приоритет развитию сельского хозяйства, считая его основой экономики. Исследователь указывает на необходимость развития аграрного сектора, который видится ему в качестве стового хребта экономики в целом. П.И. Рычков становится противником отходничества среди крестьян, так как это, по его мнению, отрывает их от обработки помещичьей земли. Тем самым ученый кардинально меняет свои взгляды, выдвигая на первый план идеи развития крепостного права в аграрном секторе, в конечном счете, отказываясь от создания новых мануфактур и расширения промышленной базы. Тем не менее, И.С. Бак считает, что «Рычков отстаивает развитие всех отраслей народного хозяйства... усилением внимания к развитию земледелия...» [1, 137].

Советские историки А. Чернышева и В.И. Герасимова, искусствоведы О.С.Попова и Н.И. Каплан подробно исследовали работы П.И. Рычкова, посвященные пуховязальному промыслу. В частности, Чернышева и Герасимова внимательно изучали технологию вязания, описанную Рычковым, и рекомендовали

внедрить в современное производство пуховых платков А.Чернышева пишет: «...стоит задача дальнейшего улучшения качества и расширения ассортимента изделий из пуха... возродить былую славу, сохранить традиционное искусство оренбургских мастериц, но, используя опыт богатейший опыт прошлого» [16, 234].

Попова и Каплан исследовали пуховязальное ремесло с точки зрения эстетической составляющей и уделяли внимание стилистике в процессе создания оренбургского платка. По их мнению: «Платки вяжут на двух стальных спицах двухизнаночной гладью... Орнамент геометрический, в нем сосредоточены жизненные наблюдения, преображенные творческой фантазией». Авторы считают, что «существует множество орнаментальных элементов и их комбинаций, которые каждая мастерица знает, помнит и приумножает, варьируя» [9, 88; 2; 16].

В 40-50-х гг. XX столетия знаменитый советский географ, картограф и физик Ф.Н. Мильков посвятил свое исследование изучению научной деятельности Рычкова в области лесоводства и топографии [5; 6]. Ученый отмечает преемственность с современными представлениями в данных областях. Ф.Н.Мильков пишет, что «на примере разбора только одной его статьи «О сбережении и размножении лесов» можно видеть, насколько оригинальны и близки к современности его высказывания относительно степных лесов Оренбургского края» [5, 13-14]. Кроме того, Рычковым были достигнуты значительные успехи в изучении картографии Оренбургского края, и им в 1752 году была составлена генеральная карта Оренбургской губернии, которая легла в основу всех последующих топографических исследований [6].

В конце XX века российские историки продолжили традицию в изучении творчества П.И. Рычкова и его роли в отечественной науке. Ученые И.С. Уханов, П.Е. Матвиевский и А.В. Ефремов, М.Г. Новлянская исследовали этапы жизненного пути П.И. Рычкова. В своих работах они подробно освещали не только научную, но и административную деятельность выдающегося ученого [4; 7].

Историк И.С. Уханов в 1996 году пишет первую современную биографию П.И. Рычкова, изданную в серии «Жизнь замечательных людей». В ней он описывает Рычкова как историка, путешественника, экономиста и государственного деятеля [15].

Таким образом, творчество П.И.Рычкова изучалось на протяжении всего периода функционирования отечественной исторической науки. П.И. Рычков был одним из немногих, чья деятельность рассматривалась историками на протяжении нескольких столетий, что в свою очередь свидетельствует о выдающемся вкладе ученого в российскую науку.

Список литературы:

1. Бак И.С. Экономические воззрения П.И. Рычкова / И.С. Бак // Исторические записки. – 1945. – Вып. 16. – С. 126-138.
2. Герасимова В.И. Самобытный образец народного творчества / В.И. Герасимова // Орденосное Оренбуржье. – Челябинск, 1968. – С. 274-283.
3. Деятели прежнего времени в Оренбургском крае: П.И. Рычков // Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии, издаваемые Оренбургским губернским статистическим комитетом. – Вып.2. – Оренбург, 1889. – С. 57-72.

4. Матвиевский П. Е. Первый член-корреспондент Академии наук / П.Е.Матвиевский, А. В. Ефремов. – М.: Наука, 1991. – С.127-156.
5. Мильков Ф.Н. К истории отечественного степного лесоводства / Ф.Н.Мильков // Вопросы географии. – М.: Гос. изд-во, геогр. лит., 1949. – Сб. 13. – С. 193-196.
6. Мильков Ф.Н. Член-корреспондент Академии наук / Ф.Н. Мильков // Жизнь и географические труды. – М.: Гос. изд-во географической литературы, 1953. – С.19-33.
7. Новлянская М.Г. Научные работы Оренбургской экспедиции (1734-1737 гг.) / М.Г. Новлянская // Труды института истории естествознания и техники.– М., Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – Т. 27. – С. 26-43.
8. Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова // П.П. Пекарский. – СПб, 1867.
9. Каплан Н.И. Оренбургские пуховые платки / Н.И. Каплан, О.С. Попова // Русские художественные промыслы. – М.: Знание, 1984. – С. 86-88.
10. Рычков П.И. Опыт Казанской истории древних и средних времён, сочинен Петром Рычковым Статским советником, Санкт-Петербургской Академии наук корреспондентом и Вольного Экономического общества членом / П.И. Рычков. – СПб, 1767. – 233 с.
11. Рычков П.И. Опыт о козьей шерсти / П.И. Рычков // Труды Вольного Экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. – СПб, 1766. – Ч. 2. – С. 63-68.
12. Рычков П.И. Первое продолжение о пчёлах / П.И. Рычков // Труды Вольного Экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. – СПб, 1768. – Ч. IX. – С. 1-27.
13. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии / П.И. Рычков. - Оренбург; Оренбургский отд. Императорского Русского геогр. о-ва, 1887. – 405 с.
14. Рычков, П.И. - История Оренбургская (1730-1750) / П. И. Рычков. - Оренбург; Губерн. Стат. ком.; под ред. Н. М. Гутьяра. – Оренбург, 1896. – 94 с.
15. Уханов И.С. Рычков / И.С. Уханов // Жизнь замечательных людей. – Москва: Молодая Гвардия, 1996. – 132 с.
16. Чернышева А. Из истории пуховязального промысла в Оренбургском крае / А. Чернышева // Степные огни: литературно-художественный альманах. Чкаловск. – Кн. 7. – С. 229-234.

**НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРЕНБУРГСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ
В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1887-1917 гг.)**

Бегимбаева Жибек Сагинбаевна, доцент, кандидат исторических наук, Актюбинский региональный государственный университет имени К. Жубанова, г. Актобе, Республика Казахстан

**SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITY OF THE ORENBURG
ACADEMY OF THE ARCHIVE COMMISSION
IN THE STUDY OF THE HISTORY AND CULTURE
OF THE NOMADIAL PEOPLES OF CENTRAL ASIA (1887-1917)**

***Аннотация:** В статье представлен анализ научно-просветительской деятельности Оренбургской ученой архивной комиссии, ее вклад в изучение истории и культуры кочевых народов Центральной Азии (1887-1917гг.).*

***Annotation:** The article presents an analysis of the scientific and educational activities of the Orenburg Scientific Archive Commission, its contribution to the study of the history and culture of the nomadic peoples of Central Asia (1887-1917).*

***Ключевые слова:** архивная комиссия, фонд, библиотека, архивные источники.*

***Keywords:** archived commission, fund, library, archived sources*

Изучение территории Евразии представляет широкую возможность для проведения системных и сравнительных исследований исторических процессов не только Центральной Азии, но и регионов Прикаспия, Поволжья, Приуралья и Южной Сибири, объединенных общностью исторической судьбы в связи с природно-климатическими особенностями, создавшими предпосылки для кочевой цивилизации. С первой половины XVIIIв. берет начало процесс изучения в Российской империи географии, этнографии, истории и культуры кочевников Центральной Азии. С завершением интеграции Казахстана в состав Российской империи научное изучение края прочно вошло в круг деятельности центральных государственных структур и различных отрядов исследователей. Для создания фундаментальных трудов по социально-экономической истории по отдельным регионам России возникла необходимость расширения теоретической базы исследований. Это обстоятельство обусловило появление в 29 губерниях империи ученых архивных комиссий [1, 5-9].

Инициатива создания Губернских ученых архивных комиссий (ГУАК) принадлежала археографу Н.В.Калачеву (1819-1885), который с 1877г. являлся директором Императорского Археологического института [2, 5]. Статус губернских архивных комиссий в системе научно-исторических обществ и учреждений был своеобразным. Главной их задачей являлось создание губернского исторического архива из документов местных учреждений, представляющих научный интерес. ГУАК руководствовались «Основаниями», утвержденными Комитетом Министров и императором от 13 апреля 1884 г. [3, 11]. Учреждение в 1887 г. Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК), внесло новый импульс в научную жизнь края. ОУАК была организована для формирования архива, упраздненного в 1881г. Оренбургского генерал-губернаторства.

7 декабря 1887г. на основании этих правил в Оренбурге была создана губернская ученая архивная комиссия, главной задачей которой был разбор и исследование архивов, древних книгохранилищ, памятников старины, могильников и курганов, систематизация предметов древности для составления коллекций, которые служили бы началом создания местных исторических музеев, изучение обычаев, нравов, обрядов местного населения, сбор сказаний, песен, пословиц, преданий, былин, легенд [4, 8].

Таким образом, Оренбургская ученая архивная комиссия была учреждена в 1887г. и действовала до 1917г. Самым ценным фактором было то, что ОУАК имела свой печатный орган «Труды». В «Трудах» ОУАК помещено значительное количество исследований и статей по истории Казахстана, Башкирии, Средней Азии, Оренбургского края, Оренбургского казачества. Имеется ряд описей архивов комиссии, отчеты о деятельности и протоколы ее заседаний. Открытие ученой архивной комиссии способствовало изучению территории Центральной Азии, ее природы, истории и дало толчок развитию национального самосознания, ибо «изучение прошлого родной истории позволяет осознать свои истоки, что в конечном итоге приносит пользу обществу» [5, 37].

Исходя из вышеизложенного, целью статьи стал анализ научно-просветительской деятельности Оренбургской ученой архивной комиссии. Проведен анализ работ по истории, культуре и этнографии кочевых народов Центральной Азии, опубликованных в «Трудах» Оренбургской ученой архивной комиссии.

«Труды» Оренбургской ученой архивной комиссии как источник по изучению истории и культуры кочевых народов Центральной Азии во второй половине XIX века

Первый год работы был посвящен разбору архива канцелярии управления Оренбургского генерал-губернатора, который представлял обширный и богатый материал для исторического изучения местного края. В 1882 г. археограф Н.В.Калачев создал комиссию в составе 25-ти человек, на которую возложил разбирать дела по фондам и составить описи [3, 12]. Члены комиссии П.Н.Распопов, Т.С. Игнатъев в течение 4-х лет разбирали дела [4, 9].

9 декабря 1887 г. состоялось первое учредительное собрание комиссии, на котором выступил П.Н.Распопов о состоянии фонда Оренбургского губернатора [3, 12]. По результатам работы членов комиссии состояние архива представлялось в таком виде: рассмотрели – 93 854 дел; определены к хранению 12 265 дел; Археологическому институту передано – 8 929 дел; назначено к хранению в архиве – 21194 дела. И сегодня в Государственном архиве Оренбургской области этот фонд именуется Фонд № 6 «Оренбургское генерал-губернаторство», и включает 17-ть описей, и материалы по истории и культуре поликонфессионального и полиэтничного региона, где проживают русский, казахский, башкирский, татарский и другие народы. В ведомость не вошли отобранные тайным советником Ф.К. Гирсом 667 дел, 255 карт и планов, отдельные бумаги и документы, а также дела, отобранные Археологическом институтом [4, 9]. Вероятно, что эти документы сегодня хранятся в Российском Государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге.

Членами комиссии были заложены основы фондов, которые имеются сегодня в Государственном архиве Оренбургской области. Документы были многоплановые, отражающие различные аспекты истории, но в первую очередь были выделены: вопросы колонизации края, включая миграции населения; экономиче-

ское развитие, включая транспортные коммуникации, торговые отношения, добывающую промышленность; земельный вопрос: изъятие земель у башкир, казахов; развитие народного образования; сословный состав Оренбургского казачьего войска, деятельность наказных атаманов, столкновения казаков с башкирами и казахами, участие Оренбургского казачьего войска в походах в Среднюю Азию и экспедициях против казахского населения; управление нерусскими народами: казахами, башкирами; реформы, волнения, быт народа, посольства из Хивы и Бухары к высочайшему двору, дипломатические отношения со среднеазиатскими ханствами [3, 12]. Кроме того, был выделен фонд, касающийся личностей, внесших вклад в развитие региона: В.В. Вельяминов-Зернова (1830-1904), А.Э.Эверсмана, В.В. Григорьева (1816-1881), Н.В. Ханыкова.

Для деятельности ОУАК был важен сбор документального материала, тексты песен, народные предания, относящиеся к историческому прошлому края [4, 8]. После окончания технической работы по разбору и описи материалов, члены комиссии перешли к научно-исследовательской деятельности [6, 22]. В 1896г. комиссия состояла уже из 67 действительных членов [7]. С каждым годом увеличивалась динамика численности состава комиссии. В 1897г. комиссия состояла из 105 действительных членов [8, 37-43]. Попечителем комиссии являлся Оренбургский губернатор, генерал-майор В.И.Ершов (1844-1899), почетным членом состоял попечитель Оренбургского учебного округа, тайный советник И.Я.Ростовцев. Наряду с вопросами комплектации архива, члены комиссии занимались образованием при архиве историко-этнографического музея [9, 51].

В 1897 г. исполнилось десять лет существования комиссии. За этот период членами комиссии была проведена большая работа по изучению различных аспектов истории. Определенный блок работ был посвящен археологическим изысканиям, при этом впервые были указаны памятники: А.В. Попова «Дневник раскопок, произведенных летом 1897 г.»; И.С. Шукшинцева «Сведения о курганах в Оренбургской губернии»; М.Юдина «Заметка о курганах» [10]; А.И.Матов «О развалинах Болгасын и преданиях, связанных с нею» [8, 39].

Второй цикл работ был посвящен сбору исторических песен, фольклору кочевых народов Центральной Азии: «Маршрут путешествия от Багдада до Оренбурга, от Оренбурга до Пешавера и от последнего до Троицка турецкого подданного Хази Мухамет Хозясынова» из неизданных произведений Г.Р. Державина; Д.Н.Соколова «О башкирской летописи, найденной П.С. Назаровым и об ее источниках» и «Дополнения к башкирской летописи»; С.Н.Севастьянова «Несколько старинных песен» [8, 39].

Следующий цикл работ был посвящен изучению горнодобывающей промышленности Южного Урала, положению крестьян: «Положение горнозаводских крестьян Кананикольского завода накануне реформы 19 февраля 1861г.»; П.В.Жуковский «Дело Товарищества с башкирцами Иреклинской волости о земле в 1786 г.» [8, 39].

Действительный член ОУАК И.С. Шукшинцев написал интересную статью о первых врачах-башкирах, работавших в Оренбургском крае, а именно, Арыслане Субханкулове, Х. Шарипове [11, 27-29]. В «Трудах» ОУАК были опубликованы две работы, посвященные изучению обычного права казахов. Это исследование действительного члена ОУАК с 1905г., Л.А. Словохотова «Народный суд обычного права киргиз Малой Орды» [12]. Леонид Александрович Словохотов служил секретарем суда [13, 56]. Основная мысль работы Л.А. Словохотова заключается в

том, что народное судопроизводство казахского народа является результатом длительного эволюционного процесса, в котором народ выработал гласную, публичную, своеобразную, но ему вполне понятную структуру судебных процессов [12, 82]. И реформировать результаты многовекового эволюционного процесса необходимо с учетом особенностей образа жизни казахов, чтобы достигнуть результата в процессе колонизации края.

В работе действительного члена ОУАК с 1901г., А.И. Мякутина «Юридический быт киргиз» рассмотрены пункты обычного права, регулирующие новые для казахского общества отношения [14]. Мякутин Александр Иванович служил сотником, бригадным адъютантом [13, 56]. Под влиянием товарно-денежных отношений, распространения гражданского права Свода законов Российской империи, в казахском обычном праве появляются положения, определяющие взаимоотношения должника и кредитора, ответственности за неуплату долга, формы взыскания долга и процентов и т.д. [14, 177-178].

Обе работы являются весьма ценными источниками для изучения обычного права казахов, юридических, социально-экономических отношений казахского общества. Таким образом, оренбургские краеведы, используя архивные источники, писали научные труды, большая часть которых была опубликована в научном печатном органе ОУАК «Труды».

Деятельность ученой архивной комиссии отличалась многоплановостью и комплексным характером. В сферу деятельности членов ОУАК входила архивная, исследовательская, просветительская деятельность. Вклад деятелей ОУАК в становление и развитие архивного дела в крае заключается в сохранении ценного фонда документальных памятников в том виде, в каком исследователи и поныне ими пользуются. Именно в результате многоаспектной деятельности Оренбургской ученой архивной комиссии сформировался своеобразный исторический источник – «Труды» Оренбургской ученой архивной комиссии. За тридцать лет своей деятельности (1887-1917) ОУАК издала 35 томов научных трудов, содержащих богатый фактический материал по истории и культуре народов Поволжья, Приуралья, кочевых народов Центральной Азии [15, 64].

Научно-просветительская деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии

В 1897 г. ОУАК наладила отношения и обменивалась своими изданиями со многими научными учреждениями: Императорской археологической комиссией; Императорским археологическим обществом; Московским публичным музеем; Императорским Одесским обществом истории и древностей; Императорским Московским археологическим обществом; Туркестанским кружком любителей археологии; Императорским Московским обществом истории и древностей Российских; Подольским епархиальным историко-статистическим комитетом; Церковно-археологическим обществом при Киевской духовной академии; Обществом истории, археологии и этнографии при Императорском Казанском университете. Поддерживались отношения со статистическими комитетами: Оренбургским, Астраханским, Уральским, Уфимским. ОУАК обменивалась изданиями с архивными комиссиями Российской империи: Калужской, Рязанской, Нижегородской, Орловской, Таврической, Тамбовской, Саратовской, Симбирской, Костромской, Ярославской, Тверской. Со средствами периодической печати: Тургайской газетой, Оренбургскими губернскими Ведомостями [8, 41].

При ОУАК имелись две библиотеки: 1) повременных и новых изданий; 2) старых книг и рукописей. Первая включала в себя к 1 января 1898 года – 300 названий в 590 томах, и пополнялась как пожертвованиями от частных лиц, так и путем обмена с научными обществами России. Больше всего пожертвовал книг библиотеке действительный член ОУАК Н.Н. Волжин. Библиотека старых книг и рукописей состояла из 112 названий в 148 томах и формировалась за счет взаимного обмена изданиями, покупки книг и рукописей, но в большей степени, частными пожертвованиями. В 1897г. Оренбургский уездный комитет попечительства о народной трезвости, а также члены ОУАК Н.В. Беляков и Н.Н. Волжин, подарили свои старые книги библиотеке [9, 7].

Важным направлением в научно-просветительской деятельности архивной комиссии было создание в Оренбурге музея. Экспонаты музея комиссией собирались исключительно на пожертвования частных лиц. В конце 1897г. дирекция Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса передала свои старинные вещи в распоряжение комиссии, чем пополнила музей. В музей поступали также записки местных старожилов, летописи, сборники песен, загадок и пословиц, очерки быта, предания и легенды, древние предметы быта: медная чашка и ручные жернова [9, 18]. Сотрудники ОУАК проводили археологические раскопки в Оренбургском, в Челябинском и Троицком уездах. В результате раскопок, найденные экспонаты: «человеческие черепа, глиняная и каменная посуда, железные орудия, медные наконечники стрел», были отправлены в музей [8, 40]. Открытие музея состоялось 10 мая 1897г. В честь открытия было произведено торжественное молебствие преосвященным Владимиром, епископом Оренбургским и Уральским, при участии архиерейского хора. На открытии присутствовали Оренбургский губернатор В.И. Ершов, члены комиссии с председателем во главе и большое количество горожан. Музей пользовался большой популярностью, в течение полугода его посетило 4543 человека [8, 42]. В результате кропотливой работы оренбургских краеведов была собрана музейная коллекция, которая позволила сотрудникам использовать фонд музея в различных выставках и собирать большое количество посетителей.

К началу XX века число членов комиссии растет и достигает 150 человек. Растет и ее авторитет как научного учреждения. Среди почетных членов значатся профессор В.В.Бартольд (1869-1930), Н.В.Покровский – директор Санкт-Петербургского Археологического института, академик В.В.Радлов (1837-1918) и многие другие [16, 12]. Активно работали в комиссии действительные члены: И.С.Шукшинцев, Л.Н.Цабель и другие. В числе членов ОУАК были и представители казахской, татарской и башкирской интеллигенции, такие как заведующий двухклассным русско-казахским училищем Г.-Г.Балгимбаев (1866-1942), редактор газет «Вахыт» Ф.Каримов (1870-1937), золотопромышленник М.С.Рамеев, М.-Ш.Хаиров, М.-Ф.Сулейменов, Р.Фахретдинов (1859-1936) и другие [18, 46]. Членами научных обществ были чиновники Оренбургского генерал-губернаторства Т.Еникеев, Г.Х. Еникеев (1864-1931) [17, 7-9].

Одним из наиболее известных знатоков русской научной литературы о кочевых народах Центральной Азии был А.Е.Алекторов (1861-1918). В 1886-1908 гг. он занимал должность инспектора и директора народных училищ сначала в Букеевской орде, затем, последовательно, в Астраханской губернии, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях [18, 115]. А.Е.Алекторов, являясь

членом оренбургских научных обществ, опубликовал более двухсот статей в «Известиях» Оренбургского отдела Русского географического общества и «Трудах» Оренбургской ученой архивной комиссии, посвященных изучению и освещению исторического прошлого кочевых народов, их культуры и быта, развития просвещения в Центральной Азии [17, 7-9]. Созданный им «Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах» объемом около тысячи страниц содержит огромное количество библиографических названий и является наиболее полным из всех существующих изданий подобного рода [19].

В 1904г. Рамеев М.С. представил в архивную комиссию рукописную книгу, отдельные места из которой были опубликованы и прокомментированы профессором В.В. Бартольдом [20, 7]. Гайса Хамидуллоевич Еникеев родился в семье потомственных дворян, уроженец Уфимской губернии, выпускник Оренбургской учительской семинарии. Как учитель был сторонником новых методов обучения в башкирских и татарских школах. Г.Х. Еникеев участвовал в работе Оренбургской ученой архивной комиссии и Оренбургского отдела Русского географического общества. С 19 лет Г. Еникеев собирал башкирские и татарские народные песни, был певцом с яркой, самобытной манерой исполнения. Будучи депутатом 4-х созывов Государственной Думы, Г. Еникеев выступал против расхищения башкирских земель, требовал обучения башкир на родном языке [21, 184].

С Оренбургом был связан татарский общественный деятель, писатель и публицист Фатих Каримов, уроженец Бугульминского уезда Уфимской губернии. Ф.Каримов изучал восточные и европейские языки в Стамбуле [22, 1-5]. С 1902г. заведовал типографией в Оренбурге, полученной в наследство от отца. Был редактором газеты «Вахыт», способствовал развитию общественного сознания среди татар, башкир и казахов [23, 7-9]. В 1912г. на современной для условий своего времени типографии, был отпечатан 23-й выпуск «Известий» Оренбургского отдела Русского географического общества.

Разработкой архивных материалов и изучением палеоэтнографии, археологических и архитектурных памятников казахской степи занимались и Оренбургский отдел Русского географического общества, и Оренбургская ученая архивная комиссия. Исследования и документы по истории и этнографии кочевых народов Центральной Азии печатались и в «Известиях» Оренбургского отдела Русского географического общества, и в «Трудах» комиссии. Оба учреждения часто проводили совместно и свои заседания. В 1911г. было проведено шесть совместных заседаний, большинство из которых были посвящены обсуждению докладов о надгробных сооружениях в казахской степи и связанных с этим, обычаями, обрядами и суевериями кочевников [24, 18].

Исследователей А.А.Аниховского, И.В.Аничкова, И.С. Шукшинцева консультировал профессор В.В. Бартольд. В 1904г. он присутствовал на заседании Комиссии и участвовал в обсуждении результатов экспедиции в Актюбинские степи [25, 225]. В анализе и описании степных каменных баб, И.А.Аничков сообщил, что «бабы эти отличаются большой выразительностью» [26, 118].

Самым деятельным членом Оренбургской ученой архивной комиссии был учитель французского языка Оренбургской гимназии И.А. Кастанье [27, 53]. Свою научную деятельность он проводил в двух направлениях: занимался раскопками и составлением свода памятников древней культуры казахской степи. Наиболее полно археологический материал, накопленный до XX в., был систематизирован

И.А. Кастанье в труде «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» [28]. В этот свод вошли материалы П.С.Палласа, П.И.Рычкова, А.И.Левшина, Г.М.Спасского, С.И.Гуляева, В.В.Радлова, Н.Я.Коншина и других ученых. Книга состояла из введения, краткого исторического очерка казахских степей с объяснительной картой и 4-х глав. Сведения были сгруппированы в главах по областям и уездам, а внутри разграничены по рубрикам: курганы, городища, надгробные сооружения, древние рудники, каменные изваяния, камни с надписями и изображениями, пещеры [28, 10]. В книгу вошли памятники, расположенные на территории современного Казахстана [28, 9]. Труд И.А. Кастанье был первой попыткой составления свода памятников древней культуры казахской степи. Важно и то, что этот труд вышел как на русском, так и французском языках [15, 66].

2 февраля 1911г. под председательством А.В.Попова было проведено объединенное собрание Оренбургской ученой архивной комиссии и Оренбургского отдела Русского географического общества, в количестве 24-х членов обоих научных обществ [29, 55-66]. Были обсуждены организационные вопросы совместной научной деятельности, постоянным секретарем собрания был избран И.С.Шукшинцев. Внимание членов собрания привлекли доклады Г.Н.Кирилина «Результаты нивелировки в Тургайском уезде» и «Древние надписи и тамги киргизской степи». Общим собранием было принято решение о публикации доклада «Древние надписи и тамги киргизской степи» в «Трудах» ОУАК. На собрании был утвержден, составленный П.А. Воронцовским проект «Наказа строительной комиссии Музея Оренбургского края» [30, 6].

В заключении, хотелось отметить, что в контексте политики Российской империи XVIII-XIX вв. предпринят анализ истории изучения истории и культуры кочевых народов Центральной Азии через призму деятельности научных обществ, в частности Оренбургской ученой архивной комиссии. Разнообразная научная деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии носила в целом прогрессивный, демократический, просветительский характер. «Чем лучше будем мы знать свое прошлое, тем яснее для нас должно казаться будущее и тем легче будут переноситься невзгоды настоящего», – эти слова прозвучали лейтмотивом деятельности Оренбургской Ученой архивной комиссии, которая сыграла большую роль в изучении исторического прошлого кочевых народов Центральной Азии [3, 11]. Безусловно, важен поиск новых исторических документов, осмысление и уточнение опубликованных исторических материалов, изданных научными обществами Российской империи по изучению истории и культуры кочевников Евразии.

Список литературы:

1. Официальные документы по учреждению ученых архивных Комиссий и губернских исторических архивов // Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом. – Выпуск №1. – 1885. – Санкт-Петербург, Типография Императорской Академии наук.
2. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России конца XIX-начала XX вв.: автореф. ...доктора ист. наук: 07.00.09. – М., 1991. – 32 с.
3. Гаеров Ф. 96, Оп.1, Д.69.
4. ГАОрО Ф.96, Оп.2, Д.45.

5. О задачах, деятельности и общественном значении Ученых Архивных комиссий вообще и Оренбургской Архивной комиссии в частности // Труды ОУАК. – Выпуск № 2, Оренбург, 1897. – 659 с.
6. Цыпляев П.И. Деятельность Оренбургской Ученой архивной комиссии с 1887 по 1896 гг. // Труды ОУАК. – Вып. № 30. – Оренбург, 1914. – 227 с.
7. Отчет Оренбургской Ученой архивной комиссии за 1895-1896 гг. // Труды ОУАК. – Выпуск № 2. – Оренбург, 1897. – 659с.
8. Отчет о деятельности ОУАК за 1897 г. // Труды ОУАК. – Выпуск № 4. – Оренбург, 1898. – 120 с.
9. ГАОрО Ф.94, Оп.1, Д.51.
10. Труды ОУАК. – Вып. № 4. – Оренбург, 1898. – 120 с.; Вып. № 6. – Оренбург, 1900. – 337 с.
11. Шукшинцев И.С. Первые врачи из башкир в Оренбургском крае //Труды ОУАК. – Выпуск 11. – Оренбург, 1903.
12. Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой Орды // Труды ОУАК. – Выпуск 15. – Оренбург, 1905.
13. Удербаетова С.К. Материалы по казахскому обычному праву в «Трудах» Оренбургской Ученой архивной комиссии // Отандық тарихты оқыту: проблемалары мен инновациялық мәселелері: Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің 70 жылдық мерейтойына арналған халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. 2-бөлім. – Алматы: Қазақ университеті, 2004. – 316 б.
14. Мякутин А.И. Юридический быт киргиз. //Труды ОУАК. – Вып. № 25. – Оренбург, 1910.
15. Каримов К.К. Наука в дореволюционном Башкортостане. – Уфа: «Восточный университет», 1999. – 116 с.
16. Гра А. Отчет о состоянии и деятельности ОУАК за 1913 г. // Труды ОУАК. – Выпуск № 33. – Оренбург, 1916. – 163 с.
17. Приложение к отчету ОУАК. //Труды ОУАК. – Вып. № 2. – Оренбург, 1897. – 659 с.; Известия Оренбургского отдела ИРГО. Приложение к отчету за 1899 г. – № 1. – Вып. XV. – Оренбург, 1900. – 124 с. Типолитография Ф.Б. Сачкова.
18. Ламашев Ә. Ыбырай Алтынсарин және оның орыс достары мен ізбасарлары. – Алматы: Қазақстан, 1988. – 184 б.
19. Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. – Казань, Типолитография Императорского университета, 1900. – 991 с.
20. Приложение к отчету ОУАК // Труды ОУАК. Оренбург. – Вып. № 2. – 1897. – 659 с.; Галиев В.З. Караванные тропы: (Из истории общественной жизни Казахстана XVII-XIX веков). – Алматы: Атамұра, 1994. – 128 с.
21. Бикбулатов Н.В. Становление и развитие этнографической науки // В научном поиске. – Уфа, 1982.
22. НА РТ Ф.1370, Оп.2, Д.35.
23. НА РТ Ф.1370, Оп.1, Д.6.
24. Шукшинцев И.С. Отчет о деятельности ОУАК // Труды ОУАК. – Вып. № 29. – Оренбург, 1913. – 239 с.
25. Гра А. Речь, произнесенная на юбилейном заседании ОУАК // Труды ОУАК. – Вып. № 29. – Оренбург, 1914. – 239 с.

26. Аничков А.И. О курганах и каменных бабах Тургайской области // Труды ОАУК. – Вып. № 14. – Оренбург, 1905.

27. Абилев А.К., Аханов Ж.А. Из истории деятельности научных учреждений по изучению Казахстана XIX-начала XX вв. – Алма-Ата, Ғылым, 1990. – 67 с.

28. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды ОАУК. – Вып. № 22. – Оренбург, 1910. – 329 с.

29. Бегимбаева Ж.С. Проекты Оренбургского отдела Русского географического общества по изучению культуры кочевых народов Южного Урала во второй половине XIX века // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII-XIX веков: сравнительно - исторический анализ политики Российской империи. Сборник научных статей (отв. редактор Г.С. Султангалиева). – Алматы: «Қазақ университеті», 2015. – 20 п.л.

30. Протокол соединенного собрания ОУАК и Оренбургского отдела ИРГО 2 февраля 1911 г. // Известия Оренбургского отдела ИРГО. – Вып. XXIII. Под ред. Правителя отдела П.А. Воронцовского. – Оренбург, Типо-литография Т-ва «Каримов, Хусаинов и К-о.», 1912. – 147 с.

РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бекбергенова Лаззат Умерзаковна, юридический факультет Аккредитованного Образовательного Частного Учреждения Высшего Образования «Московский финансово-юридический университет МФЮА» филиал в городе Орске, Оренбургская область, г. Орск

REGULATION OF SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

***Аннотация:** В статье анализируется проблема социального развития, раскрывается обязанность государства в социальной сфере, уточняется термин конституционная безопасность. Статья также определяет основную задачу во внутренней политике государства.*

***Annotation:** The article analyzes the problem of social development, reveals the duty of the state in the social sphere, clarifies the term constitutional security underlying all rights. The article also defines the main task in the domestic policy of the state.*

***Ключевые слова:** демографическая ситуация, социально-экономическое развитие, социальная политика, обязанность государства, конституционная безопасность, социально государство,*

***Keywords:** demographic situation, socio-economic development, social policy, the duty of the state, constitutional security, social state*

В настоящее время Россия переживает кризис социальной сферы. Сложившаяся ситуация осложняется и тем, что отсутствует целостная концепция социальной политики, не конкретизированы ее ориентиры на длительную перспективу, не определены основные модели социального государства. Возникает потребность уточнения целей и приоритетов экономической и социальной политики, а также корректировки механизма государственного регулирования развития социальной политики. Этим объясняется актуальность рассматриваемой научной проблемы.

Проблемы развития социальной сферы были затронуты во многих научных трудах ведущих российских и зарубежных ученых. Огромный вклад в разработку отдельных аспектов этой проблемы внесли Г. Беккер [1,305], М. Доэл [2,117-127], Н. Луман [3,643]. Однако проблема государственного регулирования развития социальной сферы региона остается недостаточно изученной как в российской, так и в мировой науке.

Современная Российская Федерация провозглашает себя социальным государством, политика которого направлена именно на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [4]. Понятие «социальное государство» ново для российского законодательства. Оно впервые употреблено в Конституции Российской Федерации 1993 года.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства. Смысл такой обязанности государства основывается на следующем положении: каждый человек вправе рассчитывать на такой уровень жизни, который позволил бы не только существовать, но и формировать и проявлять себя как личность, принимать непосредственное участие в производстве материальных благ. В данном случае говорится о создании благоприятных правовых и организационных условий (возможностей), чтобы граждане собственными усилиями достигали материального достатка для себя и своей семьи.

Для сохранения конституционной безопасности необходимо стабилизировать свободу, справедливость, обеспечивать уважение и охрану достоинства человека, лежащие в основе всех его прав, устойчивое развитие основ конституционного строя.

Связанность всех государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц всех уровней нормами права предполагает закрепление в них (то есть в правовых нормах) необходимых социальных гарантий [5].

Разрешению подлежат проблемы на местах на территории местного самоуправления, т.к. именно отсюда и возникают проблемы социального развития. Основной проблемой на местном уровне является отсутствие рабочих мест и низкая заработная плата, в следствии чего возникает ситуация оттока населения, т.е. демографическое развитие на местном уровне стремительно идет к снижению.

Содержание социальной политики – это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России [6,2]. Поэтому усилия направлены на поддержку традиционных ценностей и семьи, на демографические программы, улучшение экологии, здоровья людей, развитие образования и культуры. Необходимо продолжать изменения в социальной сфере, чтобы она становилась ближе к людям, к их запросам, была более современной и справедливой. Социальные отрасли должны привлекать квалифицированных людей, талантливую молодёжь, поэтому есть необходимость повышения зарплаты специалистов, улучшения условий их труда [7,3].

Федеральный закон как нормативный акт общего действия, регулирующий те или иные вопросы (предметы) совместного ведения, определяет права и обязанности участников правоотношений [8,33]. Но самое важное место в социальной политике занимает Президент Российской Федерации. В рамках ежегодного Послания Федеральному Собранию РФ, который прошел 1 декабря 2016 года, Путин определил важную задачу страны - это развитие внутренней политики государства именно в социально-экономической сфере. Сообщается, что в последние десять

лет в 15 раз увеличился объём высокотехнологичной медицинской помощи. Сотни тысяч сложных операций делаются не только в ведущих федеральных центрах, но и в региональных клиниках [9,1].

В рамках Послания Федеральному Собранию РФ В.В. Путин коснулся и области образования. Указывается, что в период с 2016 по 2019 годы планируется создать почти 188 тыс. новых мест в школах. Президент также напомнил, что программа создания новых мест в общеобразовательных организациях рассчитана на 2016 - 2025 годы и на нее предусматривается по 25 млрд руб. ежегодно [10,2].

Таким образом, следует развивать именно социальную политику нашего государства, и непосредственно содействовать его развитию. Для эффективного развития России, ликвидации тяжелого положения в социальной сфере государства необходимо повысить эффективность, прежде всего, региональных программ развития социальной сферы.

Список литературы:

1. Игнатъев В.И. Социология систем как информационное взаимодействие. // В.И. Игнатъев, Т.В. Владимирова. - Новосибирск: НГТУ, 2012. - 305 с.
2. Конарева Л.А. Стратегия реализации социальной ответственности в XXI веке // Л.А. Конарева. / Власть 2013. № 2. - С.117-127.
3. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории: пер. с нем. // Н. Луман. – С-Пб.: Наука, 2007. - С. 643.
4. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 Принята всенародным голосованием (с изм. и доп. в ред., от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ.2014. № 31. Ст. 2.
5. Волгин Н.А. Государственная и муниципальная социальная политика. Курс лекций: учебное пособие / Н.А. Волгин и др. - М.: КНОРУС, 2011. - 1016 с.
6. Морозова Е.А. Демографическая ситуация и ее влияние на социально-экономическое развитие региона. // Вестник Кемеровского государственного университета. - 2012. - №2. - С.2-5.
7. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. N 442-ФЗ "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп. от 21.07.2014) // Росс. газ. 2013. 30 дек., с.3.
8. Гоптарева И.Б. К вопросу о законодательном регулировании предметов совместного ведения РФ и ее субъектов (на примере Оренбургской области) // И.Б.Гоптарева, О.А. Фомичева / Труды Оренбургского Института (филиала) МГЮА, Оренбург: 2011. - № 11. С. 33-54.
9. Шалыгина Л.С. Экспертная оценка перспектив развития высокотехнологичной медицинской помощи в субъекте РФ // Л.С. Шалыгина. / Росздравнадзор. 2015. № 2, с.1-4.
10. Путин В.В. Зерна Развития: Послание Президента РФ к Федеральному Собранию РФ 1 декабря 2016 года // В.В. Путин / Российская газета от 2 декабря 2016 года. С.2.

ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ОСНОВЫ СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ ВЛИЯНИЯ АВАРСКОГО КАГАНАТА

Браксаторис Мартин, отделение древней словацкой письменности
Институт словацкой литературы Словацкой академии наук
г. Братислава, Словакия

Ондрейчик Михал, кафедра международного права юридического
института, Российский университет дружбы народов, г. Москва

THE HETEROGENEITY OF THE PRASLAVAN FOUNDATION OF SLOVAKIAN LANGUAGE IN THE LIGHT OF THE INFLUENCE OF THE AVIGARIAN CAGANATA

Аннотация: Авторы предлагают базис теории, связывающей древнее западнославянское ядро праславянской основы словацкого языка со склавинами и незападнославянское ядро с антами и другими незападными славянами, интегрированными во властвующие и управляющие структуры Аварского каганата. Статья содержит периодизацию отдельных языковых изменений относительно условий, сложившихся в тогдашнем каганате.

Annotation: The authors propose a basis for a theory linking the ancient West Slavic core of the Proto-Slavic basis of the Slovak language with the folds and the non-Slavonic core with antes and friends of non-Western Slavs integrated into the ruling and governing structures of the Avar Kaganate. The article contains a periodization of individual linguistic changes with respect to the conditions prevailing in the then Kaganate.

Ключевые слова: словацкий язык, западнославянская, незападнославянская, праславянская основа, склавины, анты, авары.

Key words: Slovak language, West Slavic, non-West Slavic, Proto-Slavic core, Sclaveni, Antes, Avars.

При объяснении происхождения праславянской основы словацкого языка на сегодняшний день, как правило, используется миграционно-интеграционная теория, которую выдвинул Рудольф Крайчович [18], согласно которой гетерогенное ядро словацкого языка сформировалось уже в эпоху Великого переселения славян вследствие заселения территории современной Словакии с разных направлений: запада и востока с севера и северо-востока, и центра с южного или юго-восточного направления [18,15]. По теории Крайчовича, это ядро было далее подвергнуто влиянию интеграционных процессов, начало которых определяется на основе противостояния западных славян аварскому господству [18,16]. В конечном итоге должны были иметь место процессы, ведущие к окончательному формированию словацкого языка как самостоятельного [18,17]. Вразрез теориям, предполагающим миграционное распространение славянских языков, к которым относится и теория Крайчовича, находятся попытки объяснить распространение праславянского языка на основании его использования в качестве *lingua franca* в регионах нижнего и среднего Дуная [5]; эти попытки нередко воспринимаются с определенной степенью недоверия [32,73]. И хотя мы не придерживаемся мнения, что данная теория была бы в целом приемлемой, в данном тексте предоставим преимущество теории, которая предполагает миграционное происхождение древней западносла-

вянской праславянской основы и отчасти немиграционное происхождение древней незападнославянской праславянской основы словацкого языка. Данное разъяснение основывается на мнениях некоторых экспертов касательно первой (склавиной) и второй (антской) волн славянской колонизации территории центральной Европы [2,20–21; 29,12; 47,43].

Две волны славянской колонизации центральной Европы

Упомянутое разграничение сходится с археологическими сведениями, согласно которым склавины были носителями пражской материальной культуры¹; в сфере нематериальной культуры, при определенном упрощении, их можно представить в качестве предков западных славян. Во время миграционного и послемиграционного периода их поселения наиболее концентрировано располагались на территории восточной Словакии, куда они добирались через перевалы на севере восточной Словакии, и на территории западной Словакии, куда мигрировали через Судетские перевалы [60,25]; Габриель Фусек предполагает, что перемещение славян сюда состояло из трех фаз начиная с 70-х годов 5 столетия [11,645–656; 15,26]. Значит, археологические сведения опровергают теории, которые пытаются доказать зависимость прихода славян от аварского вторжения, и подтверждают, что славяне заселили обширные территории центральной и западной Европы за полстолетия до прихода аваров [14,88]. Упомянутые сведения можно успешно привязать к концепции миграционно-интеграционной теории.

С другой стороны, однако, кажется, что, в отличие от склавино-славянского передвижения, археологические сведения не указывают на славянскую миграцию, которая бы вела на территорию Словакии с юга и юго-востока до момента покорения Паннонии аварами. Территория Словакии (за исключением Загорья) после заселения склавиной не принадлежала ни одной германской империи [46,20], однако на юге соседствовала с территориями гепидов (на юго-востоке), и лангобардов (на юго-западе), или же с территориями, которыми поочередно обладали гепиды и лангобарды (регионы междуречья Дуная и Тисы). Склавины в данной ситуации представляли собой третью силу, помощь которой требовалась враждующим лангобардам и гепидам [46,20]. Кроме того, славяне из корыстных побуждений вступали в союзы с гепидами против Византии [46,23–24]. В 536 году гепиды захватили Сирмию [3,151]. Через Сирмию, который гепиды уверенно держали в своих руках, проходило большинство склавино-славянских кампаний против Византии [3,158]. Вопреки существующим союзам не имеется подтверждений тому, чтобы склавины занимали территории гепидов; исходя из этого можно предположить, что гепиды не разрешали славянам занимать свои территории [10,354]. Это, однако, не значит, что склавины не занимали территории, лежащие южнее Словакии. Как пример можно указать регион верхнего Потисия, археологические исследования которого указывают на то, что территории гепидов и территории с наличием остатков пражской культуры не пересекаются [10,354]. Допускается при этом возможный более ранний приход славян на территории верхнего Потисия, конкретнее во второй трети, или же во второй половине 6 столетия, т.е. еще до прихода аваров; с точки зре-

---

¹ Понятие ввел в 1940 году чешский археолог Иван Борковский [1] как основное в рамках своей теории касательно старейшей славянской керамики в центральной Европе; его теория подтвердилась во время дальнейших археологических исследований. См. также [15,25].

ния исследования начал славянской колонизации приход аваров считается несущественным [10,354]. Кроме того, имеются сведения о миграции склавинов через Дунай и альпийские долины на территории современной Австрии в Словению [25,83], а также некоторые другие сведения о славянских поселениях южнее Словакии. По существующим археологическим сведениям, Паннония на тот момент не имела следов пребывания славян [49,167–173; 66,287–289], лишь небольшое количество следов нахождения славян обрануржено на всей территории Венгрии, да и те более поздней датировки (приблизительно первая треть 7 столетия) [15,30; 15,33], что объясняется актуальным состоянием научного знания [15,30]. Важным здесь является тот факт, что речь идет об имеющихся данных относительно движения склавинов на юг, а не движения славян иного происхождения (с которыми бы можно было связать незападных славян) на север. В 567 году кульминировал традиционный лангобардо-гепидский конфликт. Чаша весов склонялась в пользу гепидов, поэтому король лангобардов не сомневался в заключении союза с аварами; король гепидов пал в бою, а авары уничтожили его империю и заняли ее территорию [46,25]. Гепиды потеряли все свои территории после поражения лангобардами и их последующего заселения аварами на переломе 567/568 годов [10, 18]. В последующем году прекратила свое существование и империя лангобардов. Паннония досталась аварам и в начале апреля 568 года оставшиеся лангобарды сбежали на территорию Италии [46,25; 8,62]. После ухода лангобардов моравские славяне имели возможность занять южную Мораву, Загорье, Вайнфиртель и Ругиланд [46,25]. Что касается Моравы, то она заселялась славянами уже во второй половине 6 столетия и в дальнейших годах; ее южную часть славяне смогли занять лишь после ухода лангобардов [13,13–15]. Вместе с лангобардами отступили и гепиды, а также другие этнические группы (свевы, сарматы и болгары) [3,161]; на их место пришли авары, славяне и кутригуры [3,161].

Авары представляют собой элемент, который в словацкой истории является мистифицированным и демонизированным [53,9]. Даже в той части научного общества, в которой подобный подход воспринимается критически, как минимум полагается, что роль аваров в истории славянской общности в общем нельзя оценивать позитивно [53,9]. При этом, однако, кажется, что приход незападных славян на территорию центральной Европы, а также особенности словацкого языка по сравнению с остальными западнославянскими языками, прямо зависят от аварской экспансии. Авары с 558 года стали господствовать над причерноморскими степями и раздробили болгарские племена кутригуров и утугуров [46,25], опустошили земли антов и не переставали грабить и похищать людей; тогда под власть аваров попало множество славянских племен [46,25]. На Среднедунайскую низменность авары не пришли сами; кроме болгарских кутригуров они привели с собой завоеванные или союзные славянские племена [46,25], включая антов [65,127]. После заселения Паннонии и прилегающих территорий был создан Аварский каганат. Это политическое формирование имело выразительное влияние на создание исторических событий в центральной Европе на протяжении длительного отрезка времени, который обозначен своим появлением (567/568) и периодом происходящих на протяжении приблизительно 15 лет франко-аварских войн (788-803) во время правления Карла Великого, вследствие которых Аварский каганат прекратил свое политическое существование [48]. Во время указанного периода события на тер-

ритории Словакии развивались в двух отдельных планах; как составляющей каганата, так и самостоятельно. Процесс ее включения в каганат на протяжении 150 лет (вторая половина VII – VIII в.) был довольно динамичным и территория, которая была частью каганата, в зависимости от политических движений в центральной Европе часто менялась [48] (подробнее см. ниже).

При этом является очевидным, что под именем аваров скрывается множество понятий, часть которых имеет этническую, социально-экономическую или же археологическую основу. К политической структуре Аварского каганата относилось большое количество этнических групп, поэтому понятие «аварский» (с точки зрения периодизации) не имеет ничего общего с этническим происхождением [32,18]. В социально-экономическом смысле под именем аваров объединился разнообразный конгломерат различных наезднических и мародерских групп со схожей экономической и социальной структурой [48]; речь шла в основном о воинах, дружине и каганатском войске [35,215–221]. В этническом смысле мы говорим о нематериальной культуре, определенной в первую очередь использованием аварского языка. В данном направлении стоит обратить внимание на то, что вопреки длительности существования каганата и интенсивности влияния аваров на обширной территории не сохранилось никаких выразительных лингвистических следов аварского языка, например в форме слоя лексических аваризмов в славянских языках; прежде всего топонимов тюркского происхождения (тюркское происхождение аварского языка считается наиболее правдоподобным, хоть и в данном вопросе не был достигнут консенсус). Существует довольно мало лингвистических обстоятельств, говорящих о возможном контакте славян с тюркскими племенами, которые бы не датировались позднее [5,140]. Например, тюркские топонимы в Венгрии датируются значительно поздним временем, причем практически все довенгерские топонимы имеют славянское происхождение [5,141]. Уолтер Пол упоминал, что в венгерском и в немецком языках отсутствуют топонимы, которые бы имели отношение к аварам [35,215–221]. Флорин Курта выражает мнение, что праславянский язык играл роль *lingua franca* в рамках аварского каганата [5, 132 и сл.] и приводит аргументы в пользу того, что авары могли общаться с антами без помощи переводчика [5,142]. Теория Курты предполагает, что славянский язык исполнял роль *lingua franca* в VI в. на территории нижнего Дуная, а в Аварском каганате лишь продолжал исполнять эту роль [5,146]. Данные предположения базируются на большом количестве спорных утверждений. Однако, вразрез с мнением некоторых археологов, которые целенаправленно не берут в учет лингвистические аргументы, так как распространение языков для археолога является своего рода «черным ящиком» [32,75], предположим, что праславянский язык исполнял роль основного языка общения в Аварском каганате. Считается, что статус праславянского языка в каганате был связан с интеграционным эффектом на праславянские диалекты [5,148]; касательно исчезновения праславянского языка, опять-таки говорится, что оно было связано с коллапсом Аварского каганата [5,146]. Евгений Хелимский полагал, что начало создания постулированного паннонско-славянского койне наступило уже во время существования каганата [70,362], причем эта гипотеза предполагает высокий уровень языковой интеграции на данной территории, основанной на праславянском языке. Полагаем, что гетерогенная праславянская основа словацкого языка не свидетельствует о том, что

праславянский язык должен был стать основным языком общения в каганате исходя лишь вследствие существования «славянской окрестной стражи» на краю каганата [32,73] или славянизации Аваров от второй половины 7 столетия [2, 21–22]. Как мы будем пытаться доказать ниже, она указывает, на то, что авары (в социально-экономическом смысле) внедрили в свои ряды множество антов, которые после заселения Паннонии представляли собой, помимо прочего, важный элемент (с хозяйственной и военной точек зрения необходимой) коммуникации аварской элиты и склавинов. Анты, интегрированные в аварскую властвующую элиту, таким образом сыграли значительную роль в появлении словацкого языка.

Анты произошли с территорий между Дунаем и краем, где проживали утигуры вблизи Азовского моря [65,124]. Ряд доказательств говорит в пользу того, что они являлись остатками иранского населения, предположительно сарматского происхождения, которое в начале Великого переселения народов славянизировалось и впоследствии представляло одну из двух главных ветвей славян в период их исторической экспансии [29,12]. На территории нижнего Дуная в VI в., они вошли в контакт и частично перемешались со славянами, с которыми у них были общие речь и обычаи, и это не смотря на различное происхождение, племенную принадлежность, лидеров, войско и политическую деятельность [43, 13–14; 40,34 –36; 40,28; 65,124]. Именно с антами, или дальнейшими славянскими племенами завоеванными аварами или же заключившими с ними союз, связана вторая волна славянского заселения территорий Центральной Европы [2,21–22; 29,12; 47,43; см. также 65,65]. В археологической литературе была зафиксирована связь между материальной культурой, происходящей с северного Причерноморья и нижнего Дуная; связь объясняется передвижением антов, обусловленным аварской экспансией [65,119–143; 65,127].¹ Получается, что авары западных и незападных славян не разделили (на что указывает представление об аварском клине) [см. 28,76], а наоборот, соединили (см. карту ниже)². Этот факт бы мог представлять основу коррекции понимания аваров в словацком историческом сознании.

Анты, после битвы с аварами в 602 году, исчезли с исторических источников как племя [4, 105; 67,103–104], однако их было очевидно слишком много, чтобы быть полностью ликвидированными; отсутствие упоминаний о них в византийских источниках объясняется тем, что Дунай перестал быть границей Византии, и происходящие в северном Причерноморье события перестали иметь для византийцев прежнее значение [67,103–104]. С другой стороны, их возможное политическое исчезновение не значило бы их аннигиляцию в качестве этнического фактора. Авары вербовали в ряды своего войска и славян, причем после окончания походов славяне возвращались на свои территории, однако некоторые оставались в каганате [35,114–117] и принимали идентичность связанную с их существованием в рамках аварского общества [32,54]. Предполагаем, что часть антов была поглощена еще до завоевания Сирмия аварами, а после основания каганата служила, помимо прочего, для удержания господства над склавиновыми, которые по отношению к аварской элите находилась в вассальской зависимости, причем считались экономическим базисом, без которого номады не смогли бы удержать такую сильную

---

¹ С этой культурой (помимо типа жилищ и захоронений) связана также керамика среднедунайского типа, причем и в нашей литературе [7,16–22] обточенная керамика среднедунайского типа приписывается славянам, а изготовленную вручную керамику – аварам. См. также [9,248–278]

² [6,68; по данным Й. Забойника]

империю на протяжении более двух столетий [48]. Славянско-аварский симбиоз [70,350; 32,65; 48] в центральном регионе Дуная, результатом которого являются исчерпывающие археологические сведения о смешанной славянско-аварской материальной культуре [65,126–128; 70,350; 48], вел к культурно-экономическому превосходству славян [48]. Этнические авары во время существования каганата удержали за собой ведущую роль в административной структуре каганата [32,65] (что, однако, не значит, что значительная часть аваров – в социально-экономическом смысле – не могла бы иметь славянское происхождение и этническую принадлежность). Помимо вербования воинов из славянских рядов, результатом которого ряды аваров (в общественно-хозяйственном смысле) расширились, имел место другой вид контакта между ними – дань; передача аварам части награбленного славянскими воинами, а именно сельскохозяйственных и ремесленных продуктов деятельности [32,54]. Считаем весьма вероятным, что при взятии дани от склавинов с ними контактировали авары в основном антского происхождения (т.е. славянской лингвоэтнической принадлежности). Можно прийти к заключению, что в Аварском каганате помимо общей материальной культуры в определенной форме существовала славянско-аварская нематериальная культура. Поскольку население каганата состояло из разнообразного конгломерата этнических аваров, славян (включая склавинов и антов) и протоболгаров, то, по всей вероятности, (не только) взаимное понимание аварских элит со склавиновыми обеспечивали именно анты. Результатом взаимного общения является появление праславянского наречия с гетерогенной праславянской основой.

Соотношение лингвистических и исторических сведений. Периодизация

Целью нашей статьи не является периодизация истории Аварского каганата; подробное изложение в этом направлении можно найти в археологической [53,16–19] и исторической литературе. Мы представим только упрощенную классификацию отдельных этапов развития каганата, учитывая, главным образом, взаимосвязь времени осуществления языковых изменений и исторических событий, подтвержденных письменными историческими источниками и археологическими сведениями.

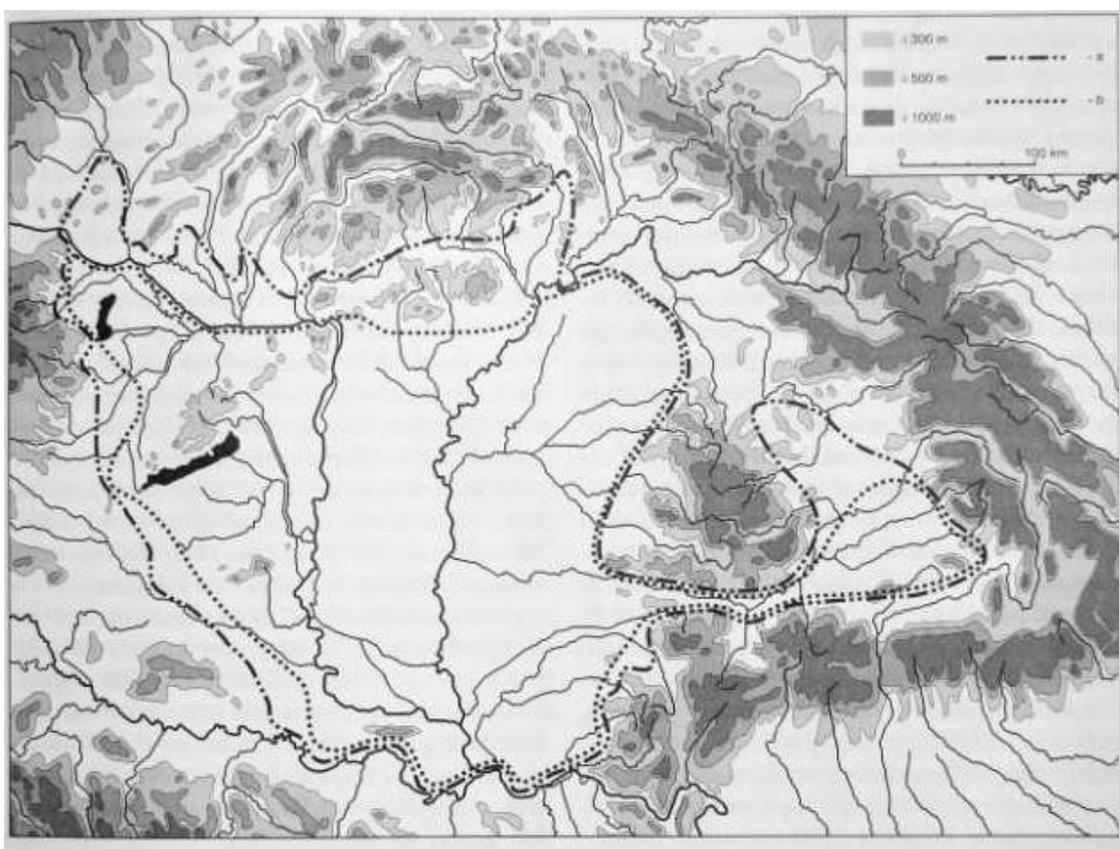
- **Доаварский период.** Первая эпоха началась после начала склавинской миграции в 70-х годах 5 столетия [11,645–656; 15,26] и предшествовала приходу аваров в Паннонию в 568 году. В этот период начала закладываться склавинская материальная и нематериальная культура, особенно на территориях западной и восточной Словакии (см. ниже).

- **Период раннего Аварского каганата.** Вторая эпоха определялась первой аварской экспансией на просторах центральной Европы; начало датируется 568 годом, а конец – приблизительно 623. В этот период произошло основание каганата на территории, граничащей с землями склавинов и частично на них же. После заселения аваров, антов и остальных завоеванных или союзных племен можно наблюдать типологические изменения праславянского языка в указанных регионах.

- **Период склавинско-аварской дезинтеграции.** Третью эпоху характеризует склавинско-аварская дезинтеграция и территориальные потери каганата после восстания Само (623 – 658) и кризиса в Аварском каганате (приблизительно 650 – 680 годы) [48] в результате конфликта с протоболгарами (кутригурами) по-

сле пресечения правящей династии Баянов (результатом конфликта стало основание собственного государства протоболгарами, которое, тем не менее, вплоть до 9 века поддерживало дружеские отношения с Аварским каганатом; существуют предположения об изменении этнического типа аваров в результате влияния со стороны протоболгар) [71,51–52].

- **Период позднего Аварского каганата.** Четвертую эпоху можно характеризовать на основе второй аварской экспансии после смерти Само и после преодоления кризиса в каганате [48]. Он ограничивается прекращением существования каганата в период между 791 и 795 годами, когда власть в каганате заполучили славянские князья; или окончательно 803 годом, когда авары были повержены в результате нападений франков и болгар под началом хана Крума [32,56]. Во время четвертой эпохи каганат достиг небывалого территориального величия, его частью являлось приблизительно 15% территории Словакии [54,190].

Рис 1. Территориальные границы Аварского каганата

Условные обозначения: *a* – границы раннего Аварского каганата;
b – границы позднего Аварского каганата [53,9].

Доаварский период

Уже в доаварский период были образованы условия дальнейшей дистрибуции незападославянских явлений. В результате того, что склавинская культура брала свое начало и утверждала себя на западе и востоке Словакии, западославянские явления на этой территории впоследствии вытеснялись намного труднее. При этом низменность в области западной и восточной Словакии представляли собой пригодное пространство для хозяйственной деятельности наших склавинских предков. С точки зрения расстановки сил, эти регионы были полностью неза-

висимыми, и только на территории Загорья (и прилегающих регионов южной Моравы, Вайнфиртеля и Ругиланда) заселению славянами препятствовали германцы [46,20; 46,25]. Горные регионы центральной Словакии (с центром в своей менее горной области, т.е. южной части) [18,15] были менее заселенными, а заселение северной части произошло лишь немного позже [50,324–326; 34,67–82], что создавало условия для податливости относительно влияния аварско-антской нематериальной культуры и более поздних миграционных процессов [см. напр. 50, 324].

Период раннего Аварского каганата. Восстание Само

Во время раннего Аварского каганата на нашей территории начинаются процессы языковой дифференциации, которые связаны с приходом незападных славян на территорию каганата и на его границы. В период раннего каганата был заселен лишь центр аварской территории: междуречье Дуная и Тисы, область Сегеда и Сентеша на обоих берегах Тисы, Паннония до Литавы; на землях к северу от Дуная находилась буферная зона, без доказательств ее заселения, а севернее находились поселения склавинов [см. 32,49]. С точки зрения податливости влиянию каганата заслуживает внимания факт, что территория центральной Словакии представляет собой природо-географическое устье междуречья Дуная и Тисы, причем центр каганата находился где-то в центральной трети этого междуречья [32,49]. Стоит обратить внимание также на то, что авары заселяли исключительно низменности [32,61], и в таком случае горные регионы центральной Словакии могли находиться лишь в зоне влияния каганата, а не могли стать его непосредственной частью. Контакт аваров со славянами на этой территории мог быть реализован путем вербования воинов, их возвращения на заселенные раннее территории, взыскания дани и других взаимоотношений, причем как результат взаимного контакта мы можем указать древние западнославянские явления в праславянской основе словацкого языка. Помимо барьера в виде склавинской культуры, укорененной в западной и восточной Словакии, наиболее значительным препятствием для распространения западнославянских явлений в дальнейшем являлось восстание Само (623 – 658) и кризис в Аварском каганате (приблизительно в 650 – 680 годах) [48].

Из языковых изменений данного периода уместно указать II. палатализацию (с точки зрения абсолютной хронологии датируемую приблизительно 575 – 650 годами [20,117; 23,54; 23,32], или же 6. – 7. Столетием [41,302]), и связанное с ней изменение $k'v', g'v' > c'v'$ [21,35], которое, по всей вероятности, произошло в то же время [21,35], и которое в словацком языковом пространстве отсутствует. Результатом II. палатализации в словацком языке является s вместо праславянского ch' в формах имен существительных [18,22]. К этому же периоду принадлежит изменение праславянского ch' в $\check{s}$ на в местоимении $v\check{s}\check{b}$ [21,35; 20,117], которое можно отнести к результатам III. палатализации [ср. 33,21; 42,128, 132]. В эпохе раннего аварского каганата помимо западнославянских языковых изменений (сохранение групп kv и gv перед $\check{e}$, изменение $ch' > \check{s}$ в местоимении $v\check{s}\check{b}$) произошло проникновение западнославянских явлений в праславянский язык на нашей территории, особенно изменение $ch' > s$ по II. палатализации. Другим западнославянским изменением является изменение $dl, tl > l$, которое сегодня является характерным для части центрально-словацких наречий. Это изменение можно ограничить 550 – 800 годами, или же, более конкретно, 575 – 650 годами [20,122. Краткий обзор мнений

см. в 38,52; 38,53]. Топонимы в Венгрии свидетельствуют о том, что в Паннонии присутствовали оба $l < dl$ [42,217–218] и dl [44,132]. Подобно тому венгерские апеллятивы славянского происхождения, которые Евгений Хелимский интерпретирует как субстратную лексику, свидетельствуют о присутствии обоих $dl (> ll)$ и l [70,358, 359; см. также 57,212]. Правда, Хелимский на том же месте развивает – по всей вероятности неправильную – мысль о возможной интерпретации $l < dl$ как позиционного варианта ll [ср. 33,31] и Андраш Золтан [57,212] предлагает интерпретацию $l < dl, tl$ в славянских заимствованиях в современном венгерском в смысле принадлежности исходного праславянского диалекта к болгарскому типу наречий; последнее толкование считаем антиисторическим¹.

Стоит обратить внимание на то, что $s < ch'$ по II. палатализации и $l < dl, tl$ (в отличие от более поздних незападославянских изменений, как, например, метатеза $*ort, *olt$ под циркумфлексной интонацией) не пересекают границы центральной Словакии. При просмотре исторической карты [26], отображающей распределение сил в регионе во время государства Само, кажется, что расположение изоглосс не зависело лишь от укоренения склавинской культуры на западе и востоке Словакии и от географических особенностей центральной Словакии (включая позицию относительно междуречья Дуная и Тисы), но зависело также от расположения границ государства Само. Хотя данное политическое формирование и существовало всего лишь на протяжении недолгого промежутка времени, но, все-таки, оно представляло собой результат стратификации общества на нашей территории, которая могла повлечь за собой ситуацию, в которой языковые явления, характерные для лиц со среды властвующих и административных структур каганата, были в силу их связанности с врагом непопулярными и непрестижными в склавинской среде северо-западнее каганата.

Уже в предыдущих периодах развития праславянского и праиндоевропейского языков произошли процессы ведущие к диалектной дифференциации $*sqtъ, *setъ > sú, sa$ [33,34] в 3 лице множественного числа глаголов и, вероятно, $*-mes, *-mos$ [58,92; хотя такое разъяснение не является бесспорным; см. Дыбо 2009,149] $> -me, -mo$ в 1 лице множественного числа глаголов, результатом которых является западославянский характер некоторых центрально-словацких диалектных глагольных форм. В данном случае, в отличие от явлений «живших» в период раннего Аварского каганата, речь идет о дистрибуции уже готовых результатов древних языковых изменений в рамках праславянских диалектов, причем довольно сложно установить, на основании каких механизмов и в каком периоде они распространились (это могло произойти, например, и в эпоху позднего Аварского каганата).

Период позднего Аварского каганата

Приблизительно в половине 7 столетия авары начинают проникать на территории юго-западной Словакии, постепенно увеличивается густота славяно-аварского населения и на территории современной северо-западной Венгрии, нижней части Австрии и в Бургенланде; в южной Мораве и на большей территории Загорья сохранилось чисто славянское население [48]. Чисто славянское население континентально сохранилось и на территориях Словакии, находящихся за северной границей каганата [55,29–39], частью которого стало 15% территории

¹ Изменение $dl, tl > l$ прошло, скорее всего, раньше начала существования славяно-болгарского типа; см. также ниже.

Словакии [54,190]. При этом увеличивается культурное влияние Аваров на население исключительно славянских территорий: в регионе сегодняшней юго-западной Словакии и на южной Мораве с 7 столетия находились аварские предметы в славянских погребениях [26,41; см. также 39,27]. Моравские славяне использовали аварские предметы как модные и стильные, чем они подражали элитам в каганате [36,579–589]. Влияние аварской материальной культуры в конце столетия распространяется на территорию Чехии и Польши [5,145; там указаны и другие источники].

Можно заключить, что славяне в период позднего Аварского каганата воспринимали явления материальной культуры, связанные с аварской элитой, как престижные. То же самое, по всей вероятности, касается и явлений нематериальной культуры. Хорошим примером является результат метатезы **ort*, **olt* под циркумфлексной интонацией. Метатеза плавных была «живой», возможно, в 7, но точно еще в 8 столетии [42,133; 22,145; 69,137; 16,260]. Факт того, что Рудольф Крайчович относит ее к числу древнейших явлений в праславянской основе словацкого языка [18,16], возможно, связан с влиянием мнения Самуила Бернштейна, который метатезу плавных, в силу, помимо прочего, ее зависимости от закона открытых слогов, относит к явлениям 3 – 5 столетия [59,220]. Не похоже на правду, что бы подобное изменение происходило на протяжении 5 столетий. С уверенностью можно сказать, что речь идет об изменении, которое датировано значительно позже [38,55]. Результат метатезы плавных, словами Яна Станислава [42,129], свидетельствует о сближении „в этой части западных славян с южными“; причем, как Станислав метко констатирует, предки словаков в Паннонии и в регионах при Дунае на то время находились под контролем аваров. Интересным является то, что единичные слова с незападославянским протеканием метатезы **ort*, **olt* (под циркумфлексом) > *rat*, *lat* некомпактно разбросаны по разным частям Словакии. И хотя речь идет о типичном центрально-словацком явлении, слова, которые мы сюда относим, не имеют равного распространения. Область, которой ограничено данное явление, включает в себя: Ораву, Липтов, Турец, восточную и северную Нитру, Теков, Зволен, Гонт, Новоград и западную часть Гемера; некоторые из включенных в эту группу слов встречаются в центрально-словацкой форме глубоко на западе Словакии, и проникли в дальнейшие части Гемера [33,31–32; 18, 22]. Взамен предположению, что подобные случаи являются не коренными, а скорее всего принесенными позднее колонистами из центральной Словакии, или же распространившимися сюда с территории центральной Словакии намного позднее [33,32], предлагаем понимать их присутствие как следствие территориальной дифференциации в политической, военной и социально-экономической сферах (часть юго-западной Словакии, на которой в отдельных случаях метатеза плавных протекала незападославянским образом, представляла собой часть каганата) и главным образом престижа говора, собственного лицам с властвующим и управляющим структурам каганата. Предложенное разъяснение также является уместным для объяснения происхождения подобных апеллятивов и топонимов в чешском языке.¹ Сохранившийся престиж этой особенности также дает нам интерпретационный ключ к сведениям следующего исторического периода, точнее тот факт, что в высшем моравском обществе в 9 столетии использовались собственные имена с

¹ Напр. *ratolest* (< *letorastl*), *racochác* (< *raz-sochác*), *Ráztoky*, *Raveň*, *Rasochy*, *Rastice*, *Ralsko*; см. [23,38].

rat (Rastic, Razmenь) [39,86]. При этом существуют и другие сведения, косвенно подтверждающие популярность в среде славянских князей 9 века обычаев, связанных с некогдашней аварской элитой [39,27; 26,86; ср. 29,15].

Из оставшихся языковых явлений большое значение имеют изменения «перед йотацией», особенно отсутствие эпентетического *l'* и палатализация альвеолярных. Эпентетический *l'* возник в инославянской среде, возможно, около 750 года [23,55]; в праславянском языке в регионах центральной Европы этот процесс все-таки не осуществился (до конца); следствием этого можно считать отсутствие данного звука в словацком языке [18,19; 42,132]. Существующие примеры его присутствия [42,347–348; 33,23–24; 37,39; 33,23–24] могут свидетельствовать лишь о том, что в западнославянской среде имела тенденция к его возникновению; в некоторых случаях о более поздних колонизационных влияниях, или же о словообразующих процессах, результатом которых лишь якобы являлся эпентетический *l'*. Он в это время, по всей вероятности, отсутствовал также на большинстве территории Паннонии, или же, намного шире, сегодняшней венгерской территории, относительно которой в качестве примера взаимствования с сохранением изменения **bj > bl'* приводится слово *gereblye* (грабли); *l'* здесь, однако, могло появиться как словообразующая морфема (как и в словацком языке) [33,23; 27,182]. В пользу данной точки зрения свидетельствуют и сведения о топонимах в Паннонии, которые эпентетический *l'*, как правило, не содержат [44,132; 42,349].¹ Его формирование не было завершено ни на целой болгарско-македонской территории, где позднее исчез и с мест своего прежнего возникновения [61,284; 20,118]; в отличие от других южнославянских территорий. Тенденция к его возникновению и сохранению, очевидно, не была достаточно сильной для того, чтобы он закрепилось в нашем регионе.

Палатализация альвеолярных на западнославянской территории следовала сразу за II. палатализацией [20,118] и протекала в 675 – 750 годах [21,35]. Предположительно началась на западе славянской территории и волнами распространялась на восточнославянские и югославянские территории [56,11]. Ее результатами в словацком языке можно считать изменение праславянских *d_l, t_l*, или *gt', kt'* в *dz, c* [18,20]. Весьма вероятно изначально появились праславянские *t', d'* (*t':, d':*), которые в дальнейшем изменились в *t^s, d^s* [23,55] и в дальнейшем в *c', dz' > c, dz*. В чешском языке и загорских говорах *d^s* изменилось в *z'* и в дальнейшем в *z* (речь идет об одном из древнейших чешско-словацких отличий [23,57]; кажется, что мнение Станислава по поводу раннего намного более широкого распространения *z < d_l* на словацкой территории [42,353; 45,144] в свете научных дискуссий по данной проблематике [51,262; 51,263; 52,68; 17; 19,288] нельзя признать правильным). В сербском языке *t', d'* изменились в *ć, đ* через промежуточное звено в виде *t^s, d^s*, в восточнославянских языках в *č, ž* через звено *t^s, d^s*, в болгарском языке в *št, žd < š't, ž'd < s't, s'd* и т.д. [см. 63,117; ср. 70,360]. Можно предположить, что в процессе распространения этих изменений территория Аварского каганата занимала особенное место. С одной стороны является уместным оградиться от интерпретаций, в рамках которых *gy, cs* (чит. *d', č*) в венгерских словах славянского происхождения интерпретируются однозначно как сербизмы [30,273; ср. также 70,359]; в этом направлении является корректной аргументация Яна Станислава, что на основании

¹ Примеры сохранения эпентетического *l'* указаны в [42, 170; 42, 177; 42, 180; 42, 217; 42, 218; 42, 349].

состояния в венгерском языке является невозможным отличить исходную форму (так как в древневенгерском языке не было *s*, который фонетически адаптировался как *š*; таким же образом в нем не было *dz*, адаптированного впоследствии как *d'*).¹ С другой стороны является корректным (в отличие от вышеуказанной неисторической интерпретации $dl > l$) [57,212] интерпретировать рефлексы *št*, *žd* в венгерской лексике славянского происхождения в смысле принадлежности к болгарскому диалектному типу [57,212]. При этом в отличие от результата метатезы **ort*, **olt* под циркумфлексом (незападнославянское протекание которой, как мы указывали выше, в силу изложенных исторических причин было более широко распространенной) речь идет о специфическом фонетическом изменении в болгарском языке. Относительно данной проблематики является важным и упомянутый выше факт живой интеракции населения Болгарии и Аварского каганата вплоть до 9 столетия [57,212]. При этом палатализация альвеолярных, возможно, осуществилась пока не совсем до конца, когда хан Крум напал на Аваров и Болгария завладела огромным количеством территорий каганата, включая земли, которые мы считаем местом происхождения словацкой национальной истории.

В представленном тексте мы предложили базис теории, целью которой является разъяснение каузальной природы взаимоотношения между западославянской и западославянской праславянскими основами словацкого языка. Эта теория основывается на предположении, что результат фонетического изменения легко распространяется особенно во время собственного протекания данного изменения; в таком случае на его результат может сильно повлиять фактор территориальной дифференциации в политической, военной и социально-экономической сферах, а также фактор престижности; причем и без выразительного воздействия со стороны каких-либо миграционных процессов.² Результатом применения упомянутого подхода стало соотнесение абсолютной хронологии праславянских языковых изменений со сведениями о пражской и пеньковской (связанной с антами и славянско-аварской культурой) археологических культурах, а также со сведениями об истории славян (склавинов, антов) и аваров, известных благодаря сохранившимся письменным источникам. Предложенная теория связывает древнее западославянское ядро праславянской основы словацкого языка со склавидами (носителями пражской культуры) и западославянское ядро с антами, интегрированными во властвующие и управляющие структуры каганата. Она содержит также периодизацию отдельных языковых изменений относительно условий, сложившихся в тогдашнем каганате. В заключение авторы констатируют, что и после исчезновения каганата не исчерпывается проблематика контакта и взаимного влия-

¹ *Paludya* вместо *Paludza*, *Privigye* вместо *Prievidza*, *Nevégy* вместо *Nevedza*, *Szabolcs* вместо *Sobolec* и т. п.; см. [42,351].

² Например, разъяснение, что $l < dl$, tl достигло Дольной Лужицы вследствие распространения нитрианского койне при власти Святополка I [39,84; 39,100], с точки зрения нашего подхода не может быть приемлемым, поскольку изменение dl , $tl > l$ осуществилось, скорее всего, в 575 – 650 годах. Соответствующее объяснение распространения этой особенности могло бы заключаться в территориальной дифференциации в политической, военной и социально-экономической сферах во время осуществления этого изменения (подобная ситуация все же не настала) или в миграционных процессах после ее реализации. Некоторые сведения из области археологии свидетельствуют о том, что сербы (предки так балканских, как и лужицких сербов), подобно антам, изначально обитали в регионе северного Причерноморья и свое название получили вследствие обстоятельств славянско-иранского симбиоза. Импульсом для их миграции стало аварское нашествие, в результате которого часть сербов переместилась на Балканы, а другая часть в центральные области Дуная, которые все же покинули перед заселением Лужицы. См. [68,332].

ния западнославянских и незападнославянских диалектов на соответствующей территории, которое продолжало осуществляться во время дальнейшего существования славянских княжеств и в течение первых веков существования Венгерского королевства.

Список литературы:

1. Borkovský Ivan. Staroslovanská keramika ve střední Evropě : studie k počátkům slovanské kultury / Ivan Borkovský. Praha : Tiskárna protektorátu Čechy a Morava, 1940. — 113 s.
2. Botík Ján. Etnický obraz Slovenska. Etnická história Slovenska. K problematike etnicity, etnickej identity, multietnickeho Slovenska a zahraničných Slovákov / Jan Botík. Bratislava : Lúč, 2007. — 231 s.
3. Bystrický Peter. Sťahovanie národov (454 – 568) / Peter Bystrický. Bratislava: Historický ústav SAV 2008. — 201 s.
4. Curta Florin. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700 / Florin Curta. Cambridge: Cambridge University Press 2001. — 463 p.
5. Curta Florin. The slavic lingua franca (Linguistic notes of an archaeologist turned historian) / Florin Curta // East Central Europe, 31, 2004, — S. 125–148
6. Čaplovič Dušan. Včasnostredoveké osídlenie Slovenska / Dušan Čaplovič. Bratislava : AEP — Academic Electronic Press, 1998. — 268 s.
7. Čilinská Zlata. Slovania a avarský kaganát. Výpoveď staroslovanského pohrebiska v Želovciach / Zlata Čilinská. Bratislava: Bradlo, 1992. 109 p.
8. Deacon Paul. History of the Lombards / Paul Deacon. Philadelphia: University of Pennsylvania Press 1974. — 334 p.
9. Eisner Jan. Devínska Nová Ves: Slovanské Pohřebiště / Jan Eisner. Bratislava: Nakl. Slovenskej akadémie vied a umení, 1952. — 411 s.
10. Fusek Gabriel; Olexa, Ladislav; Zábajník, Jozef. Nové sídliskové nálezy z Nižnej Myšle / Gabriel Fusek, Ladislav Olexa, Jozef Zábajník // Slovenská Archeológia, LVIII, 2010. — S. 337–363
11. Fusek Gabriel. Frühe Slawen im Mitteldonauegebiet / Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden– Awaren / Gabriel Fusek – Slawen. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH 2008. — S. 645–656
12. Fusek, Gabriel. Slovensko vo včasnoslovanskom období / Gabriel Fusek. Nitra: Archeologický ústav SAV 1994. — 383 s.
13. Galuška Luděk. Slované. Doteky předků. O životě na Moravě 6. - 10. století / Luděk Galuška. Brno: Moravské zemské muzeum v Brně 2004. —148 s.
14. Chropovský Bohuslav: Včasnoslovanský a predveľkomoravský vývoj na území Československa / Bohuslav Chropovský / Velká Morava a počátky československé státnosti. Praha—Bratislava: Academia - Obzor 1985. — S. 81–106
15. Ivanič Peter. Západní Slovania v ranom stredoveku: história, kultúra, hospodárstvo, náboženstvo / Peter Ivanič. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa 2011. — 195 s.
16. Kapović Mate. Uvod u indoeuropsku lingvistiku. Pregled jezika i poredbena fonologija / Mate Kapović. Zagreb: Matica Hrvatska 2008. — 365 s.

17. Krajčovič Rudolf. Pôvod juhozápadoslovenských nárečí a ich fonologický vývin / Rudolf Krajčovič. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1964. — 113 s.
18. Krajčovič Rudolf. Pôvod a vývin slovenského jazyka / Rudolf Krajčovič. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1981. — 240 s.
19. Krajčovič Rudolf. Z lexiky stredovekej slovenčiny s výkladmi názvov obcí a miest (29) / Rudolf Krajčovič // Kultúra slova, 45, 2011, 5. — s. 84–91.
20. Lamprecht Arnošt. K chronológii foneticko-fonologických zmien v praslovanštině / Arnošt Lamprecht // Slovo a slovesnosť, 34, 1973, № 2, — S. 115–123
21. Lamprecht Arnošt. Praslovanština a etnogeneza Slovanů / Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské univerzity Studia. Minora Facultatis Philosophicae Universitatis Brunensis // Arnošt Lamprecht. Brno: Filozofická fakulta Brněnské univerzity 1985. — S. 31 – 38
22. Lamprecht Arnošt. Praslovanština a její chronologické členění / Arnošt Lamprecht // Československé přednášky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů v Záhřebu. Praha: Academia 1978. — S. 141–150.
23. Lamprecht Arnošt, Šlosar Dušan, Bauer Jaroslav. Historická mluvnice češtiny / Arnošt Lamprecht, Dušan Šlosar, Jaroslav Bauer. Praha: Státní pedagogické nakladatelství 1986. — 423 s.
24. Lunt Horace Gray. Slavs, Common Slavic and Old Church Slavonic / Horace Gray Lunt // Litterae Slavicae Medii Aevii. München: Francisco Venceslas Mares Sexagenario Oblata 1985. — P. 185–204.
25. Luthar Oto. Early Middle Ages / Oto Luthar // The Land Between: A History of Slovenia. Frankfurt am Main: Peter Lang 2008. — S. 83–112
26. Lutovský Michal; Profantová Nad'a. Sámova říše / Michal Lutovský, Profantová. Praha: Academia 1995. — 89 s.
27. Máček Václav. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé vydání / Václav Máček. Praha: Academia nakladatelství Československé akademie věd. 1968. — 868 s.
28. Marek Miloš. Národnosti Uhorska / Miloš Marek. Trnava: Filozofická fakulta Trnavskej univerzity 2011. — 459 s.
29. Měřínský Zdeněk. České země od příchodu Slovanů po Velkou Moravu II / Zdeněk Měřínský. Praha: Libri 2004. — 968 s.
30. Moór Elemér. Zur Geschichte südslawischer Völkerschaften im Karpatenbecken / Elemér Moór // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, 8, 1962, S. 267–312
31. Múcsková, Gabriela. Prestíž ako motivačný faktor pri preberaní cudzích jednotiek a špecifiká nárečovej adaptácie (na príklade historických germanizmov) / Gabriela Múcsková // Jazyk a jazykoveda v interpretácii. Bratislava: Univerzita Komenského 2014. — S. 68–80
32. Older Martin: Avarské sídliská v strednej Európe: problémová bilancia / Martin Older // Studia Mediaevalia Pragensia, 11, 2012, — S. 17 – 96
33. Pauliny Eugen. Fonologický vývin slovenčiny / Eugen Pauliny. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied 1963. — 358 s.
34. Pieta Karol. Slovanské osídlenie Liptova v 9. – 12. stor. / Karol Pieta // Liptov. Vlastivedný zborník 2. Martin: Osveta, 1972. — S. 67–82

35. Pohl Walter. Die Awaren: ein Steppenvolk im Mitteleuropa 567–822 n / Walter Pohl. Chr. München: C.H.Beck 2002. — 540 s.
36. Poláček Lumír. Mikulčice und Awaren. Zur Interpretation „awarischer“ Funde von Mikulčice / Lumír Poláček // Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen. Bonn: Dr. Rudol Habelt GmbH 2008. — S. 579–589.
37. Pukanec Martin. Od indoeurópciny k praslovančine / Martin Pukanec. Brno: Tribun EU 2010. — 134 s.
38. Pukanec Martin. Praslovanská lexika v nárečiach slovenských kmeňov / Martin Pukanec. Brno: Tribun EU 2008. — 178 s.
39. Pukanec Martin. Svätoplukovo kniežatstvo a stará slovenčina / Martin Pukanec. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická Fakulta 2013. — 116 s.
40. Ratkoš Peter. Pramene k dejinám Veľkej Moravy / Peter Ratkoš. Bratislava: Slovenská akadémia vied 1964. 460 s.
41. Shevelov George. A Prehistory of Slavic: The Historical Phonology of Common Slavic / George Shevelov. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag 1964. — 662p.
42. Stanislav Ján. Dejiny slovenského jazyka. I. Úvod a hláskoslovie / Ján Stanislav. Tretie, doplnené vydanie. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied 1967. — 712 s.
43. Stanislav Ján. Dejiny slovenského jazyka III : Texty. 2. dopl. vyd. / Ján Stanislav. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1967. — 512 s.
44. Stanislav Ján. Slovanský miestopis v neslovanských krajinách / Ján Stanislav // Slovenská reč, 23, 1958, № 3, S. 129 – 136
45. Stanislav Ján. Starosloviensky jazyk I / Ján Stanislav. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo 1978. — 372 s.
46. Steinhübel Ján. Nitrianske kniežatstvo / Ján Steinhübel. Budmerice: Rak 2004. — 575 s.
47. Šalkovský Peter. Najstaršie formy domov u Slovanov / Peter Šalkovský // Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského Musaica. Bratislava: Univerzita Komenského 2009. — S. 35–48
48. Tóth Peter. Slovansko-avarské pohrebiská na severnej periférii avarského kaganátu / Peter Tóth. Centrum experimentální archeologie a živé historie 2011 (online). URL: <http://cea.livinghistory.cz/zivotvm/navodyclanky/clanek.php?clanek=Slovansko-avarske%20pohrebiska>.
49. Udolph, Jürgen. Kamen die Slaven aus Pannonien? / Udolph Jürgen // Studia nad etnogeneza Slowian i kultura Europy wczsenosredniowiecznej. Wroclaw: Polska akademia nauk 1987. — S. 167–173
50. Uhlár Vlado. Osídlenie Liptova a dolnoliptovské nárečia / Vlado Uhlár // Slovenská reč, 57, 1992, № 6, — S. 324–336
51. Uhlár Vlado. Toponymá utvorené od etnických mien a názvy Slovinky, Slovinky a Sklabiňa / Vlado Uhlár // Slovenská reč, 54, 1989, № 5, S. 257–266
52. Vavro Jozef. Miestne mená typu Priedviza, Nevidzany, Lazany / Jozef Vavro // Jazykovedný časopis, 14, 1963, № 1, S. 65—68.
53. Zábojník Ján. Slovensko a avarský kaganát / Ján Zábojník. Bratislava: Filozofická fakulta Univerzity Komenského 2004. — 168 s.

54. Zábajník Ján. Materiálna kultúra nálezísk z obdobia avarského kaganátu na Slovensku / Ján Zábajník // Slovensko a európsky juhovýchod. Medzikultúrne vzťahy a kontexty. Bratislava: Katedra všeobecných dejín a katedra archeológie FFUK 1999. — S. 189–222
55. Zábajník Jozef. Slovensko a avarský kaganát / Jozef Zábajník // Slovensko vo včasnom stredoveku. Nitra: Archeologický ústav SAV 2002. — S. 29–39
56. Zábanský Lukáš. STARÁ ČEŠTINA /opora k předmětu/ / Lukáš Zábanský. Hradec Králové: Univerzita Hradec Králové 2014, 180 s.
57. Zoltán András. Славянские диалекты Карпатского бассейна во время прихода венгров (IX в.) / András Zoltán // Studia Slavica Hung., 58, 2013, № 1 — S. 209–218
58. Бабаев К.В. Происхождение индоевропейских показателей лица: исторический анализ и данные внешнего сравнения / К.В. Бабаев. Москва-Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство "Эйдос"), 2008. — 298 с.
59. Бернштейн С.Б. Сравнительная грамматика славянских языков / С.Б. Бернштейн. Москва: Издательство Московского университета, Издательство «Наука» 2005. — 352 с.
60. Бирнбаум Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции / Х. Бирнбаум. Москва: Прогресс 1986. — 512 с.
61. Дуличенко А.Д. *Введение в славянскую филологию* / А.Д. Дуличенко. Москва: ФЛИНТА 2014. — 715 с.
62. Дыбо В.А. Происхождение индоевропейских показателей лица: Исторический анализ и данные внешнего сравнения / В.А. Дыбо // Journal of Language Relationship. Вопросы языкового родства, 1, 2009, С. 143–154
63. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. Издание третье переработанное и дополненное / В.В. Иванов. Москва: Просвещение 1990. 400 с.
64. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков / А.Н. Савченко. Москва: УРСС 2003. — 410 с.
65. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян / В.В. Седов. Москва: Издательство «НАУКА» 1979. — 158 с.
66. Седов, В.В. Славяне в древности / В.В. Седов. Москва: Издательство «Научно-производственное благотворительное общество «Фонд археологии» 1994. — 344 с.
67. Седов В.В. Исчезнувшие народы. Анты / В.В. Седов // Исчезнувшие народы. Москва: Издательство «НАУКА» 1988. — С. 102–109
68. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье / В.В. Седов. Москва: Фонд археологии, 1995. — 416 с.
69. Супрун А.Е. Введение в славянскую филологию / А.Е. Супрун. Минск: Вышэйшая школа 1989. — С. 135–155
70. Хелимский Е.А. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии / Е.А. Хелимский // Славянское языкознание: X Международный съезд славистов. София, 1988 г. Доклады советской делегации. Москва: Издательство «Наука» 1988. — С. 347–368
71. Эрдели И. Исчезнувшие народы. Авары / И. Эрдели // Природа, 1982, №11 — С. 51–2

**К ВОПРОСУ ВОЗМОЖНОСТИ ВОЙНЫ
МЕЖДУ РОССИЕЙ И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ
В ОБСУЖДЕНИИ РОССИЙСКОЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 50-Х ГОДОВ XIX ВЕКА**

Бучнев Михаил Сергеевич, Самарский Государственный университет путей сообщения, аспирант, г. Самара

**TO THE QUESTION OF THE POSSIBILITY
OF WAR AGAINST RUSSIA AND THE GREAT BRITAIN
IN THE MIDDLE EAST IN THE DISCUSSION OF THE RUSSIAN
MILITARY POLITICAL ELITE IN THE SECOND HALF
OF THE 50TH ANNIVERSARY OF THE XIX CENTURY**

***Аннотация:** В статье рассматриваются представления военно-политической элиты России о возможности начала войны с Великобританией на Среднем Востоке после завершения Восточной войны 1853-1856 годов. Автор считает, что, не добившаяся полного уничтожения России как великой державы, Великобритания искала пути для ее выведения из Большой игры и хотела развязать новую войну. Особое внимание уделено тому, что русская военно-политическая мысль сразу же после окончания Восточной войны обратилась к рассмотрению возможной войны с англичанами в изучаемом регионе. На основе анализа неопубликованных источников, а также современных исторических исследований автор прослеживает характер и содержание взглядов военной и бюрократической элиты государства по вопросам внешней политики России в регионе.*

***Annotation:** The article examines the views of Russia's military-political elite about the possibility of starting a war with Britain in the Middle East after the end of the Eastern War of 1853-1856. The author believes that, not having achieved the complete annihilation of Russia as a great power, Britain was looking for ways to withdraw it from the Great Game and wanted to start a new war. Particular attention is paid to the fact that Russian military-political thought immediately after the end of the Eastern war turned to the consideration of a possible war with the British in the region under study. Based on an analysis of unpublished sources, as well as contemporary historical research, the author traces the nature and content of views of the military and bureaucratic elite of the state on the issues of Russia's foreign policy in the region.*

***Ключевые слова:** история России, история международных отношений и внешней политики, Средний Восток, государственные и национальные интересы.*

***Keywords:** history of Russia, history of international relations and foreign policy, Middle East, state and national interests.*

В середине XIX века вопрос о противостоянии Великобритании и России на Среднем Востоке приобрел новое развитие. Связано это было с тем, окончившаяся Восточная война 1853-1856 годов не решила основных проблем и лишь усилила противоборство Лондона и Петербурга на имперской периферии. Данная конфронтация явилась результатом попыток определить каждой из сторон те государственные интересы, которые должны были быть обеспечены в регионе. Отстаива-

ние этих интересов вовлекло народы Среднего Востока в глобальную систему политико-экономических отношений, суть которых строилась вокруг страха британцев за сохранность колониального владычества в Индии. В совокупности со стремлением экономического захвата Азии формирующиеся национальные интересы Британии привели к началу активного движения англичан в глубь Центральной Азии. Эпицентром этого противостояния стали районы Хивы, Бухары и Восточного Туркестана, а расстояние между границами двух держав сократилось до тысячи километров.

Тема вероятного повторения противостояния двух крупнейших держав во второй половине XIX века является спорной в современной историографии. Во-первых, обращает внимание большое количество высказанных мнений современников событий в вероятности такого столкновения. Во-вторых, такие разговоры велись как российской, так и британской стороной. В-третьих, несмотря на воинственные настроения, открытого военного противостояния между двумя империями после Восточной войны так и не возникло.

В сложных условиях на Востоке Российская Федерация вновь вынуждена отстаивать собственные национально-государственные интересы в условиях возможного обострения отношений с США. Разделение регионов на сферы влияния обеих сверхдержав актуализируют изучение противоречий во внешней политике на Среднем Востоке второй половины XIX века. Это позволяет лучше понять происхождение и природу современных геостратегических и геополитических конфликтов и исследовать их, применяя исторический опыт решения конфликтных ситуаций в прошлом.

Историография исследуемой темы представлена работой Ахмеджанова Г.А., который рассматривал развитие англо-русского противостояния на Среднем Востоке в контексте отдельного региона [4]. Современные исследования представлены работой Сергеева Е.Ю., который раскрывает проблему российско-британских противоречий на Среднем Востоке в XIX веке [5].

Несмотря на то, что тема привлекала внимание историков, проблема вероятного начала войны между двумя державами по-прежнему будет изучаться ввиду противоречивости общественных целей и государственных задач двух держав. Наша статья является попыткой изучить степень влияния российской военно-политической элиты на развитие внешнеполитической ситуации на Среднем Востоке и выявить причины формирования такого влияния.

Основу нашего исследования составили источники, представляющие из себя материалы личной переписки представителей военной элиты, посвященные рассуждениям о вероятном начале новой войны.

Россия после поражения в Крымской войне и до 1860 года старалась открыто не вмешиваться в события, происходящие в Центральной Азии и ограничивалась пассивной обороной своих подданных от нападений со стороны Коканда.

Попытки Петербурга уклониться от прямого противостояния с Лондоном встретили стремление последнего изгнать русских из региона. Поэтому начиная с 1857 года, англичане готовятся к новой войне. Подтверждение этим словам мы находим у командующего Отдельным Кавказским корпусом князя А.И. Барятинского. Он высказал мнение о том, что англичане серьезно настроены на новую во-

енную кампанию, которая должна была быть осуществима по двум направлениям: через Афганистан и Персию. Князь пришел к мнению, что если Лондон поставит своей задачей вытеснение русских из региона, то Россия окажется втянутой в эту войну [3].

Пессимистичное развитие сценария, описанного Барятинским, сводится к мнению о том, что после начала британских враждебных действий по отношению к Герату и ответных мер со стороны России в Центральной Азии, должна была начаться война сразу на нескольких фронтах, в том числе на европейском континенте. Это привело бы к появлению британского флота в Черном и Балтийском морях, а также к формированию военной коалиции против России, куда кроме Великобритании с большой вероятностью могли войти Австрия, Швеция, Франция и Турция [3].

В перспективе Петербургу было крайне важно определить вероятное направление удара. Как было сказано выше, таких направлений могло быть два. Персия как плацдарм для вторжения не воспринималась русской стороной как опасное направление, так как влияние Петербурга на персидского шаха было огромно. Это было связано со стремлением русской стороны вовлечь персов в сферу своих интересов. Однако после неудачной персидско-афганской войны за крепость Герат и вмешательства в конфликт английской короны на стороне афганского эмира Персия вышла из активных игроков региона. С этого времени внимание британцев было нацелено на Афганистан.

Опасность со стороны Афганистана исходила из его прямой близости к российским владениям. Англичане могли утвердиться на южном и юго-восточном побережьях Каспийского моря, что явилось бы смертным приговором не только русской торговле, но и всему российскому влиянию в регионе. Барятинский писал, что «...мы ни под каким видом, ни под каким предлогом не можем позволить даже приближения англичан к странам, прилегающим к Каспийскому морю... первое же известие о наступлении английской армии из Кабула к Герату, должно заставить нас немедленно же посадить войска наши на суда и перебросить их к Астрабаду» [3].

В то же время князь писал, что продвижение англичан в Афганистан и далее в Герат – маловероятно. Объяснение этому факту он видел в том, что Великобритания, в силу своего географического положения, никогда не имела большой и сильной сухопутной армии, следовательно, ввиду ее морской мощи и сильного военного и торгового флотов Лондон в основном интересовался прибрежные регионы или крупные судоходные реки. Этим и обосновывается присутствие Британии в Индии. Поэтому «... нет основания причин опасаться вторжения англичан в Афганистан и постоянного занятия их военными силами Кабула, Кандагара и в особенности Герата. Такое расширение их владений и столь растянутое расположение их армий бесполезно для них, потому что они извлекают уже из этих областей все желаемые выгоды и подчинили их своей политике...» [3].

Стоит отметить, что вероятная кампания стоила бы огромных финансовых затрат как для Британии, так и для России. Говоря о последней, не было уверенности в том, что бюджет страны будет способен, выйдя из одной тяжелой войны, сразу же втянуться в новую. Этим обстоятельством можно объяснить упомянутое

нами выше стремление Петербурга отказаться от активной политики в Центральной Азии. Положение Великобритании на Среднем Востоке было довольно сложным, и новая война могла подорвать влияние Британской империи в Афганистане, Герате, и индийских владениях.

При этом мы не можем говорить о том, что в данный период Россия была настолько слаба, что не смогла бы дать отпор противнику, начни он боевые действия в данном регионе. Вооруженных сил, находящихся в приграничных генерал-губернаторствах, при поддержке со стороны войск кавказских экспедиционных сил вполне хватило бы для отражения британской агрессии. Однако длительного противостояния Россия должна была избегать, так как экономических ресурсов, подобных английским, у русских не было. Не случайно, в докладе Департамента Генерального штаба от 10 марта 1857 года ставка делается на одно ключевое сражение, которое бы оказало бы сокрушительное воздействие на позиции англичан на Среднем Востоке [3]. Кроме того, это было выгодно российской стороне и экономически, и логистически. Кратковременная кампания не обременяла тяжелыми военными расходами и в то же время не позволяла экспедиционным силам уйти далеко вглубь региона. Это избавляло от перебоев с пополнением боеприпасами и людьми. Кроме того, не ставило под удар растянутые силы русских войск.

Понимала вероятные последствия противостояния и британская сторона. Только что покончившая с восстанием сипаев британская администрация не могла рисковать в условиях нестабильной ситуации в индийских владениях. Потому в 1858 году происходят события, которые должны были сгладить напряженную ситуацию в отношениях между Великобританией и Россией. Британский МИД сделал заявление, согласно которому российский посол барон Ф.И. Брунов мог вернуться в Лондон и продолжить занимать пост российского посланника в Великобритании. Данное заявление было одобрено министром иностранных дел лордом Кларендоном, что символизировало стремление британских политических сил нормализовать отношения с Петербургом. Делалось это еще и в связи с изменением мирового баланса сил. Бывшая союзница по антирусской коалиции – Франция – начала реализовывать свои задачи в Индокитае, поэтому Лондон и Калькутта стали с тревогой посматривать на действия Парижа в Юго-Восточной Азии.

Данный шаг можно расценивать как попытку англичан адаптироваться к изменениям, которые произошли в политике европейских держав. Британский истеблишмент отталкивался от того баланса сил, который сформировался в азиатском регионе. Усиление Франции заставляло примириться с прагматизмом, которым руководствовалась Россия, продвигаясь в глубь Центральной Азии. Однако не стоит недооценивать сложность сформировавшейся ситуации. За волной пацифизма и миролюбия к Петербургу все равно стояли национальные интересы Великобритании, которые не могли допустить свободного продвижения русских и захвата новых территорий. Поэтому английская версия пацифизма логично объяснялась словами министра иностранных дел лорда Рассела: «У Великобритании нет желания начинать борьбу против России за влияние в Центральной Азии, но мы стремимся к тому, чтобы Россия не извлекала выгоды из своих отношений с Персией и средств давления на государства Центральной Азии с целью посягательств на их территории, которые... должны остаться во владении местных правителей и быть незатронутыми внешними интригами» [5, 95]. Как мы видим, мотивы этого «примирения» имеют подтекст, содержащий в своем основании сугубо национальные интересы.

Мотивы, указанные выше, были обусловлены теми двойными стандартами, с которыми Лондон подходил к решению проблем связанных с положением дел на границе Британской Индии. Собственно, ситуация вокруг границ и являлась самой серьезной проблемой для английского правительства как в политическом, так и в географическом смысле. Трудность заключалась в самой природе этого понятия в сложившихся условиях британского господства в регионе: политически границы Британского Раджа определялись лишь теми территориями, которые находились под непосредственным контролем властей; географические же границы распространялись и на соседние государства-клиенты. Складывалась дилемма по поводу северо-западной границы Индии. Британцам необходимо было принять один из возможных вариантов: «либо всемерно укреплять ее, исходя из перспективы неминуемого русского вторжения, и способствовать консолидации Афганистана, либо защищать территорию Раджа, лишив сикхов, традиционно враждовавших с афганскими правителями, пространства для экспансии, в «в которой, как в фокусе, сходились их амбиции и возможности» [5, 96].

Подполковник Главного штаба Будиловский оценивал данные действия обеих держав: «Россия находится в выгодном завоевательном положении, а Англия в невыгодном оборонительном положении... Что касается политики этих государств, то Англия действует всегда прямо и бесцеремонно – как разбойник, а Россия осторожно и мягко – как хитрый обманщик» [2, 13].

Таким образом, к 1860-м годам Россия была готова продолжить свое продвижение вглубь Центральной Азии. Работа была проведена колоссальная, причем как в центре, так и на местах. На основе схем, планов и описаний офицерами Генерального штаба были составлены топографические карты предстоящих кампаний в регионе. Однако Петербург не был готов к повторению открытого противостояния с Великобританией. Подходящая к завершению Кавказская война позволила перенаправить с кавказского фронта значительные силы и части, прошедшие через бои Крымской войны, которые имели бесценный боевой опыт. Однако плохо развитая логистическая структура не позволяла российским экспедиционным силам уходить глубоко на территории Среднего Востока.

Список литературы:

1. Записка генерал-лейтенанта С. Хрулева «О походе в Афганистан для уничтожения владчества англичан в Индии» ГАРФ. Ф. 649. Оп.1. Д.3103.
2. Подполковник Будиловский. Мемория о военных намерениях Японии в 1895-1897 гг. По воспоминаниям, заметкам и материалам, и о некоторых особенностях японской национальности. ГАРФ. Ф. 543. Коллекция рукописей Царского лицея 1863-1916 гг. Оп.1 Д.174.
3. Письмо князя Барятинского от 16 февраля 1857 г. РГВИА. Ф.846 ВУА. Оп.2. Д.3.
4. Ахмеджанов Г.А. Гератский вопрос в XIX веке / Г.А. Ахмеджанов. – Ташкент : Издательство «ФАН», 1971. – 129 с.
5. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии / Е.Ю. Сергеев. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012.

ИНФЛЮАЦИЯ КУЛЬТУР И ТРАДИЦИИ

Вашурин Андрей Николаевич, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, г. Санкт-Петербург

***Аннотация:** Статья посвящена проблеме взаимодействия традиционных культур на евразийском пространстве в контексте современных интеграционных социальных процессов.*

***Annotation:** The article is devoted to the problem of interaction of traditional cultures in the Eurasian space in the context of modern integration social processes.*

***Ключевые слова:** интеграция, традиция, этнос, пространство, взаимодействие*

***Keywords:** integration, tradition, ethnicity, space, and interaction*

Современные социальные системы обречены на взаимодействие, ибо с каждым последующим десятилетием интеграционные процессы постоянно усиливаются. Всё больше социальных процессов, явлений и действий приобретают глобальный характер. В связи с этим возникает дилемма общечеловеческих и традиционных ценностей.

Как вписаться в мировую цивилизацию и не потерять при этом национальной идентичности? И нужно ли сохранять этнические традиции в глобальном мире? Эти вопросы становятся особенно актуальны на евразийском пространстве, где проживает большое количество этносов с различными этническими традициями.

Преодоление этнокультурных различий представляется наиболее сложной задачей на пути формирования единой цивилизации. Культурную наследственность любого индивида в первую очередь формирует национально-этнический аспект. Личность идентифицирует себя с тем или иным этносом, опираясь на традиционные культурные образцы, уходящими своими корнями в историческое прошлое этноса. Этническое самосознание человека приоритетным образом определяет его поведение в социальной среде. Этническая уникальность в современном мире может сохраняться и без опоры на общность территории и кровное родство. Примером тому могут служить этнические общины, компактно проживающие в Германии, Франции, Норвегии, Дании, Великобритании и других странах.

Как показывает практика, полной унификации и слияние с титульной нацией не происходит. Наоборот, этнические общины на протяжении нескольких поколений сохраняют свой язык, свои обычаи и культуру.

Это с одной стороны позволяет индивиду сохранить те духовные скрепы национальной культуры, которые оберегают его от таких негативных явлений как маргинальное бытие, отчуждение, социальная депрессия, девиантное поведение.

С другой стороны, порождает конфликтные ситуации в условиях культурного доминирования титульной нации и заставляет личность выстраивать своё поведение, которое выходит за рамки принятых норм и правил в данном социуме и ставит носителя этнической культуры на антагонистические позиции.

На этническом уровне взаимодействия культур традиционные ценности порождают определённую двойственность. Несмотря на интеграционные процессы, которые способствуют усилению контактов, взаимному усвоению каких – либо

элементов культурологического характера, вместе с этим неизбежно усиливается самосознание этноса, ибо национальная культура даёт определённую стабильность этносу, не позволяет ему ассимилироваться с остальным человечеством, способствует сохранению традиционных для данной культуры ценностей, нравственных правил, норм, определённых стереотипов поведения в быту, в социуме, в профессиональной деятельности и в этническом менталитете.

Не секрет, что культурная интеграция может приводить как к обогащению этнической культуры, её усложнению под влиянием более зрелой культуры, так и к потере собственных навыков, деградации и даже деструкции этнической культуры под воздействием внешней более мощной и зрелой. Такая тенденция особенно ярко проявляется у народов, не имеющих письменности, малочисленных и технически отсталых этносов. В частности, культура племён северной Америки сохранилась только в резервациях. Она не стала частью общенациональной культуры американского социума. Представители североамериканского индейского этноса с одной стороны принимают законодательство США, считают себя гражданами этого государства, отмечают национальные праздники, но с другой стороны не идентифицируют себя с американским народом, а в этом вопросе обращаются к своим предкам, к своим этническим корням, что несомненно порождает социальные противоречия и заставляет индейцев бороться за свои права.

Уникальным опытом взаимодействия различных культур обладает Российская цивилизация, которая пыталась не ассимилировать культуры малых народов, а сохранить их. Многие малые народы Сибири, благодаря российским учёным обзавелись даже своей письменностью, что для любой этнической культуры имеет достаточно важное значение, ибо позволяет воплотить достижения языка какого-либо народа в письменные источники, что позволяет сохранять историческую память, передавать знания этноса от одного поколения к другому, определяя исторически накопленные традиции как нравственные и культурные ценности отдельно взятого этноса.

Многие социальные проблемы, возникающие в современном мире, подверженном процессам глобализации, появляется из-за ошибок, возникающих при взаимодействии разных культур, в том числе и проблема международного терроризма, с которым можно будет справиться в том случае, если интеграция между культурами будет успешной. Не успешная интеграция порождает недоверие между этносами, заставляет их замыкаться в собственной культурной среде, порождая подозрительность, которая со временем, в лучшем случае может перерасти в неприязнь, а в худшем случае в радикальные взгляды, отстаивающих превосходство одного народа, одной культуры над всеми остальными. В социальной истории можно отыскать достаточное количество примеров, когда культурологические конфликты превращались в войны, в том числе и мировые. В условиях развития современного научно-технического прогресса, когда военные технологии становятся всё более мощными, в том числе и благодаря появлению ядерного оружия, допустить развитие новой мировой войны просто невозможно, ибо возникает угроза тотального уничтожения человечества. Оружие массового поражения не способно дать приоритет какому-либо этносу, культуре или цивилизации.

Преодоление культурологических разногласий может осуществляться только через взаимное изучение национальных особенностей, традиций, художественной культуры того или иного этноса. Чем больше этносы будут изучать друг дру-

га, тем более они будут становиться понятными и узнаваемыми для себя, тем меньше будет враждебности в культурологической риторике, которая со временем должна стремиться к нулевому варианту. Благодаря взаимодействию и взаимному изучению этносов, окончательно будут побеждены и уйдут в прошлое дискриминации по расовому и национальному признаку. К сожалению, эта проблема остаётся актуальной в наши дни, и особенно ярко проявляются в мультикультурных обществах, например, американский социум и сегодня не является свободным от данных проблем.

Воспринимая свои культурологические ценности как единственно верные, американская элита, пыталась и пытается навязать эти ценности другим народам, в том числе и военным путём, не учитывая национальных особенностей культуры этих этносов, что приводит не к улучшению, а к ухудшению их существования, порождая новые очаги напряжённости и понижая уровень мировой безопасности.

Этнокультурная интеграция является одним из самых сложных социальных интеграционных процессов, но объективным и необходимым, ибо без неё невозможно решение многих социальных международных проблем, в том числе и проблемы глобальной безопасности. Однако, подходить к этнокультурной интеграции упрощённо, не учитывая роль традиционных ценностей в судьбе отдельно взятого этноса было бы ошибкой. Это очень хорошо понимали в советском обществе, где осуществлялась государственная политика сохранения малых народов и их уникальных культур

Сохранение культурной самобытности в сочетании с развитием этнокультурной интеграции представляется наиболее оптимальным вариантом развития мировой цивилизации.

Динамика современных общественных отношений постоянно ускоряется. Это связано с развитием научно – технического прогресса, что способствует формированию новых традиций, норм и образцов поведения, выходящих за рамки культуры одного этноса, что в целом усиливает адаптационные способности человека, но в то же время порождает в нём внутренний конфликт с традиционными ценностями, которые он стремится сохранить в быстро меняющемся глобальном мире.

Взаимодействие культур необходимо признать сложным, но объективным процессом. Инфлюация культур со временем будет только усиливаться, однако, традиционные ценности в этих условиях не должны становиться антагонистическим. Они должны органично взаимодействовать с новыми международными правилами и нормами. Уважительное отношение международного права к традиционным ценностям и этнических культур к международному праву позволит избежать конфликтных ситуаций и сделать существование государств и народов более безопасным.

Список литературы:

1. Вульф К. Антропология в глобализованном мире. На пути к новой Антропологии // К. Вульф. - М.: Идея-Пресс, 2015. - 171 с.
2. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера земли // Л. Н. Гумилёв. - СПб. Кристалл, 2001. - 642 с.
3. Драч Г. В. Этнокультура в пространстве глобализации / Г.В.Драч // Вопросы философии. – 2015. - № 8. - С. 208 - 213.

4. Иконникова С. Н. Постмодернизм как новая парадигма культурологии / С.Н. Иконникова // Вопросы культурологии. - 2008. - № 7. - С. 4–6.
5. Смит Энтони. Национализм и модернизм. // Энтони Смит. - М., Праксис, 2004. - 458 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Вовк Игорь Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социально-гуманитарных наук Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбургская область, г. Орск

INTERNATIONAL COOPERATION OF RUSSIAN FEDERATIONS AND REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN THE SPHERE SECURITY IN THE 90TH OF THE 20TH CENTURY

***Аннотация:** Статья посвящена сотрудничеству Российской Федерации и Республики Казахстан в сфере безопасности и приграничного сотрудничества в 90-е гг. XX века. Автором рассматриваются основные параметры этого взаимодействия, осуществлённого в сложный период становления постсоветских государств.*

***Annotation:** The article is devoted to the cooperation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in the field of security and cross-border cooperation in 90-ies. XX century. The author examines the main parameters of this interaction, carried out during the difficult period of the formation of the post-soviet states.*

***Ключевые слова:** сотрудничество, интеграция, безопасность*

***Keywords:** cooperation, integration, security*

В первое постсоветское десятилетие в Российской Федерации происходил сложный процесс становления новой государственности, в том числе в сфере разработки концепции безопасности и инструментального воплощения ее по всему периметру государственных границ.

Взаимодействие в оборонной и пограничной сферах должно было стать одним из структурообразующих принципов объединения новых независимых государств в Содружество. Несмотря на во многом «реактивное» восприятие внешней политики и отсутствие четко выверенных стратегических ориентиров, руководство Российской Федерации к середине 90-х гг. все же определило систему приоритетов в реализации внешнеполитической концепции.

Одним из них становится сотрудничество Российской Федерации с Республикой Казахстан в целях оформления «оборонительного контура с южного направления, со стороны центрально-азиатского фронта и Афганистана» [3].

Сотрудничество между двумя государствами в оборонной сфере осуществлялось как в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), так и на межгосударственном уровне.

В рамках Содружества в начале 90-х гг. XX века главной проблемой являлась угроза распространения ядерного оружия, в том числе на постсоветском пространстве, вопреки условиям Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. Еще зимой 1991 г. лидеры на тот момент «ядерных государств» Беларуси, Казахстана, России и Украины подписали соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия. К 1 июля 1992 г. Беларусь, Казахстан и Украина должны были обеспечить вывоз тактического ядерного оружия на центральные предзаводские базы для его разукomплектования под совместным контролем [2].

Подписывая 23 мая 1992 г. Лиссабонский протокол к Договору об СНВ-1, Беларусь, Казахстан, Россия и Украина обязались оставить ядерные вооружения бывшего СССР «под безопасным, строгим и надежным контролем единого объединенного командования» [1].

13 декабря 1993 г. Верховный Совет Республики Казахстан принял решение о присоединении Казахстана к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве государства-участника, не обладающего ядерным оружием. В связи с этим президент Казахстана подписал соответствующий Указ, завершив тем самым законодательное оформление участия Казахстана в системе обязательств, вытекающих из Договора СНВ-1 и Лиссабонского протокола 1992 г., ратифицированных казахстанским парламентом еще в июле 1992 г.

В декабре 1994 г. в Будапеште был подписан Меморандум о гарантиях безопасности Казахстану, Беларуси и Украине со стороны США, России и Великобритании, выступавших в качестве государств-депозитариев Договора о нераспространении ядерного оружия. Аналогичные гарантии обеспечения суверенитета, территориальной целостности Казахстана и экономического непринуждения Казахстан имеет со стороны Китая и Франции.

Казахстан первым среди участников Лиссабонского протокола реализовал положение, касающееся перемещения ядерных боеприпасов: процесс вывода с территории республики 1216 единиц ядерных боеприпасов завершился 21 апреля 1996 г. 30 мая 1995 г. был уничтожен последний испытательный ядерный заряд, находившийся в штольне на Семипалатинском полигоне.

Важнейшим направлением в развитии оборонного сотрудничества между Россией и Казахстаном в этот период становится создание единственной в Евразии интеграционной военной структуры – Организации Договора о коллективной безопасности (с 1995 г. – ОДКБ).

15 мая 1992 г. в Ташкенте был подписан договор о коллективной безопасности (ДКБ). В тот момент Организацию Договора составляли шесть государств, в том числе Российская Федерация и Республика Казахстан; Азербайджан, Беларусь и Грузия присоединились к нему в 1993 г.; Молдова, Туркменистан и Украина участия в Договоре не приняли.

Тогда же был образован Совет коллективной безопасности в составе глав государств-участников и Главнокомандующего Объединенными Вооруженными силами Содружества Независимых Государств, являющийся высшим политическим органом государств-участников Договора, обеспечивающим координацию и совместную деятельность этих государств в выполнении Договора. Страны, входящие в организацию, имели во многом разнящиеся цели и задачи. Например Рос-

сия, по мнению А. Храмчихина, «видит в ней один из рудиментов СССР, которые в Кремле сильно ценят с оговорками психологического характера [4]. Со своей стороны, союзники Российской Федерации нередко рассматривают Россию как страну, которая не только обеспечивает им «зонтик безопасности», в том числе ядерный [5], но и поможет в модернизации вооружений и военной техники на льготных условиях.

При этом, сам договор о коллективной безопасности с участием центрально-азиатских государств стимулировал развитие межгосударственного сотрудничества в области обороны, безопасности и приграничного сотрудничества. Подписание же Конвенции военной безопасности государств-участников СНГ 9 октября 1992 г. в Бишкеке поставило сотрудничество на правовые рельсы.

Концепция основывается на принципиальных положениях документов по военным вопросам, принятым главами государств СНГ, а также на основополагающих установках их национальных военных доктрин. Она включает в себя основы военной политики, коллективной обороны государств-участников Содружества, в том числе и основные принципы их ядерной политики, строительства и развития Объединенных Вооруженных Сил Содружества. Нашла в ней отражение и общность интернациональных военно-политических целей государств-участников.

Помимо сотрудничества в рамках Договора о коллективной безопасности, эффективно развивалось взаимодействие на дву- и многосторонней основе. Так, в 1996 г. Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, с одной стороны, и Китай подписали историческое Шанхайское соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границ.

В течение 90-х годов была создана система двусторонних отношений между государствами-участниками Договора: казахстанско-российское, российско-беларуское, российско-таджикское, российско-армянское соглашения о военном сотрудничестве. Деятельность в рамках этих соглашений по сути дела была одним из компонентов формирующихся систем региональной безопасности и подразумевала отработку совместных действий в кризисных ситуациях.

Позднее на Ереванской сессии СКВ в мае 2001 г. было принято решение о создании Коллективных сил быстрого развертывания центрально-азиатского региона коллективной безопасности (КСРБ) из состава вооруженных сил Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана и органа управления ими. Общая численность КСРБ составляет до 1500 человек со штатным вооружением и боевой техникой. Для быстрой переброски личного состава и огневой поддержки с воздуха создана авиационная группировка. Предусмотрено подкрепление КСРБ с учетом специфики борьбы с террористами элементами спецслужб государств ДКБ и взаимодействие с Антитеррористическим центром СНГ.

Таким образом, военная интеграция в масштабах Договора о коллективной безопасности и Содружества Независимых Государств объективно удовлетворяет задаче обеспечения безопасности каждого и всех входящих в него государств.

Создаваемая при этом система коллективной безопасности государств Содружества как основа защиты их интересов позволит эффективно противостоять возможным вызовам, опасностям и угрозам различного характера, стабилизировать ситуацию в постсоветской Евразии и в регионе Центральной Азии, стать влиятельной силой в укреплении международного мира и стабильности.

Список литературы:

1. Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений от 23 мая 1992 г. // Договор СНВ-2. Факты и аргументы (Белая книга). – М. : Международные отношения, 1993. – С. 207-209.
2. Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия от 21 декабря 1991 года // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». – 1992. – № 1.
3. Туштунбаев С. С. Республика Казахстан и центрально-азиатская безопасность. // С. С. Туштунбаев – Алма-ата, 1994. – С. 21.
4. Храмчихин А. «Бумажные тигры» НАТО и ОДКБ [Электронный ресурс] // А. Храмчихин / Независимое военное обозрение. 6.03.2009. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/forces/2009-03-06/1_tigers.html. – Дата доступа: 7.03.2009.
5. Russia: The Nuclear Umbrella and the CSTO [Electronic resource] Stratfor. February 25, 2010. – Mode of access: http://www.stratfor.com/analysis/20100225_Russia_nuclear_umbrella_and_csto. – Date of access: 23.03.2010.

**ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ
ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА И ЕГО ОСНОВНЫХ УЧАСТНИКОВ
(НА ОСНОВЕ «АЛЕКСИАДЫ» АННЫ КОМНИНЫ)**

Волков Михаил Владимирович, Муниципальное Автономное Общеобразовательное Учреждение «Гимназия №1 города Орска» высшей квалификационной категории, Оренбургская область, г.Орск

**THE VISANTIA VIEW OF THE EVENTS OF THE FIRST CROSS HIKEING
AND ITS MAIN PARTICIPANTS (BASED ON "ANSHIADA" ANNA KOMNINY**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности византийского взгляда на изображение событий и участников Первого крестового похода на основе произведения Анны Комнины «Алексиада»

Annotation: The article examines the peculiarities of the Byzantine view of the events and participants of the First Crusade on the basis of the work of Anna Comnina "Alexiades"

Ключевые слова: Крестовые походы, Анна Комнина, император Алексей I Комнин, Византийская империя, турки-сельджуки, варвары

Keywords: Crusades, emperor Alexey I Comnen, Byzantine empire, the Seljuks, barbarians

Сегодня, в начале XXI века, внимание всего мира приковано к Ближнему Востоку. Войны и конфликты в Сирии и Палестине, Турции, Ираке и Израиле, в которых, помимо политиков и народов собственно этих стран, принимают активное участие Западные государства и Россия, в очередной раз отсылают нас к их предыстории – событиям почти тысячелетней давности. Ведь именно тогда, 920 лет назад, в конце XI века произошел Первый крестовый поход, из-за которого судьбы народов

Европы и Ближнего Востока тесно переплетутся в противоречивый и запутанный клубок. За ним последовало ещё семь крупных походов и несколько десятков мелких. В какой-то степени все эти походы и, особенно, первый были подобны Великому переселению народов: огромные массы людей, в первую очередь, из Западной и Центральной Европы, хлынули в Восточное Средиземноморье, на Ближний Восток, серьёзно изменив политический, экономический, социальный, религиозный, культурный и этнический характер региона. Если верить средневековым источникам, то только в первом походе приняло участие не менее 150 тыс. человек, хотя называются и более крупные цифры: 200 и даже 300 тыс. [1].

История первого крестового похода стала вызывать интерес у средневековых хронистов, историков и просто интересующихся лиц уже вскоре после его начала. Идея освобождения Гроба Господня от «неверных» оказалось настолько захватывающей, что всколыхнула всю христианскую Европу. Аристократы и простолюдины стали собираться по благословению папы Римского и по просьбе византийского императора. У историков нет единого мнения о причинах столь эпохального события в мировой истории, но они периодически обращаются к этой теме. О первом крестовом походе (1096-1099) писали и европейские хронисты, и восточные, и византийские. Историки XVIII-XX вв. наибольшее внимание уделяли европейским источникам, которые главным образом отражали точку зрения католической Европы. Особое место в отражении истории первого крестового похода занимает «Алексиада» — сочинение Анны Комнины, дочери византийского императора Алексея, представляющее собой византийский взгляд на данное событие, весьма отличающийся от европейского. Примерно в 1137 г. Анна взялась продолжить «Исторические записки» — неоконченную книгу своего мужа Никифора Вриенния (1062-1137), но в итоге после 11 лет работы создала собственный оригинальный труд, в котором главное место отводилось изображению личности и правления её отца - императора Алексея I. Труд, вероятно, по аналогии с гомеровской «Илиадой» получил название «Алексиада». Всего в нем 15 глав или (в оригинале) книг.

В «Алексиаде» Анна описывает личность и правление своего отца, императора Алексея I, на фоне событий, разворачивавшихся внутри Византийской (Ромейской) империи и за её пределами. Большое внимание автор уделяет изображению военно-политических отношений между Алексеем I и западноевропейскими государями. В этом произведении, однако, Анна не была беспристрастна, так как хотела показать отца в лучшем свете, а его противников — преимущественно в негативном контексте. Тем не менее, это важный источник по истории первого крестового похода, так как Анна Комнина имела возможность работать с документами, которые не сохранились до нашего времени, общалась с ключевыми фигурами византийского государства, сама была участницей ряда событий. В «Алексиаде» изображаются события первого крестового похода с точки зрения византийской элиты, для которой крестовый поход был большой неожиданностью и опасностью. Крестоносцы, несмотря на первоначальные цели освобождения Гроба Господня, стали грабить и христианские земли Византии. Поэтому император и его сановники должны были поставить эти силы под свой контроль. Об этих непростых отношениях между императорской властью и лидерами крестоносцев повествуется в нескольких частях произведения.

По мере прочтения «Алексиады» и, особенно, тех глав, где дается описание Первого крестового похода и его участников (X, XI), становится заметной разница того, как одно и то же событие (в данном случае это первый крестовый поход) интерпретируется западноевропейскими и византийскими авторами. Если западные хронисты, например, Раймунд Ажилский или Гийом Тирский с большой долей восхищения фиксируют внимание главным образом на детальном описании событий – осад, штурмов, боёв, военной подготовки, расправ, столкновений и т. п., выступая в целом апологетами крестоносного движения, то византийский подход в лице Анны, помимо описания чисто военной стороны события, большое внимание уделяет психологизму, изображению нравов и характеров как отдельных лиц, так и народов, и племен в целом. Поэтому сравнительный анализ и сопоставление менталитетов участников событий, в первую очередь, византийцев, западноевропейских крестоносцев и мусульман-сельджуков приобретают в произведении Анны столь же важную роль, сколь и описание военных действий и дипломатических ходов каждой из сторон. Проницательный взор Анны, подобно взгляду священника или внимательного психолога, устремлен не только на внешние действия и слова, но и в большой степени на внутренний мир человека. Она в первую очередь пытается изобразить духовную сущность личности, так как согласно православному христианскому учению все внешние проступки напрямую проистекают от движений души.

Теперь обратимся непосредственно к описанию самого похода. Анна начинает его с характеристики морального облика т.н. франков, поскольку он нужен ей для того, чтобы понять их мотивы участия в походе, а также для того, как следует в дальнейшем выстраивать с ними отношения, исходя от их характера. Вот что она пишет: «... Не успел он (император Алексей) немного отдохнуть, как до него дошел слух о приближении бесчисленного войска франков. Он боялся их прихода, зная неустойчивость натиска, неустойчивость и непостоянство нрава и все прочее, что свойственно природе кельтов и неизбежно из нее вытекает: алчные до денег, они под любым предлогом легко нарушают свои же договоры. Алексей непрерывно повторял это и никогда не ошибался. Но самодержец не пал духом, а все делал для того, чтобы в нужный момент быть готовым к борьбе. Однако действительность оказалась гораздо серьезней и страшней передаваемых слухов. Ибо весь Запад, все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столбов, все вместе стали переселяться в Азию; они двинулись в путь целыми семьями и прошли через всю Европу» [2, 275].

Согласно западноевропейским хроникам поводом к походу стало пламенное обращение папы Урбана II, которое буквально зажгло сердца европейцев (в первую очередь французов) идеей спасения Гроба Господня и помощи христианским братьям на Востоке, испытывающим неимоверные притеснения со стороны мусульман. А вот по мнению Анны относительно повода и причин похода всё было куда более прозаично и обыденно, и только ловкий обман смог по-настоящему всколыхнуть огромную массу народа, в первую очередь, необразованной и легко внушаемой бедноты. Эти причины она характеризует так: «Один кельт, по имени Петр, по прозвищу Кукупетр (имеется в виду Петр Пустынник) отправился на поклонение гробу господню и, натерпевшись много бед от разорявших всю Азию турок и сарацин, едва вернулся в свои края. Не желая мириться с неудачей, он решил

вновь отправиться в тот же путь. Но Петр понимал, что ему нельзя больше идти ко гробу господню одному, дабы не случилась беда, и поэтому он прибегнул к ловкой выдумке. Петр сделал следующее. Он возвестил во всех латинских странах: «Глас божий велел мне объявить всем графам во Франкии, чтобы они оставили свои дома и отправились на поклонение гробу господню и все сделали для освобождения Иерусалима из рук агарян».

И выдумка удалась ему. Петр как будто покорил все души божественным гласом, и кельты начали стекаться отовсюду, кто откуда, с оружием, конями и прочим военным снаряжением. Общий порыв увлек их, и они заполнили все дороги. Вместе с кельтскими воинами шла безоружная толпа женщин и детей, покинувших свои края; их было больше, чем песка на берегу и звезд в небе, и на плечах у них были красные кресты. Как реки, хлынувшие отовсюду, всем войском двинулись они на нас через Дакию... Все это множество людей пришло не сразу и не по одному пути (да и как могла такая огромная толпа из разных мест вся разом переправиться через пролив Лонгивардии?); сначала одни, затем другие, потом следующие, — постепенно все совершили переправу и двинулись по суше» [2, 276].

Коснувшись в общем описания повода и причин похода, Анна переходит к анализу хода события, в котором характеризует крестоносцев из низших и высших классов, дает первую оценку их предводителей, описывает первые столкновения «воинов Христовых» с мусульманами и, конечно же, рисует безупречный образ совершенного государя, коим выступает император Алексей, который даже в самых трудных военных, дипломатических и нравственных ситуациях максимально стремится следовать идеалу христианского государя, сформированному византийской традицией: «Когда отдельные отряды уже переправились через пролив Лонгивардии (ныне пролив Отранто), самодержец собрал некоторых военачальников ромейского войска и отправил их в район Диррахия и Авлона с приказом дружелюбно встретить переправившихся, в изобилии поместить на их пути запасы продовольствия, доставленные из всех областей, а также следовать и наблюдать за варварами и, если они станут нападать и грабить близлежащие земли, обстреливать и отгонять их отряды. С посланными были и люди, знающие латинский язык, чтобы улаживать возможные столкновения.

Но чтобы мой рассказ был ясным и подробным, приведу повсюду распространившийся слух, что первым, кто продал свои земли и пустился в предстоящий путь, был Готфрид. Он был человеком очень богатым, весьма гордившимся благородством, храбростью и знатностью своего рода — ведь каждый кельт стремится превзойти всех остальных. И вот у мужчин и женщин возникло стремление, подобного которому не знала ничья память. Люди простые, искренние хотели поклониться гробу господню и посетить святые места. Но некоторые, в особенности такие, как Боэмунд и его единомышленники, таили в себе иное намерение: не удастся ли им в придачу к остальной наживе попутно захватить и сам царственный город. Боэмунд в угоду своей давнишней ненависти к самодержцу стал смущать души многих благородных людей. Между тем провозгласивший этот поход Петр с двадцатью четырьмя тысячами пехоты и ста тысячами всадников раньше всех переправился через пролив Лонгивардии и пришел в столицу через Угрию. Племя кельтов — вообще, как можно догадаться, очень горячее и быстрое — становится совершенно необузданным, когда к чему-то стремится.

Узнав про все, что Петр вытерпел раньше от турок, император посоветовал ему дожидаться прихода остальных графов, но тот не послушался, полагаясь на большое количество сопровождавших его людей, переправился через пролив и разбил свой лагерь под городком, называвшимся Еленополь. За ним последовало около десяти тысяч норманнов. Отделившись от остального войска, они стали грабить окрестности Никеи, обращаясь со всеми с крайней жестокостью. Даже грудных детей они резали на куски или нанизывали на вертела и жарили в огне, а людей пожилых подвергали всем видам мучений.

Жители города, узнав о происходящем, открыли ворота и вышли сразиться с норманнами. Но так как норманны сражались с большим упорством, они после жестокого боя вернулись назад в крепость. Норманны же, забрав всю добычу, возвратились в Еленополь. Там между ними и теми, кто оставался в городе, началась ссора; зависть, как обычно в таких случаях, стала жечь души оставшимся, и между ними и норманнами произошла драка. Своевольные норманны снова отделились и с ходу взяли Ксеригорд» [2, 276-277].

Из приведенной цитаты видно, что крестоносцы из разных сословий по своему смотрели на поход и имели разные цели: бедноте, при всем её варварстве и необразованности все же было свойственно искреннее намерение освободить от «неверных» христианские святыни и святые места, знатные же крестоносцы, особенно их предводители, думали куда больше о личной славе и завоевании новых богатств, нежели о выполнении христианского долга. Оценивая западноевропейцев по большей части с отрицательной стороны, Анна особенно не приемлет норманнов – подданных Боэмунда Тарентского. Если кельтам (т.е. французам и западным немцам) свойственны горячность, неудержимость, желание блеснуть своей отвагой и знатностью – не лучшие с точки зрения христианской морали качества, но которые можно выгодно использовать, если направить их в нужное русло, то норманны в её глазах – воплощение абсолютного зла, не поддающегося никакому исправлению. Жадность, коварство, непомерная гордыня и бессмысленная жестокость, - вот главные нравственные качества этого народа. Их зверская расправа над жителями окрестности Никеи сравнима лишь с жестокостью гуннов, - и здесь Анна специально сгущает краски, описывая все их чудовищные поступки. Не лучше выглядит и их предводитель – князь Боэмунд, главное стремление которого заключается не в освобождении Гроба Господня, а в расширении собственных владений за счет захватов в мусульманских землях. Анне, как и всем средневековым писателям и хронистам, свойственна манера преувеличивать, особенно, когда идет информация о численности войск. Так, она называет фантастическую цифру в сто тысяч всадников, которые были под началом Петра Пустынника.

Далее Анна говорит о жестоком поражении, которое потерпели бедняки-крестоносцы на реке Дракон близ Никеи. Объясняет она его опять-таки нравственными качествами латинян, которые ради богатства и наживы готовы потерять рассудок: «Султан, узнав о случившемся, послал против них Илхана с крупными силами. Илхан, подступив к Ксеригорду, сразу взял его, норманнов же частью сделал добычей мечей, частью увел в плен. Не забыл Илхан и об оставшихся с Кукупетром. Он устроил в удобных местах засады, чтобы на них неожиданно наткнулись и погибли те, которые будут двигаться в сторону Никеи. Кроме того, зная жадность кельтов, он послал двух предприимчивых людей в лагерь Кукупетра и поручил им возвестить там, что норманны, взяв Никею, занялись разделом добра.

Слух дошел до лагеря Петра и привел всех в большое смятение. Услышав о дележе и богатстве, они тотчас же, забыв и свой воинский опыт, и боевое построение, бросились в беспорядке по дороге к Никее. Ведь племя латинян, вообще, как сказано выше, очень жадное на богатство, теряет рассудок и становится совершенно неукротимым, если задумает набег на какую-нибудь землю. Двигаясь неправильным строем и не отрядами, они наткнулись на турок, устроивших засаду около Дракона, и были убиты самым жалким образом. Жертвой исмаильских мечей стало такое множество кельтов и норманнов, что те, кто собирал валявшиеся повсюду трупы заколотых, сложили из них не холм, не бугор, не горку, а огромную гору, необыкновенную по высоте и толщине; вот какой курган костей они набросали. Позднее люди того же племени, что и убитые варвары, воздвигли стену в виде города и вперемешку с камнями, как щебень, заложили в нее кости убитых, и город стал для них гробницей. Он стоит до сих пор, окруженный стеной из камней, смешанных с костями.

Итак, все они стали добычей мечей, и только Петр с немногими другими вернулся в Еленополь.» [2, 278].

Император Алексей делает все, чтобы помочь крестоносцам, уцелевшим в той битве и лично Петру Пустыннику, а также пытается спасти их от плена и нового удара турок: «Турки снова устроили засаду, чтобы схватить их. Самодержец, получив точные сведения об этом избиении, не мог допустить, чтобы и Петр был пленен. Поэтому он немедленно послал за Константином Евфорвином Катакалоном, о котором я уже много раз упоминала, погрузил на военные корабли большое войско и отправил его через пролив на помощь Петру. Турки, увидев приближение Катакалона, обратились в бегство. Катакалон же, нисколько не медля, взял Петра и его людей, а их было наперечет, и доставил невредимыми к императору.» [2, 278].

Настоящие христиане, нравственные и добродетельные, по мнению Анны, среди латинян отсутствуют. Её поражает то, что даже монах Петр Пустынник, духовный вождь крестоносцев, не по-христиански высокомерен, горд и самоуверен: «Когда император напомнил Петру о его прежнем неблагоразумии и о том, что он снова попал в беду, оттого что не послушался его предостережений, Петр с заносчивостью латинянина сказал, что не он виновник этих бедствий, а те, которые не подчинились ему и следовали собственным прихотям; он назвал их разбойниками и грабителями, потому-де спасителю и было неуютно, чтобы они поклонились гробу господню» [2, 279].

Анна считает, что именно гордость и заносчивость лидеров крестоносцев являются главными препятствиями для исполнения целей похода. Самые негативные качества латинян воплощаются в норманнах и их предводителе – князе Боэмунде: «Латиняне, подобные Боэмунду и его единомышленникам, давно жаждавшие завладеть Ромейской империей, подчинить ее себе, нашли, как я уже сказала, в призывах Боэмунда хороший предлог и возбудили все это движение; они обманывали простодушных людей, прикидываясь, что отправляются против турок мстить за гроб господень, и продавали свои земли». [2, 279].

Анна, описывая предводителей крестоносцев, дает не только характеристику личностных качеств каждого из них, но при этом часто прибегает к сравнению, сравнивая их между собой, а также со своим отцом и с князем Боэмундом, высту-

пающим главным антиподом императора Алексея. Первыми читателям предстают граф Готфрид Буйонский и князь Боэмунд Тарентский, затем, по мере повествования, Анна вводит новых участников.

Если говорить объективно, то и у императора Алексея тоже имелись свои прагматические цели, которые он надеялся достичь с помощью рыцарей. Как римский (т.е. римский) император, Алексей Комнин считал себя верховным сюзереном, а предводителей крестоносцев в первую очередь полагал как своих вассалов, от которых ему разными способами удалось добиться принесения клятвы верности (по сути вассальной присяги). Взамен на обещанные выгоды, рыцари обязывались предавать императору все освобождаемые ими от турок и арабов города и территории, ранее принадлежавшие Византии. Особенно это касалось городов и земель в Анатолии (Малой Азии), которыми владели сельджуки. Нелегкий процесс торга императора с предводителями крестоносцев за принесение присяги на верность, который едва не привел к большой войне между ними в дальнейшем подробно описывается Анной. Она рассказывает о тех дипломатических и военных шагах и маневрах, которые пришлось предпринять императору Алексею, дабы защитить империю и её столицу от хищных аппетитов латинских правителей, чьи войска постоянно прибывали к стенам Константинополя. Главными задачами Алексея в той ситуации были: первая – не допустить объединения сил всех предводителей крестоносцев и, по возможности, как можно быстрее постараться переправить их на азиатский берег Босфора подальше от столицы, вторая – заставить каждого из вождей и их вассалов принести клятву на верность императору (т.е. себе). Для этого Алексей тщательно выведывает, какие противоречия есть между предводителями рыцарей и старается договориться с каждым по отдельности, используя эти противоречия.

Итак, если Боэмунд не скрывал своей ненависти к византийцам и их императору, то Алексей же, напротив, во время встреч и переговоров с рыцарями внешне стремился показать радушие, щедрость, внимание и дружелюбие и одновременно готовил столицу к обороне на случай нападения крестоносцев.

Важное место в труде Анны занимают эпизоды бесед её отца с князем Боэмундом. С одной стороны, этот правитель выступает как живое воплощение всех самых отрицательных пороков, свойственных латинянам, но с другой стороны, из всех предводителей крестоносцев он единственный, кто по своим способностям может на равных, ну, или почти на равных сравниться с самим идеалом автора – императором Алексеем.

Единственным, пожалуй, из крестоносцев, в ком Анна замечает положительные качества, является Раймонд IV де Сент-Жилль, граф Тулузский, он же – Исангел. О нем Анна пишет так: «Из всех латинян император выделил Исангела, которого полюбил за выдающийся ум, за искренность суждений и за чистоту жизни; он знал также, что больше всего Исангел дорожил правдой и не предпочел ей ничто иное. Всеми этими качествами он выделялся среди других латинян, как солнце среди звезд. По этой причине император удержал его при себе. Когда все графы заключили договор с самодержцем и через пролив Пропонтиду отбыли на Дамалис, самодержец, избавившись от тех хлопот, которые они ему доставляли, стал часто приглашать к себе Исангела; он подробно поведал ему о том, что ждет латинян в пути, а также раскрыл свои подозрения относительно намерений фран-

ков. Об этом он часто говорил с Исангелом. Как бы открыв ему ворота своей души и все объяснив, он просил его неусыпно помнить о коварстве Боэмунда и, если тот захочет нарушить клятву, удержать его и любым способом расстроить козни. Исангел ответил самодержцу: «От своих предков Боэмунд как некое наследство получил коварство и вероломство, и будет величайшим чудом, если он останется верен своей клятве. Но я сделаю все, чтобы выполнить твое поручение». И, заключив договор с самодержцем, он уехал, чтобы соединиться с кельтским войском» [2, 292].

Рассказав о взятии рыцарями Никеи, Дорилеи и их продвижении на юго-восток, автор переходит к событиям, разворачивающимся в Антиохии и её окрестностях. Анна рассказывает, как Боэмунду удалось попасть в Антиохию, благодаря подкупу одного из стражников, охранявших участок городской стены, как рыцари захватили город, как столкнулись позже с голодом и натиском турок и о «чуде», благодаря которому им все же удалось удержать Антиохию. Чтобы поднять моральный дух рыцарей, их религиозные вожди придумывают историю о божественном видении, сообщившем о том, что под алтарем находится священная реликвия – один из гвоздей, которым был прибит к кресту Иисус Христос (у западных хронистов – копьё, которым сотник Лонгин пробил ребро умершего на кресте Спасителя). После молитв и поисков гвоздь был обнаружен, и обрадованные рыцари восприняли это как божественный знак их предстоящей победы. И действительно, вскоре крестоносцы одержали победу. Анна описывает её и предшествующие события так: «Этот свято чтимый гвоздь они доверили с тех пор носить в сражениях Исангелу как чистейшему из всех. На следующий день через потайные ворота они выступили против турок. При этом граф Фландрский просил остальных уступить ему в единственной просьбе — позволить первому, всего с тремя воинами, напасть на турок. Его просьба была удовлетворена. В то время как фаланги, выстроившись поотрядно, стояли друг против друга и готовились начать сражение, граф Фландрский сошел с коня и, трижды простершись на земле, воззвал к богу о помощи; все воскликнули: «С нами бог!», а он во весь опор устремился на самого Кербогу, стоявшего на холме. Быстро метнув копьё, они повергли наземь встретившихся с ними лицом к лицу турок. Устрашенные турки, вместо того чтобы вступить в бой, видя, что божья сила помогает христианам, обратились в бегство. Во время бегства большая часть варваров была подхвачена водоворотами рек и утонула, а их тела образовали как бы мост для бежавших позади.

После длительного преследования кельты повернули назад и заняли турецкий лагерь, где нашли все снаряжение варваров. Они хотели тут же забрать с собой всю собранную турками добычу, но она была столь велика, что лишь в течение тридцати дней её с трудом удалось перенести в Антиохию. Здесь кельты ненадолго задержались, чтобы передохнуть от тягот войны; в то же время они, беспокоясь об Антиохии, искали человека для охраны города» [2, 307]. Охрану города и управление им поручили Боэмунду, который давно мечтал превратить Антиохию в центр своего маленького государства на Востоке. После этого рыцари пошли на Иерусалим. В отличие от «Деяния франков» и других западноевропейских хроник, Анна описывает взятие Иерусалима очень коротко, ограничиваясь всего несколькими строками: «По дороге они захватили много приморских городков; те же, которые были лучше укреплены и требовали более длительной осады, они, спеша к

Иерусалиму, пока не трогали. Окружив его стены и приступив к осаде, они после месяца непрерывных штурмов взяли город и убили много жителей — сарацин и евреев. Когда же все покорилось и уже никто не оказывал сопротивления, они вручили всю власть Готфриду и назвали его королем» [2, 307].

Изучив книги (главы) из «Алексиады», повествующие о Первом крестовом походе, следует отметить и то, что Анна нередко допускает неточности: в изложении хронологии событий (например, сражения при Рамле и Аскалоне у неё происходят почти в одно время, тогда как на самом деле между ними интервал в два года: 1099 г. – Аскалон, 1101 г. – Рамла), пристрастна в оценках (например, того же Боэмунда Тарентского или Раймунда-Исангела) и суждениях (почти все военные и политические неудачи крестоносцев она считает следствием их несдержанного характера и нежеланием прислушиваться к мудрым советам византийцев, в первую очередь, её отца), часто преувеличивает в несколько раз цифры, особенно, когда речь идет о численности войск (крестоносцев или мусульман), неточно передает локализацию географических пунктов или не конкретизирует место их расположения (например, Лонгивардия, под которой в зависимости от контекста можно понимать как юг Италии, где некогда располагались небольшие государства лангобардов, так и пролив между Апеннинским и Балканским полуостровами, который сегодня называется Отранто), неточно передает географические названия или заменяет их теми, которые были в античную и библейскую эпоху (к примеру, державу Фатимидов с центром в Египте она называет Вавилоном, Венгрию - Дакией), на свой лад передает названия народов, а также имена и титулы европейских и мусульманских правителей (Стефана Блуасского называет графом Франкии, Раймунда Тулузского – Исангелом, Петра Пустынника – Кукупетром, визиря Египта аль-Афдаля – Америкимом, братьев Бьяндрато, ломбардцев по происхождению, называет норманнами и т.п.), использует античные термины из фортификации и военной науки (рыцарскую пехоту именуется фалангой, главную цитадель крепости называет акрополем), домысливает события, о которых имеет обрывочную информацию, часто прибегает к античным и библейским метафорам и аллюзиям, например, называет гоплитами турецких воинов, а молодых византийских воинов сравнивает с античными греческими богами и героями: Аполлоном, Аресом, Тевкром Аяксом, Ахиллом. И таких неточностей, и спорных моментов по мере прочтения произведения можно найти немало. Однако в целом, серьёзного расхождения с западными хронистами в изображении событий, фактов и личностей немного. Зато бросается в глаза разность в их оценках. Идейно-политические акценты тоже расставлены с учетом византийской специфики. Так, Анна на протяжении всего повествования о первом крестовом походе в основном негативно отзывалась о франках (или кельтах) – собирательное название всех участников крестового похода без строгой этнической привязки, очень противоречиво характеризует Боэмунда Тарентского считая его неумеренным, корыстолюбивым и вероломным, признавая, правда, при этом его необычайную отвагу и находчивость, а Раймунда Тулузского или Исангела постоянно превозносит за безграничную преданность императору Алексею. Западные же хронисты и современные исследователи (например, анонимный автор «Деяния франков» [3, 168] и современный автор биографии князя Боэмунда Жан Флори [4, 4] считают Боэмунда Тарентского ведущим военачальником и вдохновителем похода, наряду с Раймундом де Сен-

Жиллем и Готфридом Буйонским. Крестоносцы и европейские писатели также ставят в вину Алексею тайные договоры с турками и печенегами в период похода, например, когда рыцари пребывали в Константинополе, и во время битвы за Никею и Антиохию. Если западноевропейские писатели говорят о проникновенной речи папы Урбана II в последний день Клермонского собора, которая зажгла преисполненные верой сердца европейцев идеей помощи восточным братьям-христианам и спасения Гроба Господня, то Анна объясняет начало похода ловким обманом, которым несколько хитрых и умелых деятелей западной церкви хотели решить свои сугубо земные цели. С помощью красивых слов о христианском долге, священной войне, отпущении всех грехов и обещаний земных и небесных благ они сумели увлечь огромные массы неграмотных и наивных простолюдинов. Про феодалов же Анна вообще говорит, что почти все они пошли в поход преследуя исключительно материальные и политические цели, что духовная составляющая для них была лишь благовидным предлогом для оправдания последующих войн, убийств и грабежей. Восторженные, детальные и красочные описания штурма и взятия Иерусалима, которые встречаются в «Деяниях франков», в хрониках Гийома Тирского, Раймунда Ажилльского. Фульхерия Шартрского и других авторов, писавших в тот же период, когда происходили походы, у Анны почти отсутствуют. Она посвящает этому несколько довольно сухих, но емких строк. Не уделяет особого внимания автор и епископу Адемару де Пюи, который тоже играл немалую роль в походе, являясь представителем папы Урбана II при крестоносном войске и духовным вождем рыцарей. Но ведь историю создают и пишут люди, которые неидеальны, а потому не стоит упрекать Анну за неточности и субъективизм, эмоциональность и пристрастность – они в той или иной мере свойственны всем историкам в зависимости от их воспитания, мировоззрения и убеждений. В целом же произведение Анны укладывается в контекст манеры изложения истории, характерной для Средневековья, с её преувеличениями, эмоциональными оценками, периодическими ссылками на Священное писание или античную мифологию.

Анна Комнина оставила потомкам великий по своему историческому и литературному значению труд, отражающий более полувека византийской истории. Взгляд Анны на историю – это не просто официальный взгляд, это история, излагаемая от первого лица, не каким-нибудь придворным советником или хронистом, а самой дочерью императора. Конечно, это тоже налагает отпечаток на изображение и оценку личностей и событий. Отличное знание имен (в первую очередь представителей дворца и столичной элиты), титулов, должностей, церемониалов и этикета, цитирование речей, писем и документов, - в этом неоспоримая ценность информации, подаваемой Анной. К тому же она довольно неплохо разбирается и в военных вопросах: описывает и сравнивает тактические приемы византийских стратегов с боевым искусством крестоносцев и мусульманских воинов, принципы построения и действия войск в бою, виды оружия и их действие, использование природных факторов в подготовке и в ходе сражений и т.д. Принцесса затрагивает важнейший пласт византийской истории, показывает, как уставшая от внутренних смут империя, оказавшаяся почти на краю гибели, терзаемая внутренними и внешними врагами, уже стоящая перед почти неминуемым распадом, неожиданно находит в себе силы к новой жизни и возрождению, когда во главе неё встает император Алексей Комнин.

Неожиданный и оригинальный взгляд на историю, в частности, историю первого крестового похода, византийский взгляд, взгляд ученой женщины-историка, представляющей царский дом ромейской империи, - все это делает «Алексиаду» ценным и интереснейшим источником по истории крестовых походов, о которых в свое время, да и по сей день написано и продолжает создаваться множество книг. Сопоставляя «Алексиаду», факты, изложенные в ней, с работами западных хронистов, писавших в тот же период, а также с последующими трудами по этой проблеме, читатели получают относительно объективную картину тех событий, со времени которых хоть и прошло уже более девятисот лет, но которые и в нынешнее время продолжают захватывать внимание и профессиональных исследователей, и обычных людей, интересующихся средневековой историей; моментов, которые в свете последних событий, происходящих на Ближнем Востоке, не только не утратили актуальности, но и поставили новые и неожиданные вопросы.

Список литературы:

1. Анна Комнина. Алексиада. // Комнина Анна. / Пер. на рус. язык, вступит. ст. и ком. Я.Н. Любарского. – М.: «Наука», 1965. – 675 с.
2. Мякин Т.Г. Деяния франков и прочих иерусалимцев. // Т.Г. Мякин, Г.Г.Пиков, В.Л. Портных. - пер. на рус. и ком.: учебно-метод. пособие. - Новосибирский гос. ун-т. - Новосибирск. 2010. – 251 с. (Тр. гуманитар. фак. НГУ. Сер. VI: Учебно-методические пособия).
3. Флори Ж. Боэмунд Антиохийский. Рыцарь удачи. // Ж. Флори - пер. на рус. язык Эгипти И.А. – М.: «Евразия», 2013. – 492 с.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СЛУЖЕНИЕ УРАЛЬЦА Н.А. БОРОДИНА (1861-1937 годы)

Голубев Андрей Васильевич, доктор. филос. наук, директор
Общественного фонда "Евразийский союз учёных", г. Уральск,
Республика Казахстан

PUBLIC SERVICE OF THE URALS N.A. BORODINA (1861-1937)

Аннотация: В статье раскрывается жизнь и деятельность Николая Андреевича Бородин - ученого-исследователя, парламентария, издателя и редактора, государственного чиновника, преподавателя и участника различных общественных и государственных комитетов, организатор и сопредседателя "Общества содействия сближению между Россией и Америкой». Научное наследие Бородин может быть востребовано нынешними поколениями россиян и казахстанцев, и использовано в решении современных интеграционных проблем.

Annotation: The article reveals the life and work of Nikolai Andreevich Borodin, a scientist-researcher, parliamentarian, publisher and editor, state official, teacher and participant of various public and state committees, organizer and co-chairman of the Society for the Promotion of Rapprochement between Russia and America. Is demanded by present generations of Russians and Kazakhstanis, and is used in solving modern integration problems.

Ключевые слова: Бородин Н.А., ученый-исследователь, парламентарий, издатель и редактор, публицист, российско-американские отношения.

Keywords: Borodin NA, research scientist, parliamentarian, publisher and editor, publicist, Russian-American relations.

Николай Андреевич Бородин родился в 1861 году в семье казачьего офицера, в 1879 года с отличием окончил классическую гимназию города Уральска и поступил в Санкт-Петербургский университет. В 1884 году, к моменту окончания университета, определились его интеллектуальные и профессиональные ориентации, выявились общественно-политические предпочтения. Главным среди них было стремление к служению на благо общества.

Ученый-исследователь, парламентарий, издатель и редактор, публицист, государственный чиновник, общественник-просветитель, преподаватель, участник различных общественных и государственных комитетов, организатор и сопредседатель "Общества содействия сближению между Россией и Америкой» - во всех этих ипостасях, на всех этих поприщах Н.А. Бородин стремился внести свой вклад в решение насущных проблем. По своим взглядам, убеждениям он был типичным представителем народнической разночинной интеллигенции конца XIX века, для которой служение народному благу было смыслом жизни.

Бородин всегда стремился реализовать приобретенные знания и навыки ученого-исследователя на практике, являясь специалистом по рыболовству, рыбоводству организации рыбного хозяйства, холодильному делу. Экономика и статистика применялись Бородиным для проведения демографической переписи, подготовке статистического описания социально-экономического развития Уральского каза-

чьего войска, как особого социально-экономического, социально-культурного территориального сообщества. Им также в 1917 году был разработан план индустриализации и экономического развития России и была предложена концепция по проведению железнодорожной магистрали Самара - Гурьев для объединения возможностей Поволжского региона с Прикаспийским. Это позволило бы эффективнее использовать каспийские рыбные промыслы и действующие нефтяные месторождения, осваиваемые обществами "Нобель" и "Эмба".

Стремясь максимально быстрее реализовать свои планы и разработки, Бородин становится государственным чиновником, отправляется в научные командировки и экспедиции по стране и за рубеж. В 1906 году он соглашается участвовать в выборах в Государственную Думу, чтобы, являясь парламентарием, добиваться принятия необходимо экономических, социально-культурных, политических и правовых мер по реализации многочисленных планов. Бородин являлся также действительным членом Российского географического общества, и его научно-популярные статьи по описанию Уральского края, растительного и животного мира можно прочесть в энциклопедии Брокгауза и Ефрона.

Бородин Н.А. был создателем и активнейшим участником общества любителей истории Уралья, придавал огромное значение развитию музейного дела, открыл в городе бесплатную читальню, где сам раздавал посетителям книги.

Бородин стал одним из первых историков и историографов российского парламентаризма, полагая полезным для будущего страны сохранить историю становления парламентаризма.

С 1884 по 1919 годы Н.А. Бородин избирательно занимался преподавательской деятельностью, но предпочитал просветительское, научное популяризаторство. Все опыты преподавания у Бородина до 1919 года были связаны с разработкой определенных специальных курсов научно-прикладной, технико-экономической и экономической направленности. Всю свою жизнь оказывал поддержку развитию всех видов светского образования с точки зрения его доступности и улучшения его качества. Преподавание могло бы дать ему большой и более стабильный доход, более спокойную жизнь, но Николай Андреевич предпочёл устойчивой карьере разноплановую деятельность. Он стал одним из первых создателей хладокомбинатов на железных дорогах, экспериментатором по искусственному оплодотворению и выращиванию мальков осетра. Так в 1915 году благодаря ему в р. Урал у Ханской рощи было выпущено 38 тысяч мальков, о чём зафиксировано в акте, подписанном Старшим Членом Войскового Хозяйственного управления Уральского казачьего войска полковником Мартыновым.

Особое внимание Бородин уделял развитию холодильного дела и кооперативного движения в России. Соединение передовых технологий, эффективных форм рыночного хозяйствования, каковые Бородин увидел в кооперации, позволило бы, по его мнению, ускорить экономическое развитие страны таким образом, чтобы содействовать разрешению социальных противоречий, порожденных приобщением России к капиталистическому развитию. Действуя как государственный чиновник, специалист-эксперт, ученый, публицист, он не жалел времени и сил, добиваясь своих целей.

В 1913-1914 годах Бородин после длительной научно-служебной командировки в США приходит к выводу о настоятельной необходимости скорейшего развития масштабного сотрудничества между Россией и США. Это, по его мнению, может ускорить успешное осуществление индустриализации в России, с которой

он связывал надежды на разрешение большинства социально-экономических и политических проблем в стране. Начавшаяся вскоре мировая война ещё больше убеждала Бородину в необходимости сотрудничества между странами.

В 1914-1915 годах он готовит к публикации большую монографию о российско-американских отношениях, ведет огромную работу по подготовке создания совместной российско-американской общественной организации, издаёт бюллетень «Общество сближения между Россией и Америкой». В дальнейшем он становится заместителем председателя Совета этого общества, фактически осуществляя руководство его деятельностью в 1915-1918 годах. Во многом благодаря его усилиям сотрудничество между двумя странами в период Первой мировой войны стремительно развивалось.

В дальнейшем Бородин опубликовал многочисленные работы и статьи об экономическом, культурном и агротехническом развитии США, о возможностях и перспективах всестороннего российско-американского сотрудничества. Он стал самым активным агитатором, горячим энтузиастом российско-американской дружбы. Превращение Бородина в начале XX века в американиста было следствием его патриотических, реформаторских устремлений по содействию выхода России из глубокого кризиса. Для блага и величия России, по его убеждению, требовалось российско-американское сближение, и он полагал своим долгом сделать все от него зависящее, чтобы скорейшим способом его достичь.

Бородин вскоре стал известен как ученый, специалист-практик в стране и за рубежом, став автором многих периодических и энциклопедических изданий, первых трудов по экономике и географии США, инициатором и соучредителем нескольких российских общественных организаций. Но эта его слава осталась в дореволюционной России, т.к. он не принял Советскую власть. В Советской России и в СССР его имя оказалось под запретом, оно было вычеркнуто из истории, науки, общественной и политической жизни России, Казахстана, Приуралья.

Оказавшись в эмиграции в США, Н.А. Бородин в основном занимался преподавательской, научно-популяризаторской и научно-исследовательской деятельностью. Он полностью реализовался как преподаватель, ученый и стал в 1931 году профессором Гарвардского университета. Потеряв прежнюю уверенность в скором возвращении в Россию, в 1929 году принял гражданство США. В 1931 году Бородин становится организатором, а затем членом правления Русского Академического Союза, целью которого было объединение научных и интеллектуальных сил русского зарубежья в США для будущей демократической России. К сожалению, мало, что известно об американском периоде жизни Н.А.Бородина. Требуется серьезное исследование его деятельности в США как ученого, эксперта, общественного деятеля. Тем не менее, основываясь даже на тех немногих сведениях, которые нам доступны на данный момент, можно с достаточной уверенностью утверждать, что Бородин в Америке оставался верен своим убеждениям.

Научное наследие Бородина может и должно быть востребовано нынешними поколениями россиян и казахстанцев. Особенно это относится к ихтиологическим, экономико-статистическим исследованиям и другим научным материалам. Обращение, изучение научного наследия Бородина необходимо и обязательно для нынешних поколений ученых, специалистов-практиков, государственных деятелей Казахстана и России.

Список литературы:

1. Бородин Н. А. Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах. // Н. А. Бородин. – Уральск. Типография Уральского казачьего войска, 1891.
2. Бородин Н.А. Идеалы и действительность. Сорок лет жизни и работы рядового русского интеллигента // Н. А. Бородин. - Берлин – Париж, 1930 – 190 с.
3. Изюмов А.И. Николай Андреевич Бородин – учёный и политик. // А.И.Изюмов. - Тольятти, 2012 – 165 с.
4. Фокин Н.И. Уральцы ... мои земляки: из истории уральской интеллигенции. // Н.И. Фокин. - Кемерово, 1998 – 272 с.

**НАУКА СОВЕТСКОГО ТАДЖИКИСТАНА –
ПОБЕДЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Дубовицкий Виктор Васильевич, доктор исторических наук, зав. отделом истории науки и техники, институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук г. Душанбе, Республика Таджикистан

**SCIENCE OF SOVIET TAJIKISTAN –
VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR**

***Аннотация:** Статья посвящена деятельности коллективов научных учреждений академического профиля, отраслевых научных учреждений и вузов Таджикской ССР в период Великой Отечественной войны 1941-1945г. Особое внимание уделено работам для нужд обороны ученых Таджикского Филиала Академии наук СССР (ТФАН), а также персонала эвакуационных госпиталей.*

***Annotation:** The article is devoted to the activity of collectives of scientific institutions of academic profile, branch scientific institutions and higher educational institutions of the Tajik SSR during the Great Patriotic War of 1941-1945. Particular attention is paid to works for the needs of the defense of scientists of the Tajik Branch of the Academy of Sciences of the USSR (TFAN), as well as personnel of evacuation hospitals.*

***Ключевые слова:** ТФАН, оборонная промышленность, эпидемии.*

***Keywords:** TBAS: defense industry, epidemics.*

В мае 1941г. в Таджикистане на основе Таджикской базы АН СССР в Душанбе открылся Таджикский Филиал АН СССР (ТФАН). Наука горного края шагнула на новый уровень: перед учеными стояли грандиозные задачи изучения богатств горного края и их использования. В составе ТФАН было создано четыре института и три самостоятельных лаборатории и отдела. Однако начавшаяся через месяц война внесла в планы таджикских ученых свои безжалостные коррективы. С первых дней войны на фронт ушли десятки ученых и специалистов. На оставшихся двести с небольшим научных сотрудников легло исполнение сложнейших, и главное – срочных работ, от которых зависела обороноспособность страны.

Недра Таджикистана содержат богатейшие залежи полезных ископаемых и утверждение, что здесь «вся таблица Менделеева» - не является преувеличением. Однако, благодаря высокогорному рельефу страны (93% территории – горы) существуют большие сложности в разведке, промышленной оценке месторождений,

а также в доставке добытого к месту переработки. С этим столкнулись таджикские геологи. Военные заводы Урала и Сибири с началом войны потеряли многие источники сырья на западе СССР, и металлургия испытывала острую потребность в молибдене, хrome, ванадии и другие редкие металлы для изготовления брони. Институт геологии ТФАН в первые годы войны открыл и подготовил к добыче несколько месторождений молибдена, вольфрама, олова сурьмы. Именно в период Великой Отечественной войны были проведены работы по изучению рудных месторождений Карамазара – настоящей кладовой полиметаллических руд Таджикистана.[1,4]

Другой проблемой, связанной с войной, был острый недостаток топлива, как для промышленных предприятий, так и для населения Таджикистана. Дело в том, что в страну перестал поступать уголь, ввозимый ранее с территории России и Казахстана. Таджикские геологи в кратчайшие сроки нашли ему замену: уже в конце 1941г. началась разработка месторождений горючего сланца в Гиссаре, Фархарском и Кунгуртутском районах, а также торфа на Рохатинском, Регарском и Денаусском месторождениях. Угля в Таджикистане тоже оказалось достаточно: в дополнение к Шурабскому месторождению на севере страны началась разработка Ташкутанского и Зиддинского месторождений. Только последнее за годы войны дало 8,7 тысяч тонн угля [2, 132].

Вскоре на юге республики началась разработка вновь открытых месторождений селитры, необходимой для изготовления артиллерийского пороха.

В 1942г. таджикские геологи подготовили к разработке нефтеносные площади в Исфаринском районе Северного Таджикистана [1, 5].

Институт зоологии и паразитологии ТФАН, возглавляемый академиком АН СССР, генерал-лейтенантом Е.Н. Павловским, провел огромную работу по эпидемической защите советских войск, как в самой Средней Азии, так и экспедиционного корпуса, размещенного с сентября 1941г. в Иране. В Иран из Таджикистана трижды выезжали специальные экспедиции, состоящие из врачей-эпидемиологов, энтомологов и микробиологов, обследовавших территорию северного и центрального Ирана и разрабатывавших меры профилактики и лечения от тропической лихорадки, лихорадки папатачи и других заболеваний характерных для жаркого климата Среднего Востока.

Ботаники направили свои усилия на увеличение ресурсов лекарственных растений. В решение этой проблемы серьезный вклад внесли работники Душанбинского ботанического сада. Не только научное, но и ценное народнохозяйственное значение имела исследовательская работа Института ботаники по изучению витаминосителей. Изданный Институтом сборник «Растительные ресурсы Таджикистана на службе обороны» имел важное практическое значение.

Учеными Института истории, языка и литературы ТФАН, специально для воинов-таджиков, был составлен и издан русско-таджикский и таджикско-русский словарь, помогавший призывникам из Таджикистана быстрее адаптироваться к боевой обстановке на фронте[1,3].

Летом 1941г. ГКО страны было принято решение о развертывании в восточных регионах СССР эвакуационных госпиталей для раненых военнослужащих Красной Армии. В них для длительного лечения должны были направляться тяжелораненые красноармейцы и командиры. На территории Таджикистана было от-

крыто 29 эвакуогоспиталей, расположенных, в основном, в населенных пунктах по линии железной дороги. 18 из них – в Сталинабаде, как тогда называлась столица Таджикской ССР. Раненые доставлялись сюда санитарными поездами. Всего в эвакуогоспиталях Таджикистана в период войны прошли лечение свыше 150 тыс. советских военнослужащих, многие из которых вернулись в строй и продолжили участвовать в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной.

Но, наряду с текущей работой по лечению раненных, врачи Таджикистана вели большую научную работу, разрабатывая новые методы лечения, лекарства и лекарственные средства. Для успешной работы в этом направлении в Таджикской ССР тогда сложилась уникально благоприятная ситуация. Дело в том что, во-первых, что осенью и зимой 1941г. в республику были эвакуированы сотни известных врачей и профессоров медицинских вузов Минска, Киева, Львова, Риги, Ленинграда и других городов западных областей Советского союза: все они, наряду с преподаванием в Душанбинском Мединституте и медучилище, постоянно практиковали в больницах и госпиталях города, активно работали в стенах научно-исследовательских учреждений Таджикского филиала АН Таджикской ССР ТФАН; во-вторых, Таджикистан обладал гигантским потенциалом природного лекарственного сырья, а также известным лишь горстке местных знахарей - табибов опытом традиционной медицины. Сочетание этих двух факторов дало поразительный результат в медицинской науке!

Очень серьезной проблемой в военной медицине того времени была борьба с послераневыми инфекциями, приводящим к смерти солидный процент раненых в бою военнослужащих. Пенициллин и родственные ему антибиотики появились только в 1942г., а в армейских госпиталях – и того позже! В результате с инфекциями приходилось бороться средствами, чья польза часто уравнивалась вредом организму.

В народной таджикской медицине, бережно хранящей знания, накопленные со времен Абуали ибн-Сино, известно немало эффективных средств заживления ран, совершенно неизвестных современным европейским врачам. Одно из них – мумиё (мумиё-ассиль), известное любому таджикскому табибу, как обязательное средство для лечения переломов, растяжений и просто открытых труднозаживающих ран. Несмотря на скептическое отношение современной медицины к мумиё, врачи, в результате клинических исследований, вынуждены были признавать его мощный заживляющий эффект, а острая необходимость лечения тысяч раненых во время войны заставила применять его на практике. В результате в годы Великой Отечественной было добыто и отправлено в госпитали СССР примерно 5 тонн (!) таджикского мумие. Оно было собрано местным населением на Памире и в Ягнобе.

Другим уникальным антисептическим средством, получаемым в Таджикистане в те годы стало арчевое масло, получаемое при переработке арчи (можжевельника) в изобилии растущего в горах республики. О применении этого лекарственного средства, разработанного профессором Таджикского мединститута Н.И.Эрлихманом, говорят сухие строки отчета начальника эвакуационного госпиталя №4445 Якова Давыдовича Ставиского: «Арчевое мало успешно применяется в госпитале уже около восьми месяцев при лечении инфицированных ран и своей эффективностью существенно превосходит все ранее применявшиеся антисептические средства – риванол, хлорамин, мазь Вишневского и др.

Госпиталь насчитывает тысячи ран, которые закончились полным и ускоренным заживлением благодаря применению арчевого масла. Поэтому в госпитале сейчас для заживления ран, особенно не поддававшихся заживлению на предыдущих эвакуационных этапах, применяется исключительно арчевое масло с тем же неизменным отличным успехом» [3, 75].

Как свидетельствует этот документ, только через госпиталь №4445 прошло свыше 450 человек с осколочными повреждениями костей, которым не помогли ранее сделанные операции. Благодаря применению арчевого масла все раненые выздоровели и большинство из них вернулось на фронт. Как свидетельствует приведенный документ, научная работа с применением арчевого масла продолжалась, и к концу войны этот метод лечения широко применялся во всех советских госпиталях.

Методы применения мумиё и арчевого масла были лишь малой толикой результатов научной работы военных врачей Таджикистана: именно здесь в годы войны врачами А.Д.Сперанским и А.В.Вишневым был разработан метод новокаиновой блокады при лечении тяжелых ранений, а также способ борьбы с шоком и послераневыми осложнениями.

Список литературы:

1. Партийный архив ЦК КП(б) Таджикистана. Фонд 3, оп.247, д.1509. Переписка с филиалом Академии наук. 1943г.
2. Дубовицкий В.В. У врат Востока // В.В. Дубовицкий, И.М. Дубовицкая, Г.А. Шерматов. - Душанбе, 2011 - 216с.
3. Партийный архив ЦК КП(б) Таджикистана. Фонд 3, оп. 125, д. 89. Докладные записки, донесения, сведения, письма Наркомата здравоохранения Таджикской ССР, начальствующего состава эвакогоспиталей и др. органов о партийно-политической и культурно-массовой работе в госпиталях республики о поступлении в госпитали раненых бойцов и командиров, об их лечении, о шефской работе в госпиталях, о поступлении подарков для раненых и др. вопросам за 1942г. Список начальников и комиссаров эвакогоспиталей. 31 января 1942 г.- 8 января 1943г. -143с.

КАЗАХСКИЕ АВТОНОМИСТЫ И РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА

Ескалиев Самат Амангельдинович, кандидат исторических наук, доцент, Актюбинский региональный государственный университет имени К. Жубанова, г. Актобе, Республика Казахстан

Килибаева Сания Коныскалиевна, магистр, старший преподаватель, Актюбинский региональный государственный университет имени К. Жубанова, г. Актобе, Республика Казахстан

KAZAKH AUTONOMISTS AND REVOLUTION 1917

***Аннотация:** В данной статье автор прослеживает формирование и становление национальной интеллигенции, отношение интеллигенции Казахстана к восстанию 1916 года и февральской революции 1917 года.*

Автор рассматривает деятельность некоторых членов движения «Алаш», видевших конечную цель в предоставлении республике автономии, в данный период и помощь представителей национальной интеллигенции мобилизованным казахам на оборонительных сооружениях фронта.

В заключении автор выражает свое мнение о возможностях современной исторической науки в области исследования формирования и деятельности национальной интеллигенции Казахстана.

***Annotation:** In this article, the author traces the formation and formation of the national intelligentsia, the attitude of Kazakhstan's intelligentsia towards the uprising of 1916 and the February 1917 revolution.*

The author examines the activities of some members of the Alash movement, who saw the ultimate goal in giving autonomy to the republic, at that time and the assistance of representatives of the national intelligentsia to the mobilized Kazakhs on the defensive structures of the front.

In conclusion, the author expresses his opinion about the possibilities of modern historical science in the field of research of the formation and activity of the national intelligentsia of Kazakhstan.

***Ключевые слова:** Казахстан, Дума, Первая Мировая война, национальная интеллигенция, революция 1917 года, «Алаш», Трудовой фронт, Средняя Азия, политический деятель.*

***Keywords:** Kazakhstan, Duma, the first World war, the national intellectual «Alash», the labor front, middle Asia, political figure.*

1917 год стал богатым на яркие политические события для России и ее окраин. Его начало ознаменовалось Февральской буржуазно-демократической революцией, которая привела к свержению монархии и власти русского царизма. Результатом Февральской революции стало возникновение двоевластия, что для Казахстана имело немаловажное значение. Если в советской историографии деятельность Временного правительства однозначно окрашивалась в темных тонах, то в условиях современной казахстанской историографической ситуации появилась возможность непредвзято, в полном объеме, подойти к исследованию данной про-

блемы. В трудах ряда казахстанских ученых, в частности, академика М.К. Козыбаева [2], было обращено внимание на положительные для Казахстана результаты Февральской буржуазно-демократической революции и, в частности, деятельности Временного правительства.

Победа Февральской революции внесла радикальные изменения в социально-политическую ситуацию в стране. Свержение царизма и установление Временного правительства было воспринято, как нечто новое и нашло поддержку со стороны казахского народа, терпевшего гнет царского колониализма.

В газете «Казах» от 24 февраля 1917 г. была опубликована телеграмма из Минска за подписью А.Букейханова, в которой в частности говорилось: «Взошло солнце свободы, равенства, братства всех народов России. Необходимо киргизам организовать для поддержания нового строя правительства» [3, 9]. Здесь следует отметить, что принципиальную роль для происходивших в казахском обществе процессов сыграли события 1916 г. Народное восстание, непосредственной причиной которого послужил указ царя от 25 июня 1916 г. о призыве коренного мужского населения Казахстана и Центральной Азии на тыловые работы, стало серьезным испытанием политических и нравственных основ казахского общества.

Одним из крупных центров восстания 1916 г. был Западный Казахстан. Амангельды Иманов объединил ряды восставших казахов Тургайского, Кустанайского, Иргизского, Актюбинского уездов. Февральскую революцию казахи –повстанцы во главе с Имановым встретили в сражениях с царскими отрядами. Причины восстания: массовое изъятие земель в Казахстане, политика русификации, первая мировая война, которая принесла народу неисчислимые страдания. По указу царя набору подлежало все трудоспособное население в возрасте 19-43 лет. Тем самым царское правительство хотело освободить массу русских солдат и рабочих от работы по устройству оборонительных сооружений и других тыловых работ, реквизировать из Туркестана и Степного края более 500 тысяч мужчин [4, 5]. Люди видели, что часть соотечественников вообще не возвращалась, так как погибала при работах во время военных действий. С другой стороны цены на основные виды продовольствия и налоги возросли в несколько раз [5, 82]. В таких условиях началось восстание в Казахстане.

Национальные движения совпали по времени с классовыми конфликтами в России, но во многом развивались параллельно, по собственным канонам, хотя, несомненно, испытывали влияние общей политической остроты в стране. События 1916 г. в Казахстане при этом рассматривались как предпосылка Октября в крае. «Революция 1917 г. выросла из восстания 1916 г.», – писал П.Галузо. В сущности, эта точка зрения господствовала в советской историографии. Тогда же была закреплена мысль о предательской и антинародной роли национальной интеллигенции в 1916 году [6, 95].

Каково же было отношение национальной интеллигенции, составлявшей костяк движения «Алаш», к восстанию шаруа? Лидеры движения А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов в период апогея национально-освободительной борьбы казахов против метрополии допускало возможность репрессии со стороны царизма и предлагало отсрочить мобилизацию [7, 194-195]. «Послушайте, не проливайте кровь, не сопротивляйтесь» писали представители национальной интеллигенции в воззвании в октябре 1916 года.

Таким образом, лидеры казахской интеллигенции придерживались тактики разумного компромисса с колониальной империей, выдвигая на первый план идею выживания народа, сохранения его этнической целостности.

С июля по август 1916 года ход события немало зависел от позиции лидеров общества. В этот драматический период деятели «Алаша» решили оградить народ от новых катаклизмов и сохранить его. Именно поэтому они призвали казахов выполнить указ царя. Во-первых, они считали, что нависшая над Россией внешняя опасность в полной мере касается и казахов, являющихся ее подданными. 11 июля 1916 года в обращении к гражданам «Алаш» А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов писали: «Соотечественники – русский народ, единоверцы – мусульмане, татарский народ, а также другие соседние народы – горят в пламени пожара. Нельзя нам оставаться в стороне... Отказаться от приказов власти, подданными которой мы являемся, и сидеть дома, защищая себя, не вступая в защиту государства, это будет на пользу врагу» (газета «Казах» 1916г. 16 июля.). Во-вторых, в случае победоносного для России исхода войны, они надеялись на облегчение участи казахов и создании национальной автономии.

Часть немногочисленной казахской молодежи, обучавшейся в центральных российских вузах активно помогала казахам, призванных на работу на оборонительных сооружениях. Важным источником о деятельности казахских студентов являются письма Алихана Бокейханова написанные из Москвы, в декабре 1916 года и опубликованные в газете «Казах». Там пишется: «Через 2 – 3 дня я, Мырзагазы, Тел, Муса, Хасен – впятером выедем на Западный фронт, там будем оказывать помощь казахским джигитам. Возможно поедем и на другие фронты [7]. А в следующем письме, написанном 26 декабря, он сообщает, что они знакомятся с условиями проживания казахов из Актюбинской, Костанайской областей. Там же упоминаются его товарищи, московские студенты: Тел Жаманмурынов, Муса Сейдалин и Халел Бекентаев. К сожалению, имя Теля Жаманмурынова, уроженца Актюбинской области, одного из патриотов республики, стоявшего у истоков движения «Алаш» и внесшего огромный вклад в становление и развитие сельского хозяйства советского Казахстана, мало известно широкой общественности.

Тел Бокпанович Жаманмурынов добровольно вызвался на фронт в инородческое отделение для помощи казахам, работающим на оборонительных объектах (в район г. Минска). В конце призыва казахских джигитов Тел Жаманмурынов организовывает возвращение простых рабочих с фронта. Об этом свидетельствуют данные из издания «Казах»: «До управления дошло и то, что актюбинские джигиты во главе с Телем Жаманмурыновым, джигиты из Семиречья с Билялом возвратились на родину» [8]. Таким образом, казахские интеллигенты, среди них и Тел Жаманмурынов, летом 1917 года приняли активное участие в ответственном деле – в деле оказания помощи казахам, занятых на тыловых работах Первой Мировой войны [9, 210-211].

Вот что он пишет в своей автобиографии, написанной в 1935 году для Актюбинского обкома ВКП(б): «В начале 1916 и конце 1917 годов добровольно отправлялся на Западный фронт для исследования положения казахов, призванных на тыловые работы и оказания им помощи. По возвращении в мае 1917 года по мобилизации Тургайского областного гражданского комитета был направлен в

Тургайский уезд на создание волостных комитетов. Здесь на уездном съезде (в июле 1917 года) был избран председателем уездного земельного комитета» [10, 122]. В этом же году Т.Жаманмурынов входил в руководящий состав организации «Еркін дала», созданной в 1917 году в городе Оренбурге. Цель работы данной организации была в основном: просвещение и повышение общественно – политической активности народа [11]. 21 июля 1917 года Тел. в качестве делегата участвует на съезде казахов Тургайской области (1-общекзахском съезде). В сентябре 1917 года его, как представителя партии «Алаш», выдвинули в депутаты Всероссийского учредительного собрания [12, д.30, л.12]. Жаманмурынов исполнял обязанности секретаря 2-го съезда казахов Тургайской области, который проходил 20 – 25 августа 1917 года в городе Актюбинске. На этом собрании были приняты программа и решения съезда, основанные на демократических принципах [13, д.50, л. 8 – 12]. К сожалению, впоследствии Т. Жаманмурынова постигла участь многих достойнейших людей своего времени. Он был репрессирован тоталитарной системой.

Общественный деятель А.Байтурсынов писал «Февральская революция была правильно понята и с радостью встречена киргизами потому ,что, во-первых, она освободила их от гнета и насилий царского правительства, и, во-вторых, подкрепила надежду осуществить свою заветную мечту – управляться самостоятельно» [14].

После Февраля страна стояла на распутье. Вакуум легитимной власти, образовавшийся после ликвидации царской колониальной администрации привел к резкому расширению поля политической борьбы, колоссальному усилению роли партий, общественных организаций и самых широких масс с их изменчивыми настроениями и ориентацией на силовые методы борьбы.

Первоначально, после февраля власть на местах принадлежала, как правило, общественным исполнительным комитетам – широким демократическим организациям, возникшим стихийно и объединившим самые различные социальные и политические силы. Так, газета «Оренбургское земское дело» от 12 марта 1917 г. сообщала, что в Актюбинске организован комитет народной власти [15, 15].

В этот период наблюдался всплеск политической активности широких масс казахского народа. Во главе этого движения стояли лидеры «Алаш». История движения «Алаш» как общенационального явления получила широкое освещение в современной отечественной историографии [16]. Вместе с этим, история алашского движения и политические биографии его действующих лиц в нашем регионе еще ждет своего исследователя.

Весной 1917 г. в атмосфере ожиданий перемен к лучшему в разных регионах Степного края и Туркестана прошли областные казахские съезды.

Одним из наиболее крупных и представительных был I Тургайский съезд, в работе которого приняли участие и актюбинские делегаты. Этот форум, который прошел со 2 по 8 апреля 1917 года в Оренбурге и собрал свыше 300 делегатов под председательством А. Байтурсынова, выступил в поддержку новой власти и продолжения первой мировой войны до победного конца, за упразднение устаревшей системы местного управления и введения земства, всеобщее обязательное бесплатное обучение на родном языке, удовлетворение религиозных нужд населения.

Особое место в его решениях занимал земельный вопрос. Изъятие земель кочевников предлагалось проводить лишь после землеустройства самих казахов. Вот основной круг проблем, которые стояли на повестке дня перед нашим народом в те дни.

Эти же и другие вопросы были рассмотрены и на I Всеказахском съезде, которой прошел в Оренбурге 21-28 июля 1917 г. На нем присутствовали представители от Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской, Уральской, Семиреченской, Ферганской областей, Букеевской Орды.

На этом съезде были выдвинуты кандидаты во Всероссийское Учредительное Собрание. Тургайская область была представлена следующими участниками: Ахмет Байтурсынов, Миржакип Дулатов, Ахмет Беремжанов, Есенгели Турмухамедов, Ельжан Уразов, Тель Жаманмурунов, Сейтказы Кадырбаев.

В повестку дня вошли 14 вопросов, среди которых наиболее важными являлись: форма государственного управления, автономия, земельный, народная милиция, земство, просвещение, суд, религия и женский. На выборах в Учредительное Собрание в Степном крае и Туркестане, проходивших в конце 1917 году, «Алаш» получил подавляющее большинство голосов коренного населения. В Западном регионе «Алаш» набрал 75% голосов [17, 25].

Съезд высказался за установление в России демократической республики в форме федерации с «областной территориально- национальной автономией» казахов. Это отражало господствовавшие на окраинах страны после краха монархии федералистские настроения. Становления национальной интеллигенции было сложным и являло собой длительный процесс. Ход его замедлялся условиями царской политики в отношении присоединенных народов. Это обстоятельство несомненно отражалось на количественном росте специалистов как в области экономики, так и культуры Казахстана. Тем не менее, конец XIX – начало XX вв. является новым этапом в развитии интеллектуальных сил народа.

Список литературы:

1. Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. // М.К. Козыбаев. - Кн. 1. – Алматы, 2000.
2. Хрестоматия по новейшей истории Казахстана (1917-1939 гг.). т.1. – Алматы, 2002.
3. Козыбаев М.К. История Казахстана. // М.К. Козыбаев, И.М. Козыбаев. – Алматы: Атамұра, 1997. – 230 с.
4. Жамбылов Д. Национально – освободительное движение в Казахстане. // Д. Жамбылов Алматы: Жеты жаргы, 2001. – 194 с.
5. Аманжолова Д.А. Очерки истории Алаш: монография. // Д.А. Аманжолова – Актобе: ИП Жанадилов С.Т., 2009. –182 с.
6. Кусаинова М.А. История Казахстана. // М.А. Кусаинова - Алматы: 2006. – 270 с.
7. «Қазақ» газеті. – 1916. – № 211.
8. «Қазақ» газеті. 1916. – № 231.
9. Қойгельдиев М. Алаш қозғалысы. // М. Қойгельдиев. – Алматы: Санат, 1995. – Б. 210-211.

10. Көрнекті мемлекет, қоғам қайраткері Тел Жаманмұрынов. Ақтөбе, 2013. – 133 б.
11. «Қазақ» газеті. – 1916. – № 236.
12. ОО МА ф.1. оп. 1. Д. 30. 12 п.
13. РГИА, ф.1291, оп.84, Д.50, 8 – 12 пп.
14. Байтурсынов А. Революция и киргизы // А. Байтурсынов. / Жизнь национальностей. – №27 (39). – 1919. – 3 августа.
15. Хроника важнейших событий Великой Октябрьской социалистической революции на территории Актюбинской области. – Актюбинск, 1967.
16. Қойгелдиев М.К. Алаш қозғалысы. А., 1995; Нұрпеис К Алаш һәм Алаш Орда. А., 1996; Мұхтар Құл-Мұхаммед «Алаш» бағдарламасы: қиянат пен ақиқат. – А., 2000; Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994 и др.
17. Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. // Д.А. Аманжолова. – М., 1994. – 184 с.

СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «ПАРИ»

Иванова Елена Радифовна, доктор филологических наук, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбургская область, г. Орск

THE PERIOD OF ART TIME IN THE STORY A.P. CHEKHOV "PARI"

***Аннотация:** Статья содержит исследование художественного времени в рассказе А.П. Чехова, которое является одним из значимых элементов художественного мира писателя. На основе анализа произведения автор иллюстрирует особенности временной организации малой прозы Чехова.*

***Annotation:** The article contains a study of artistic time in the story of A.P. Chekhov, which is one of the significant elements of the writer's artistic world. Based on the analysis of the work, the author illustrates the features of the temporary organization of Chekhov's small prose.*

***Ключевые слова:** художественное время, дискретность, художественный мир писателя.*

***Keywords:** artistic time, writer's artistic world, discreteness.*

Рассказ А. П. Чехова «Пари» (1888) был опубликован в газете «Новое время» в начале 1889 г., но в первом варианте он назывался «Сказка». Очевидно, что такой заголовок не совсем типичен для творчества писателя-реалиста, блестящего сатирика, для его эстетики в целом. Как показало время, Чехов изменил название произведения, чем подчеркнул жизненность своего сюжета.

Своеобразие этого произведения заключается в его притчевом начале, что не совсем характерно для творчества А. П. Чехова и его художественного мира в целом. Возможно, что тяжелая болезнь, предчувствие скорой смерти заставили писа-

теля обратиться к философским темам. В рассказе «Пари» он поднимает серьезные вопросы бытия, устами своих героев говорит о жизни и смерти, о быстротечности человеческой жизни, о ее смысле. Философская тематика произведения вполне соответствует выбранной притчевой манере повествования: у героев нет имен собственных (старый банкир и молодой юрист), не указано место действия, очевиден назидательный характер повествования. Сюжет дан очень лаконично и охватывает пятнадцать лет из жизни главных героев. Однажды успешный банкир, вступив в спор о том, что страшнее: смертная казнь или пожизненное заключение, заключил пари со своим оппонентом. По договору молодой юрист, отстаивающий целесообразность пожизненного заключения, должен был провести в полной изоляции пятнадцать лет. «Условились, что продолжении пятнадцати лет он будет лишен права переступать порог флигеля, видеть живых людей, слышать человеческие голоса и получать письма и газеты... Все, что нужно, книги, ноты, вино и прочее, он мог получать по записке в каком угодно количестве, но только через окно. Договор предусматривал все подробности и мелочи, делавшие заключение строго одиночным, и обязывал юриста высидеть ровно пятнадцать лет, с 12-ти часов 14 ноября 1870 г. и кончая 12-ю часами 14 ноября 1885 г. Малейшая попытка со стороны юриста нарушить условия, хотя бы за две минуты до срока, освобождала банкира от обязанности платить ему два миллиона». [4, 125] Это удивительное пари составляет напряженную интригу произведения, и Чехов как истинный мастер малой прозы создает динамичное повествование благодаря особому форме художественного времени.

Категория художественного времени позволяет автору описывать события в самых различных временных пластах и системах. Время в рассказе Чехова становится дискретным и создает своеобразную «систему координат», которая подчеркивает философский смысл произведения. Как всякое философское произведение, рассказ Чехова не дает однозначного ответа на поставленные вопросы. Автор лишь предлагает разные варианты его решения, позволяет читателю самому выбрать правильный путь. Неожиданный финал рассказа «Пари» заставляет задуматься над ценностями бытия, так как писатель создает четкую оппозицию мировосприятия банкира и его добровольного узника, который спустя пятнадцать лет сознательно нарушает договор за несколько часов до его окончания. Он отказывается от столь желанного когда-то выигрыша и уходит, оставив письмо, адресованное человечеству.

Противоположные персонажи и живут в разных временных системах, их сюжетные линии имеют различную дискретность. Более того, все произведение построено на противопоставлении временных величин и понятий. Например, в начале рассказа лексика, обозначающая временные реалии довольно условна и обозначает общие точки хронологии: ночь, осень, пятнадцать лет тому назад. Вместе с тем спор героев произведения вносит и емкие величины: «устаревший способ наказания» (здесь и далее курсив наш Е.И.), *пожизненное* заключение, «казнь, которая убивает *сразу*», «заключение, которое убивает *медленно*», «несколько *минут*» и «в продолжение *многих лет*». И далее Чехов разводит своих героев по разные стороны конфликта, что подчеркивается их разным пониманием времени. Так, банкир, очевидно привыкший к четким цифровым исчислениям, и в философском споре оперирует ими: «Держу пари на два миллиона, что вы не высидите в каземате и пяти лет!... Для меня два миллиона составляют пустяки, а вы рискуете поте-

рять три-четыре лучших года вашей жизни».[4, 125] Молодой юрист «лет двадцати пяти» (как видим, эта фраза создает приблизительное временное и числовое выражение) в кульминации спора буквально выкрикивает число, которое кажется ему убедительным аргументом: «Держу пари, что высижу не пять, а пятнадцать».[4, 125] Думается, что эта цифра лишь подчеркивает безрассудность оппонента, его максимализм. Кажется, что названа она потому, что является созвучной, однокоренной к слову «пять», и в пылу спора прозвучала как «сорвавшаяся с языка». Тем не менее, эти разные величины исчисления времени создают важную оппозицию. В дальнейшем герои будут мыслить по-разному, иначе воспринимать ход времени, его «наполняемость» и, наконец, придут к противоположным философским выводам.

Течение пятнадцати лет добровольного заключения молодого юриста дано Чеховым дискретно, с позиции банкира-обывателя, который обеспечивал всем необходимым своего узника. Чехов пишет: «В *первый год* заключения юрист, насколько можно было судить по его коротким запискам, сильно страдал... Из его флигеля постоянно, *днем и ночью* слышались звуки рояля... В первый год юристу посылались книги преимущественно легкого содержания... *Во второй год* музыка уже смолкла во флигеле, и юрист требовал в своих записках только классиков. В *пятый год* снова послышалась музыка, и узник попросил вина... Этот *год* он только ел, пил... сердито разговаривал сам с собою...Иногда по *ночам* он садился писать, писал *долго и под утро* разрывал на клочки все написанное... *Во второй половине шестого* года узник усердно занялся изучением языков, философией и историей... *В продолжение четырех лет* по его требованию было выписано около *шестисот томов*... Затем *после десятого года* юрист неподвижно сидел за столом и читал *одно только* евангелие. Банкиру казалось странным, что человек, одолевший *в четыре года шестьсот* мудреных томов, потратил *около года* на чтение *одной* удобопонятной и не толстой книги... В последние два года заточения узник читал чрезвычайно много, без всякого разбора...».[4, 126]

Также в четких числовых реалиях банкир оценивает свое положение спустя пятнадцать лет: «Завтра в *двенадцать часов* он получает свободу. По условию, я должен буду уплатить ему *два миллиона*... Проклятое пари! Зачем этот человек не умер? Ему еще *сорок лет*. Он возьмет у меня последнее... И каждый день я буду слышать от него одну и ту же фразу».[4, 127] Чехов показывает, что за время пари его герой не обрел жизненного опыта и мудрости. Напротив, он играл на бирже, бездумно наслаждался жизнью в угоду своим порокам, что привело к плачевному результату: теперь он страстно желает смерти своему узнику, пересчитывает свое растраченное состояние, понимая смысл жизни только в материальном достатке. Именно поэтому Чехов вписывает этого героя в контекст вполне обыденных понятий о времени: сутки, год, раньше, теперь, час, минута и т.п. По мере разворачивания сюжета для банкира время начинает дробиться на все более мелкие части, особенно ярко это показано в сцене, когда он решается на убийство своего узника. Мельчает личность и ускоряется время: «пробило *три часа*», «прошло *пять минут*», «прошло *минуты три*».

Сюжетная линия молодого юриста как антипода банкиру развивается в ином художественном времени и в ином направлении. Если для банкира это движение от более масштабных временных категорий до минуты, то для его оппонента, наоборот, от года до эпохи и вечности. Чехов оставляет на рамках повествования

то, чем было наполнено его время, проведенное в добровольном заключении. Читатель лишь догадывается о тех исканиях и открытиях, к которым пришел он за пятнадцать лет. О колоссальном прорыве в его мировоззрении говорит его письмо, завершающее повествование. «Завтра в двенадцать часов дня я получаю свободу и право общения с людьми... пятнадцать лет я внимательно изучал земную жизнь... Ваши книги дали мне мудрость. Все то, что веками создавала неутомимая человеческая мысль, сдавлено в моем черепе в небольшой ком. Я знаю, что я умнее всех вас. И я презираю ваши книги, презираю все блага мира и мудрость. Все ничтожно, бrenно, призрачно и обманчиво, как мираж. Пусть вы горды, мудры и прекрасны, но смерть сотрет вас с лица земли наравне с подпольными мышами, а потомство ваше, история, бессмертие ваших гениев замерзнут или сгорят вместе с земным шаром».[4, 129] Как видно, герой узнал нечто совсем иное о мире, он мыслит масштабно, философски, что отражается в его временной системе координат: века, история, потомство, бренность.

Еще одним принципом организации художественного времени в рассказе «Пари» можно считать оппозицию «тогда - сейчас». Чехов необычно выстраивает эту «переключку» ситуаций, используя прием ретроспекции, то есть возвращения в прошлое. Интересно, что о банкир сожалеет о прошлом, осознавая, что жизнь прожил неправильно. Юрист же нисколько не жалеет о прошлом, он даже не задумывается над тем, правильно ли поступил, заключив это пари. Полученные знания открыли ему иной путь, по которому он пошел, отказавшись от почти выигранного спора.

Таким образом, художественное время в рассказе А.П. Чехова «Пари» построено в соответствии с тематикой и проблематикой произведения. Анализ текста позволяет говорить о дискретности художественного времени в этом рассказе, о его связи с реализацией идейного замысла, с сюжетной линией главных героев, а также подтверждает притчевый характер этого философского произведения великого русского писателя.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. // М. М. Бахтин. - М.: Искусство, 1979. – 422 с.
2. Бахтин М. М. Эпос и роман. // М. М. Бахтин. – СПб. : «Азбука», 2000. – 304 с.
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Ю. М. Лотман. / Об искусстве. Структура художественного текста. – СПб.: «Искусство - СПб», 1998. – 285 с.
4. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Том 7. // А. П. Чехов. - М.: «Наука», 1985. - С. 125 -129.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ДИАЛОГ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Карманова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбургская область, г. Орск

***Аннотация:** Статья затрагивает вопрос взаимодействия традиций западной и европейской культур в русской литературе, выявления уровней этого взаимодействия в отечественном литературном дискурсе.*

***Annotation:** The article touches upon the interaction of the traditions of Western and European cultures in Russian literature, revealing the levels of this interaction in the domestic literary discourse.*

***Ключевые слова:** евразийское пространство, литературный дискурс, полифонизм культур.*

***Keywords:** eurasian space, literary discourse, polyphonism of cultures.*

Русская литература представляет собой уникальное явление, соединяющее в себе традиции Запада и Востока, Севера и Юга. Срединное положение России предопределило полифонизм, сформировавший тот литературный дискурс, который до сих пор вызывает множество споров. Что доминирует в этом дискурсе: традиционная восточная нота или индивидуалистическое западное мировидение, сдержанная холодность севера или знойная темпераментность юга? Вопрос открытый.

Если обратиться к анализу разных составляющих культурного топоса, то необходимо отметить преобладание восточной традиции в бытовой жизни русского народа. Деление дома на мужскую и женскую половины, низкая значимость женщины в общественно-политической сфере, абсолютная подчиненность женщины в семье. Все эти особенности организации общественно-бытовой жизни мы видим трансформируемыми в литературный текст и обрядовую сферу.

Не только произведения фольклора отразили эту особенность культуры России, но и тексты художественной литературы. До XVII века влияние восточной традиции было преобладающим. XVII век – «бунташный» век русской истории – переориентировал литературу с Востока на Запад. В литературе XVII века появляются жанры, явно пришедшие из западноевропейской литературы.

Так появляются сатирические повести и бытовые повести авантюрного характера, где героем является человек, отступающий от традиционных норм поведения, добивающийся своей цели благодаря личной активности, ловкости, умению идти на компромисс¹. Появляется и поэзия. Благодаря Симеону Полоцкому и его ученикам в русской литературе возникает версификация, заимствованная из Польши через Белоруссию и Украину [2]. Так в отечественной стиховой культуре утверждается силлабическая система стихосложения. Благодаря культуре Запада отечественная осваивает и первое художественное направление – барокко. Но освоение это идет особым путем, сочетаясь с теми традициями, которые выра-

---

¹ «Повесть о Карпе Сутулове», «Повесть о Фроле Скобееве» и т.д.

ботала русская литература. Этот путь будет долгим: с преобладанием тех или иных тенденций. Не только западноевропейская культура, но и русская внесла серьезный вклад в мировой художественный процесс. Безусловно влияние традиций тургеневского полифонического романа на развитие западноевропейского романа XIX века, а традиции чеховской драматургии на принципы европейской драматургии XX века.

Однако вопрос влияния традиций Востока и Запада в литературе связан с идейно-художественным своеобразием текста. Так в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» система образов формирует противостояние Востока и Запада в русской культуре: все антиподы Печорина – люди, тяготеющие в своих взглядах к традиционной культуре с явным преобладанием общего над личностным и фаталистическим мироощущением. Печорин, напротив, демонстрирует эгоистическое, индивидуалистическое мироощущение, близкое культуре Запада [1].

Как истинный полифонист М.Ю. Лермонтов не отдает четкого предпочтения ни одному пути.

Кроме концептуального уровня текстов, затрагивающих проблему взаимодействия культур, не менее показателен и речевой уровень, демонстрирующий пересечение языковых пластов в художественных текстах русских поэтов и писателей. Особое место здесь занимают русские модернисты, особенно символисты и акмеисты, опирающиеся в своем мифотворчестве на мировую культуру.

Так в творчестве О.Э. Мандельштама, особенно в его «Тристиях», звучит идея органического родства всех европейских языков. Так в стихотворении «Зверинец»:

*А я пою вино времен –
Источник речи италийской –
И в колыбели праарийской
Славянский и германский лен! [3, 376]*

Отсюда и стремление у русских поэтов и писателей использовать образы европейской мифологии и культуры. Примеров тому множество – от Кантемира и до наших дней. Вообще, можно предположить, что светская культурная среда в России начиная с XVII века больше была ориентирована на европейские культурные ценности. В то время как «почвенническая» ориентация, скорее, тяготела к Востоку. Культура Юга и Севера лишь придавала евразийскому компоненту определенное пафосное звучание.

Таким образом, пересечение двух культур в едином евразийском пространстве русской литературы можно наблюдать на нескольких уровнях: на уровне освоения художественных систем, на разных уровнях художественного текста, на уровне мироощущения русского человека. Именно этот полифонизм и придает особое звучание русской литературе, выдвигая ее в первые ряды мирового художественного процесса.

Список литературы:

1. Лотман Ю.М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Ю.М. Лотман. Избранные статьи: В 3 т. – Таллинн : Александра, 1993. – С. 9-24.

2. Федотов О.И. Основы русского стихосложения. Метрика и ритмика. // О.И. Федотов – М. : Флинта, 1997. – 336 с. – ISBN 5-89349-006-1.

3. Шапир М.И. Время и пространство в поэтическом языке раннего Мандельштама // М.И. Шапир / Евразийское пространство: Звук, слово, образ : сборник статей / Рос. акад. наук, Научный совет «История мировой литературы» МГУ им. М.В. Ломоносова, Евразийская ассоциация университетов и др. / отв. ред. В.В.Иванов; сост. Л.О. Зайонц, Т.В. Цивьян. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 584 с. – ISBN 5944571373.

ВЕЛИКИЕ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ И ВО ФРАНЦИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Кашаева Екатерина Андреевна, факультет педагогического образования Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбургская область, г. Орск

Шебалин Игорь Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбургская область, г. Орск

GREAT REVOLUTIONS IN RUSSIA AND FRANCE: GENERAL AND SPECIAL

***Аннотация:** В статье рассматриваются две революции – Великая французская 1789-1894 гг. и Великая русская 1917-1922 гг. Эти события имеют как общие, так и специфические черты, привлекающие внимание отечественных и зарубежных историков. Современная историческая наука пытается через сравнительный анализ понять закономерности общественного развития в условиях ускоряющегося процесса модернизации и глобализации мира.*

***Annotation:** In the article two revolutions are considered - the Great French 1789-1894. And the Great Russian 1917-1922. These events have both common and specific features that attract the attention of domestic and foreign historians. Modern historical science attempts through comparative analysis to understand the laws of social development in the context of the accelerating process of modernization and globalization of the world.*

***Ключевые слова:** Великая французская революция, Великая российская революция, Учредительное собрание, Временное правительство, большевики, якобинцы.*

***Keywords:** The Great French Revolution, the Great Russian Revolution, the Constituent Assembly, the Provisional Government, the Bolsheviks, the Jacobins.*

Великая французская и Великая российская революции 1917-1922 гг. – это крупнейшие исторические события, которые привели к глобальным социально-экономическим, политическим и духовным изменениям: обе революции всколыхнули весь мир, мировоззрения людей всех обществ, отголоски которых мы видим в произведениях многих авторов новейшего времени (Д.Ю. Лысков, А.А. Алексеев и др.) [1, 5]. До конца 1980-х годов в России не было широкой возможности читать и публиковать творчество зарубежных авторов, поднимавших проблемы революций и влияния их на процесс социально-политической модернизации.

Но в дальнейшем отечественные историки, рассматривая данную тему, используют опыт зарубежной историографии, и особое внимание в исторической литературе уделяется аналогии двух Великих революций.

Французская и Русская революции интересны для современного общества тем, что они во многом сходны между собой, хотя и не тождественны. Большевики уже в 1917 году считали себя последователями французских якобинцев. Большая часть российской лексики наполнилась французскими словами: «Учредительное собрание», «Временное правительство», «комиссар» и другие. И Русская, и Французская революции вдохновлялись идеей быстрого перехода к более совершенному и справедливому обществу. Кондратьева Т.С. в своей книге «Большевики-якобинцы и призрак термидора» пишет, что ещё в конце 1870-х гг. время было чрезвычайно благоприятным для проведения аналогий с Французской революцией, «поскольку вся Европа ждала тогда, что и в России может произойти подобный взрыв» [3].

На пороге революции оба государства постигло значительное ухудшение экономической ситуации из-за неурожаев 1788 года и Первой мировой войны, а также отмечался невероятный демографический взрыв, вызванный снижением смертности в данных странах, о чём говорят диаграммы (Рис. 1 и Рис.2):

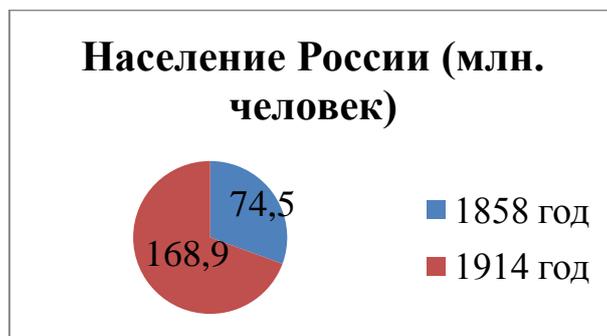

Рис. 1. - Динамика народонаселения в России

Рис.2. – Динамика народонаселения во Франции

Таким образом, население России в период с 1858 по 1914 гг. увеличилось в 2,3 раза [4], а население Франции с 1715 по 1789 гг. возросло в 1,6 раза [8].

К этому времени традиционная социальная структура в рассматриваемых странах претерпевает изменения – идёт процесс перехода от сословий к классам. Это приводит к нарастанию серьёзных социально-экономических противоречий и способствует складыванию революционной ситуации. Ещё одной общей схожей причиной является падение религиозности населения, а также влияния церкви, которая находилась под влиянием государственных структур. Быстрая потеря духовно-религиозных основ привела к кризису традиционного сознания и облегчила мгновенное распространение политических и радикальных идеологий. Население стремится быть в курсе политических дел, что приводит к поверхностному усвоению сложных философско-идеологических парадигм, многие из которых носили утопический характер. Томас Карлейль, британский писатель XIX века, писал: «Церковь... вот уже несколько веков чувствует себя неважно и вынуждена, забыв прежние планы и распри, объединиться с более молодым и сильным организмом – королевской властью, надеясь тем самым задержать процесс старения, - теперь они поддерживают друг друга, и если падут, то падут вместе» [2].

Французскую и Русскую революции сближает кризисное состояние монархической власти в предреволюционный период, а также слабование правителей - Николай II и Людовик XVI оказались не то время и не в том месте [5]. Когда государствам требовались сильные государи в столь бурные эпохи, их не оказалось. Многие историки отмечают, что монархи в России и во Франции были слабы и нерешительны для проведения решительных мер или преобразований. Оба они пытались провести реформы (Витте, Столыпин – в России; Неккера, Тюрго, Калонна – во Франции), но не смогли реализовать и завершить их, так как столкнулись с оппозицией: шли на уступки, но поняв, что сделали неправильно, хотели отыграть все обратно, что приводило к противоречию и «бурлению» революционных масс. Об это размышлял Л.Д. Троцкий: «Отдельные друг от друга пятью четвертями столетия царь и король представляются в известные моменты двумя актерами, выполняющими одну и ту же роль» [7].

Падение монархии в России и Франции только усилило радикализацию революции, что привело к власти якобинцев и большевиков, к массовому террору. Поэтому многие исследователи называют большевиков «русскими якобинцами», называя их часто «неоякобинцы» или «бланкисты». Политик начала XX века Мартынов специально подчеркивал это в работе «Две диктатуры», а социалист Плеханов, говоря на IV съезде РСДРП о расхождениях с Лениным по аграрному вопросу, доходил в обобщении до следующего заявления: «бланкизм или марксизм, - вот вопрос, который мы решаем сегодня». Со своей стороны, большевики, и в первую очередь Ленин, охотно сравнивали себя с «великими якобинцами» 1793 года» [3].

Несмотря на многие сходства, разрыв в 128 лет между революциями отразился в ходе, целях и задачах. Россия в 1917 году уже пережила промышленный переворот и имела развитую промышленность и рабочий класс (до конца не сформированный), участвовала в Первой мировой войне, что облегчило переход к новому общественно-политическому строю - социализму, и даже успел получить популярность – марксизм [1]. Русская революция ставила перед собой классовые цели и задачи. А во Франции революция дала толчок промышленному перевороту,

где революция помещала на первый план общенациональные цели и задачи, но не установила социализма, а лишь покончила с феодализмом. Н.А. Рожков, русский историк, сообщал о различиях основных движущих сил революций: «По преобладающему составу обе партии были мелкобуржуазны, причем крестьянство больше тяготело, естественно, к жирондистам, а городская мелкая буржуазия, особенно столичная, была под влиянием якобинцев; к якобинцам же примыкали и сравнительно немногочисленные тогда во Франции рабочие. Наша революция, будучи запоздалой, имело очень сильную пролетарскую левую мощь... социал-демократы меньшевики и к ним более или менее близкие группы социал-демократии, а также социалисты-революционеры – были в большей мере пролетарскими и крестьянскими партиями, чем жирондисты» [6].

Последствия у двух Великих революций были тяжелыми: Франция потеряла примерно около 1 млн. человек [8], а в России население сократилось на 36 млн. человек, не считая, что многие дворянские семьи были вынуждены уехать за пределы России [4]. Французская и Русская революции были народными революциями, в этом заключалась их сила. Активное, решающее участие народных масс придало революциям ту широту и размах, которыми они отличались от других буржуазных революций. Экономика была в упадке: сельскохозяйственная разруха, недостаток рабочей силы, голод. Революции привели искоренению старых порядков и утверждение более современного и прогрессивного общества. Революции принесли народу освобождение от тяжелого гнета на первое время. В результате двух революций в конечном итоге установились диктатуры Наполеона во Франции (1799 -1815 гг.) и Сталина в СССР (1922 -1953 гг.).

Великая французская и Великая русская революции способствовали распространению радикальных и прогрессивных идей во всем мире.

Сравнение Великой французской революции с Великой русской революцией достаточно разнообразно: одни видят в данных революциях полную идентичность, а другие противоположность в целях, задачах и движущих силах, что можно наглядно изобразить в таблицах (Таблица 1 и Таблица 2):

Таблица 1. Различия Великой французской и Великой русской революций

Критерии сравнения	Великая французская революция	Великая русская революция 1917
Начало революции (время)	XVIII век (Революция дала толчок промышленному перевороту)	XX век (Революция произошла после промышленного переворота)
Движущие силы	мелкая буржуазия, крестьянство	пролетариат
Цели и задачи	Цели и задачи общенационального характера	Цели и задачи классового характера
Результат	Уничтожение феодализма	Установление социализма

Таблица 2. Общие черты Великой французской и Великой русской революций

Критерии сравнения	Великая французская революция	Великая русская революция 1917
Причины революции	1. Экономический кризис (неурожай, Первая мировая война...); 2. Демографический взрыв; 3. Кризис монархии; 4. Разрушение сословий, переход к классам; 5. Кризис религии; 6. Рост грамотности населения – распространение революционных идей	
Результаты	1. Свержение монарха; 2. Переход к более демократическому и прогрессивному обществу.	
Последствия	1. Гибель людей в больших масштабах; 2. Упадок экономики; 3. Распространение радикальных и прогрессивных идей и влияния на другие страны; 4. Установление диктатур.	

Различие мнений и оценочных суждений в настоящее время позволяет сделать вывод, что проблема аналогии Великой французской и Великой русской революций является дискуссионной и, в тоже время, важной и актуальной, что способствует более глубокому и всестороннему изучению мирового общественного развития.

Список литературы:

1. Алексеев А.А. Падение монархии в России: заговоры и революция // А.А. Алексеев / Наука и жизнь [Электронный ресурс], 2007, № 11. – URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/12053/>
2. Карлейль Т. История Французской революции / Пер. с англ. Ю.В. Дубровина, Е.А. Мельниковой – М.: Мысль, 1991– 575 с.
3. Кондратьева Т.С. Большевики-якобинцы и призрак термидора / Т.С. Кондратьева – М., Ипол, 1993. – 240 с.
4. Корелин А.П. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник / Отв. Ред. А.П. Корелин – С-Пб.: «Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 1995. – 416 с.
5. Лысков Д.Ю. Великая русская революция: 1905-1922 / Д.Ю. Лысков. – Из-во : Либроком, 2013 г. – 402 с.
6. Рожков Н.А. Великая французская и русская революции / Н.А. Рожков. – Харьков: Мысль № 11, май, 1919 г. – 397-403 с.
7. Троцкий Л.Д. История русской революции. Февральская революция / Л.Д. Троцкий – Издательство: Вече, 2017 г. – 448 с.
8. Чубарьян А.О. История Европы. Том 4. Европа Нового времени (XVII – XVIII века) / А.О. Чубарьян, Ю.Б. Виппер, В.К. Волков – М.: Наука, 1994. – 509.

ОБ ЭВАКУАЦИИ ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ТЕХНИКУМА В ОРСК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.

Кожухова Лариса Рафиковна, Филиал Государственного бюджетного учреждения «Государственный архив Оренбургской области» в г. Орске, Оренбургская область, г. Орск

ABOUT EVACUATION OF THE DNIPROPETROVSK INDUSTRIAL TECHNICUM IN ORSK IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR 1941-1945

***Аннотация:** Статья написана по материалам архивного фонда Орского индустриального колледжа, содержит сведения об истории образования и становления Орского индустриального колледжа, который был эвакуирован из Днепропетровска в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.*

***Annotation:** The article is based on the materials of the archive fund of the Orsk Industrial College, contains information about the history of the formation and formation of the Orsk Industrial College, which was evacuated from Dnepropetrovsk during the Great Patriotic War of 1941-1945.*

***Ключевые слова:** эвакуация, война, промышленность*

***Keywords:** evacuation, war, industry*

«В соответствии с указаниями Наркомата черной металлургии СССР и решением Исполнительного комитета Орского городского Совета депутатов трудящихся № 485 «О размещении и работе Днепропетровского индустриального и коксохимического техникумов Народного комиссариата черной металлургии СССР» от 22 сентября 1941 г. считать первым днем работы Днепропетровского индустриального техникума в г. Орске – 24 сентября 1941 г.» Так гласит приказ № 1 по индустриальному техникуму от 24 сентября 1941 г., подписанный директором И.В. Молчановым [1]

А до этого, судя по документам, хранящимся в филиале ГБУ «ГАОО» в г.Орске, был долгий и томительный путь эвакуированных из Днепропетровска пяти вагонов с ценным оборудованием лабораторий, преподавательским составом с членами их семей и частью студентов Днепропетровского индустриального и коксохимического техникумов. Путь до Сталинграда, а потом и до далекого Орска – центра Орско-Халиловского промышленного района, где так необходимы технические кадры. Как подтверждение этого, копия правительственной телеграммы заместителя Народного Комиссара черной металлургии СССР В.И. Бычкова директору Днепропетровского металлургического завода им. Петровского Коробову П.И. об обеспечении отправки ценного оборудования Днепропетровского индустриального и коксохимического техникумов [2]

В отчете о работе индустриального техникума за 1941/1942 учебный год имеются сведения о том, что Орский индустриальный техникум был размещен в следующих зданиях: здание гостиницы по ул. Советской, 82 – для учебных кабинетов и лабораторий, впоследствии временно использовались, для размещения

второй смены, классные комнаты в школе № 10, здание городского узла связи, второй этаж (ныне здание занимают мировые судьи), для учебных мастерских – полуподвальный этаж Дома пионеров по ул. Пионерской 11 [3] Такая разбросанность, конечно, создавала известные трудности в работе, но коллектив приступил к организации деятельности техникума в г. Орске.

Основными вопросами были: прием студентов и комплектование групп, подбор преподавательского и обслуживающего персонала, подготовка к началу учебного процесса. В результате большой работы по набору студентов на 1 курс было зачислено 460 человек, на 2 и 3-й курсы – 90. Такой наплыв учащихся объяснялся значительным наличием промышленных предприятий и новостроек в городе и районе, большой сетью общеобразовательных школ и огромной тягой молодежи и практиков, не имеющих специального образования, к приобретению технических знаний.

Одновременно комплектовался и преподавательский состав, который по своему образованию и педагогическому стажу являлся высококвалифицированным коллективом. Судите сами по сведениям на 01 февраля 1942 г.: из 22 членов педагогического коллектива 20 – с высшим образованием, в том числе 7 человек с учеными званиями и степенями. Среди них Дубинский А.А. – кандидат физико-математических наук, доцент, Шухман М.И. – кандидат исторических наук, Лещинская Н.Л. – доцент политической экономии и другие. Листая приказы директора техникума за 1941 г., можно увидеть, первые должности сотрудников техникума начиная с зав.канцелярии, начальника учебных мастерских, заведующего учебной частью и заканчивая должностью швейцара и курьера-уборщицы. Для сотрудников техникума установлен рабочий день с 9.30 до 18.00.

Вся подготовительная работа была закончена 19 октября 1941 г. В этот день провели собрание студентов и совещание преподавателей. Согласно телеграфному указанию начальника Главного управления учебными заведениями НКЧМ т.Федорова И.Ф. занятия в техникуме начались 20 октября 1941 г.

Студенты обучались на пяти отделениях: электрооборудование промышленных предприятий, прокатное производство, контрольно-измерительная аппаратура металлургических цехов, экономика и планирование черной металлургии, строительство промышленных и гражданских сооружений. Словом, готовились в основном технические кадры для черной металлургии.

В ноябре 1941 г. в состав индустриального техникума влился Орский горно-металлургический техникум и добавились в связи с этим еще две специальности: эксплуатация рудных и рассыпных месторождений и металлургия тяжелых цветных металлов. И еще раз произошло расширение сети специальностей с прибытием в сентябре 1942 г. Липецкого горно-металлургического техникума. Открыты были отделения доменного производства и литейного дела. Липецкий техникум также привез с собой часть оборудования физического, химического, доменного и горного кабинетов, оборудование учебных мастерских, часть библиотеки (литературу по специальным дисциплинам), часть архива. Все это заметно пополнило материально-техническую базу индустриального техникума.

Обучение в техникуме было платное – 75 рублей в месяц (по денежной реформе до 1947 г.). Освобождались от платы студенты из малообеспеченных семей и семей военнослужащих, а также отличники учебы. Студенты, хорошо успеваю-

щие по всем предметам, зачислялись на государственную стипендию. Так, например, уже в конце ноября 1941 г. за отличную учебу были освобождены от платы и определены на государственную стипендию студенты Фоменко Ю.И., Нигматулина Ф.С., Бабад В.Д., Мостовой Л.В.

Трудовая и учебная дисциплина контролировалась старостами. Первыми старостами первого курса были избраны: у электриков – Барабанов А.Н., у киповцев – Ступникова Н.Н., у химиков – Шаронова Е.Н., у плановиков – Соколова К.И. и т.д.

Для улучшения военно-физкультурной подготовки студентов в июне 1942 г. заключен договор со спортивным обществом «Спартак» на подготовку ворошиловских стрелков, минометчиков, автоматчиков, истребителей танков, инструкторов по рукопашному бою. Организованы спортивные секции: футбольная, волейбольная, гимнастическая, легкоатлетическая, стрелковая.

Весь коллектив техникума участвовал во всех общегородских мероприятиях. Особое значение придавалось шефской помощи селу. Для этой цели организовывали срочные курсы по сельскохозяйственным дисциплинам и тракторному делу уже в феврале 1942 г. За три месяца занятий тракторное дело освоили 301 человек, а агротехнику – 130. Те студенты, кто окончил эти курсы, принимал участие в посевной и уборочной кампаниях.

Работа постепенно налаживалась. Лекции, лабораторные занятия, занятия в мастерских, участие в различных мероприятиях, экзамены, производственная практика.

Трудились студенты, трудились преподаватели. И в каких условиях. Теснота в учебных и жилых помещениях, нехватка учебников, наглядных пособий, инструментов, белья, мыла, посуды, неполноценное питание. Суровы условия военного времени. А тут еще и небывалое наводнение 1942 г., принесшее огромные разрушения городу и новые испытания населению, да и техникуму – дополнительные сложности. Даже пришлось на время прекратить занятия.

Через все, можно сказать, прошел коллектив индустриального техникума в первый учебный год в городе Орске, в год своего становления. И вот оценка этой работы. Читаем приказ начальника Главного управления учебных заведений НКЧМ № 32-7у от 11 июля 1942 г.»... В весеннем семестре 1941-1942 учебного года значительная часть техникумов добилась улучшения учебной и хозяйственной работы, в том числе Орский индустриальный техникум ... За хорошие показатели... объявляю благодарность: Молчанову И.В. – директору, Шпицер С.Л. – пом. директора, Шухману М.И. – преподавателю истории СССР, Синдееву В.А. – преподавателю теоретической механики» [4]

Время военное, время суровое, требующее особого отношения и к учебе, и к работе. И потому требования и спрос были по законам этого сурового времени. По приказам выносились выговоры за малейшие опоздания, за пропуски занятий, за нарушения учебной и трудовой дисциплины, за пропуски занятий, за небрежное отношение к учебе. Случалось, и исключение из техникума за подобное нарушение. Случалось, но крайне редко. Чаще встречаются такого типа приказы: «...по результатам зимней сессии зачислить с 01 марта 1942 г. на государственную стипендию следующих студентов...», или такого: «Студента третьего курса электриков Кирилина отчислить из числа студентов в связи с уходом в Красную Армию».

И уходили ребята и девочки защищать Родину, оставляя только-только обжитые аудитории, учебники, друзей, родных. Уходил на фронт и преподаватели. Так ушли преподаватель физики Букин С.П., военного дела Тараборкин В.И. и Белкин П.Ф. и многие другие. Уходили, но не возвращались.

Под особый контроль взяли на себя власти заботу об учебных заведениях. Всячески поддерживали и укрепляли материально-техническую базу. В приказе Народного Комиссара черной металлургии СССР И. Тевосян № 151 «О мероприятиях по укреплению техникумов Народного комиссариата черной металлургии СССР»: «Директорам техникумов НКЧМ немедленно принять меры к получению недостающих помещений для учебных занятий и общежитий учащихся, включая новый прием 1942 г. ... Запретил наркоматам, совнаркоматам союзных значений и автономных республик и местным советам депутатов трудящихся прекращать занятия в техникумах и проводить мобилизацию учащихся и преподавателей на различного рода работы, а также отбирать учебные здания, общежития, инвентарь и оборудование техникумов без разрешения. Совнаркома СССР, кроме случаев, разрешенных указами Президиума Верховного Совета СССР. Разрешил директорам техникумов зачислять на стипендию нуждающихся учащихся – участников отечественной войны, вернувшихся в техникумы из Красной Армии и Военно-морского флота после ранений, контузий, увечья, болезней при наличии у них не только отличных и хороших, но и посредственных отметок. Организовать при техникумах подсобные хозяйства для улучшения питания учащихся ...включить подсобные хозяйства в план финансирования сельского хозяйства ...Директору Орско-Халиловского комбината т. Сапрыкину обеспечить постройку оборудования к 20 августа здания облегченного типа (3000-3500 куб. метров) ...Заместителю наркома т. Бычкову к началу учебного года укомплектовать преподавательские штаты техникумов НКЧМ за счет привлечения специалистов из промышленности [5].

Все это было в 1941-1942 гг., а первый выпуск специалистов состоялся летом 1943 г. Закончилась война, техникум продолжал жить и развиваться, обеспечивая предприятия металлургии всей страны в т.ч. и города молодыми специалистами.

Список литературы:

1. Филиал государственного бюджетного учреждения «Государственный архив оренбургской области» в г. Орске (филиал ГБУ «ГАОО»). Р – 119, оп.1, д. 1, л. 115.
2. Филиал ГБУ «ГАОО». Р-119, оп.1, д. 2, л. 176
3. Филиал ГБУ «ГАОО». Р-119, оп.1, д. 6, лл.258-273
4. Филиал ГБУ «ГАОО». Р-119, оп.1, д.6, лл.33,34.
5. Филиал ГБУ «ГАОО». Р-1, оп.1, д.166, лл. 81,82

ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ ДЕТЯМ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Коробецкий Игорь Анатольевич, доцент, кандидат исторических наук, кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского государственного университета, Оренбургская область, г. Орск

ASSISTANCE TO CHILDREN IN THE SOUTHERN URALS IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

***Аннотация:** Статья посвящена изучению основных направлений деятельности органов государственной власти по оказанию помощи детям на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны.*

***Annotation:** The article is devoted to the study of the main directions of the activity of state authorities in rendering assistance to children in the Southern Urals during the Great Patriotic War.*

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, здравоохранение, детские дома, социальная помощь.*

***Keywords:** The Great Patriotic War, health care, children's homes, social help.*

Несмотря на чрезвычайные условия военного времени, одним из приоритетных направлений социальной политики государства являлось оказание помощи малообеспеченным остро нуждающимся слоям населения и, в первую очередь, детям. Эта работа велась по многим направлениям: улучшение материально-бытового положения, повышение качества продовольственного снабжения, борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью, выполнение программ всеобуча.

В годы Великой Отечественной войны советское государство особое внимание уделяло охране здоровья детей. В соответствии с постановлением СНК СССР от 27 октября 1942 г. была вновь установлена участковая система их медицинского обслуживания, в городских и сельских врачебных участках восстанавливались должности патронажных сестер. Расширялась сеть детских лечебно-профилактических учреждений. Например, за годы войны в Челябинской области было дополнительно открыто 15 детских и смешанных консультаций, 7 филиалов детских консультаций, 17 филиалов молочных кухонь; увеличено число больничных детских коек на 265 мест; развернуто 23 детских санатория на селе на 670 мест [1].

Для детей с ослабленным здоровьем открывались санаторные группы с усиленным и диетическим питанием. Так, по распоряжению Челябинского облисполкома санаторные пайки получали 114 детей Ленинградского дома ребенка [2,64]. В рацион питания детей в обязательном порядке входил витамин «С» в виде настоя шиповника.

Большое значение для поддержания здоровья детей имели летние оздоровительные мероприятия. Местные органы государственной власти принимали необходимые меры по организации пионерских лагерей и детских оздоровительных площадок. С этой целью ими создавались лагерные комиссии. Они определяли ме-

ста устройства детских лагерей и площадок, оказывали помощь в подготовке их материальной базы к летне-оздоровительному сезону. В пионерские лагеря и на детские площадки направлялись в первую очередь дети военнослужащих, инвалидов войны и многосемейных. В лагеря санаторного типа – дети по заключению лечебных учреждений органов здравоохранения. Стоимость путевки составляла около 200 рублей. При этом только 30 % ее оплачивалось родителями. 10 % путевок выделялось бесплатно детям фронтовиков и инвалидов отечественной войны. В 1944 г. на проведение оздоровительных мероприятий Челябинский облисполком выделил 1 млн. 587 тыс. рублей. В этот год пионерские лагеря, летние дачи посетило около 30 тыс. детей, в т.ч. свыше 4 тыс. – лагеря санаторного типа. На детских оздоровительных площадках отдохнуло около 6 тыс. человек [3,213-214].

Отдельно следует сказать о той помощи, которая оказывалась детским домам. Состояние здоровья их воспитанников было связано не только с организованной системой медицинского обслуживания, увеличением штата медработников, проведением лечебно-профилактических мероприятий. В профилактике легочных, желудочно-кишечных, кожно-гнойниковых и других заболеваний немалую роль играло создание необходимых для жизни материально-бытовых условий. Эта деятельность местных Советов стала одним из основных направлений по охране здоровья детей.

Большая часть находящихся на Южном Урале детских учреждений прибыла в регион по эвакуации. Как правило, – без оборудования, мебели, хозяйственного инвентаря, постельных принадлежностей. Дети не были полностью обеспечены одеждой и обувью. Их перемещение на столь значительное расстояние, в неблагоприятных погодных условиях, жесточайших условиях войны отрицательно сказывалось на здоровье; приводило к физическому истощению, нередко – к смерти. На 1 января 1942 г. на Южный Урал было эвакуировано 373 детских дома и домов ребенка, санаториев и интернатов, дошкольных учреждений. Всего 38.140 детей [4,29; 5,69].

Местные органы государственной власти отводили эвакуированным детским учреждениям здания школ и политпросветсоветов, санаториев и профилакториев, сельсоветов и правлений колхозов. Со временем, детские дома и интернаты разукрупнялись. Им выделялись более приспособленные помещения. Тем самым, борьба со скученностью детей препятствовала быстрому распространению среди них инфекционных заболеваний.

Решая вопросы материально-бытового обеспечения детских учреждений, местные Советы организовали ремонт их помещений; снабжали топливом и инвентарем, одеждой и обувью; осуществляли строительство простейших бань и прачечных. Проведение этих мероприятий проходило в основном за счет привлечения местных сырьевых, материальных и трудовых ресурсов. К оказанию помощи широко привлекались общественность и хозяйственные организации. Промышленным предприятиям, МТС, колхозам и совхозам поручалось в порядке шефства изготовлять оборудование, инвентарь, мебель для детских учреждений, помогать им в организации подсобных хозяйств, создании продовольственных фондов. На обустройство детских домов более 700 тыс. рублей внесли жители г. Чкалова.

Особенно сложно было с обеспечением детских учреждений промтоварами и продуктами питания. Снабжение за счет централизованных фондов осуществлялось неудовлетворительно. Вплоть до сентября 1943 г. не были введены единые государственные нормы питания воспитанников детдомов и интернатов. Облторготдел и облпотребсоюз спускали наряды, исходя из наличия остатков продовольственных фондов закрытых учреждений и предприятий оборонного значения. В результате, продовольственные наряды отпускались с большим запозданием, в недостаточных объемах. Более того, даже выделенные фонды практически не отоваривались [см. Таблица 1].

Таблица 1. Нормы снабжения продуктами питания детей детдомов и интернатов, установленные Чкаловским облисполкомом на IV квартал 1942 г. и их фактическая реализация

№	Наименование продуктов	Количество на одного ребенка в месяц	Фактическая реализация выделенных продовольственных нарядов отдельными детдомами		
			Миргородский	Домбаровский	Дятьковский
1.	Жиры	580 гр.	240 гр.	120 гр.	125 гр.
2	Крупа	500 гр	-	700 гр	120 гр
3	Сахар и кондитерские изделия	1400 гр	-	-	180 гр

В этих условиях обеспечение детей продуктами питания во многом зависело от инициативы местных Советов в организации подсобных хозяйств детских учреждений и децентрализованных заготовок. Уже в начале 1943 г. все детские дома Чкаловской области имели свои хозяйства. Это позволило им получить осенью 1300 ц. зерновых, 4248 ц. картофеля, 3636 ц. овощей; некоторым – полностью удовлетворить годовую потребность в продовольствии. Продукты питания, получаемые с подсобных хозяйств, использовались для улучшения питания детей без зачета в норму.

Большую помощь в обеспечении детей продуктами питания оказывали различные общественные организации. Так, представители творческой интеллигенции Чкаловской области в 1943 г. на эти цели сдали 88 тыс. руб. Для этого они неоднократно организовывали и проводили благотворительные концерты, ставили спектакли.

Внимание к проблемам материнства и детства на всех уровнях власти усилилось в конце войны. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. многодетные матери стали получать пособие с рождением третьего ребенка, а не седьмого как это было до войны. Одновременно повышался размер выплат, увеличивался декретный отпуск с 63 до 77 дней [7].

Деятельность государственных органов власти, общественных организаций Южного Урала по улучшению продовольственного и материально-бытового обеспечения, охране здоровья детей позволила снизить процент их заболеваемости и

уровень смертности в годы войны. В Чкаловской области в 1943 г. он уменьшился по сравнению с 1940 г. на треть, в Челябинской области в 1944 г. – снизился вдвое [8,47].

Чрезвычайные обстоятельства военного времени не позволили полностью решить социальные проблемы детей. Многие из принимаемых решений не всегда подкреплялись необходимыми материально-финансовыми и организационными средствами и выполнялись не в полном объеме. Вместе с тем, политика советского государства в области социального обеспечения детей, безусловно, способствовала удовлетворению основной части их социально-бытовых нужд.

Список литературы:

1. Челябинский рабочий. – 1945. – 12 июля.
2. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.Р. – 274. Оп. 3. Д. 1619.
3. Подсчитано по: ОГАЧО. Ф.Р. – 274. Оп. 3. Д. 1655.
4. Подсчитано по: Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.Р. – 1893. Оп. 3. Д. 16.
5. Подсчитано по: ОГАЧО. Ф.П. – 288. Оп. 3. Д. 462.
6. ГАОО. Ф.Р. – 2144. Оп. 3. Д. 11.
7. Правда. – 1944. – 9 июля.
8. ГАОО. Ф.Р. – 2144. Оп. 1. Д. 11.

ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ ВНЕШКОЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ И РАЗВИТИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ В ОРЕНБУРЖЬЕ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Мусафиров Михаил Константинович, методист первой квалификационной категории МАУДО «Центр детского технического творчества» г. Орска, Оренбургская область, г. Орск

THE PROCESS OF TRANSFORMATION OF THE EXTERNAL EDUCATION AND THE DEVELOPMENT OF ADDITIONAL EDUCATION OF CHILDREN IN ORENBURGH IN THE 90TH OF THE 20TH CENTURY

***Аннотация:** Статья посвящена проблематике трансформации советского внешкольного воспитания и процессу развития дополнительного образования детей в Оренбургской области в девяностые годы XX века.*

***Annotation:** The article is devoted to the problems of transformation of Soviet out-of-school education and the development of additional education for children in the Orenburg region in the nineties of the twentieth century*

***Ключевые слова:** история, Россия, дополнительное образование детей, Оренбургская область.*

***Keywords:** history, Russia, children supplementary education, Orenburg region.*

Социально-экономические преобразования в СССР, второй половины 80-х – начала 90-х гг. XX в., сопровождалась упадком коммунистических ценностей, и их заменой новыми идеалами [4]. Переход экономики с учетом новых рыночных веяний, предъявлял к системе образования, со стороны власти, бизнес-структур и

общества, новые требования. В этот период происходил переход от советской системы внешкольного образования в к современной российской дополнительного образования.

В Оренбуржье, в основу развития системы дополнительного образования, были положены новые идеи, одобренные коллегией федерального отраслевого министерства. В частности, «О стратегии развития государственных и муниципальных учреждений дополнительного образования детей» от 25 апреля 1994 г., а также «О развитии дополнительного образования детей в условиях общеобразовательного учреждения» от 23 ноября 1994 г. N 22/1.

В течении 90-х гг. прошлого столетия, несмотря на объективные сложности времени, в Оренбургской области были начали функционировать 27 новых внешкольных образовательных организаций, шесть из них, открылось в Оренбурге. В их числе в 1990 г., многопрофильные центры: Оренбургский городской центр подростков, в 1991 г. Оренбургский областной Центр детского и юношеского творчества имени В.П. Поляничко, первым директором которого стала, доктор педагогических наук, профессор А.И. Щетинская; в 1992 г. Оренбургский Дом пионеров и юношеского творчества Промышленного района города Оренбурга. Значительное число образовательных учреждений — ДЮСШ, большая часть которых открылась в районных центрах Оренбургской области [6, с. 375 – 402].

Система дополнительного образования детей в Оренбургской области, не только сохранила преемственность с советским внешкольным воспитанием, но и довольно эффективно адаптировалась под новые требования социально-экономической и политической жизни общества. Успешная работа, была обеспечена благодаря существующему межведомственному подходу и внимательное отношение к интересам и потребностям обучающихся и их законных представителей.

25 ноября 1997 года состоялось заседание Коллегии Министерства образования РФ «Об опыте развития системы дополнительного образования детей в Оренбургской области», на которой были представлены доклады И.И. Калиной и А.К. Бруднова [7]. Коллегия пришла к выводу, что развитие о высоком уровне дополнительного образования. Внимание членов данной коллегии привлек факт высокой востребованности данной системы. Так, во внеурочное время, занималось свыше семидесяти процентов обучающихся, что на фоне других регионов России выглядело заметным достижением. Коллегия отметила — что дополнительное образование являлось приоритетным, и стало неотъемлемой частью учебно-воспитательного процесса, всех типов образовательных организаций. Это санкционировало возможность создания в регионе разноуровневой и целостной образовательной системы; решило приоритетную задачу преемственности в содержании различных видов образования, при этом на первый план выходили индивидуальные особенности обучающихся [7].

Работа образовательных организаций определялось долговременными тематическими программами, среди которых можно выделить: «Дети Оренбуржья», «Развитие дополнительного образования детей Оренбургской области на период 1996 – 2000 гг.», «Каникулы», «Развитие физической культуры и спорта в Оренбургской области». Были определены головные учреждения внутри каждого направления деятельности, организованы и многочисленные филиалы на базе общеобразовательных школ, были образованы и начали функционировать юридические, психологические и информационные службы.

О многом говорит и статистика. На 1 января 1997 г. в Оренбургской области действовало 136 образовательных организаций дополнительного образования детей. По сравнению с 1992 годом, их количество увеличилось до 145, что в условиях непростого периода реформ в стране говорит о большом внимании региональных властей к данному сегменту образования. Важным является и тот факт, что средняя наполняемость одной образовательной организации составляла 1927 обучающихся, этот показатель заметно превосходил соседей по Уральскому региону, где потолок в 500 – 800 обучающихся являлся максимальным, при этом, несмотря на объективные сложности непростого исторического периода, дополнительное образование детей в Оренбуржье оставалось бесплатным [7]. Это не создавало барьеров для его получения и удовлетворения общественных потребностей.

В 1991 году в городе Гае была открыта «Станция юных туристов», направление деятельности которой — организация туристско-краеведческой деятельности школьников во внеурочное время. Решением исполнительного комитета Гайского городского Совета народных депутатов от 23.05.1990 г. № 110 «О закреплении базовых предприятий над станцией юных туристов и детской спортивной школы», Гайский щебеночный завод был закреплен базовым предприятием за станцией юных туристов. В Гае также успешную работу с обучающимися осуществляла и Станция юных натуралистов, кружковая деятельность, которой к 2000 году проводилась на базе всех школ города. Данная образовательная организация стала центром юннатского движения в городе. На Станции в этот момент функционировали такие детские объединения как — «Мир вокруг нас», «Юный зоолог», «Юный растениевод». В зоологическом кабинете станции обитали различные виды грызунов и птиц [1].

В Оренбургской области внедрялись новые формы работы педагогических коллективов. Статус «Инновационный центр» приобрел областной Центр детского и юношеского творчества, который в тот период являлся самым крупным в системе дополнительного образования детей в Оренбургской области [6,375 – 388].

В Оренбуржье с 1994 года начала работу школа фермеров, что стало новаторским движением в Российской Федерации. В школе фермеров на первый план выходила допрофессиональная подготовка обучающихся старшеклассников по определенным востребованным специальностям: животновод, растениевод, механизатор, водитель и другие. В 1997 году впервые выпускники средних школ сельских районов Оренбуржья получили вместе с аттестатами о среднем образовании и дипломы по десяти специальностям. Это дало им возможность работать в хозяйствах и иметь преимущество при поступлении в учебные заведения сельскохозяйственного профиля.

Большим интересом у обучающихся пользовались профильные образовательные комплексы — музыкальная студия, школа юных журналистов, лингвистическая школа, студия общегуманитарного развития подростков и юношей, театр-студия «Щелкунчик», что способствовало развитию и пропаганде культуры в Оренбургской области [8].

Больших достижений добилась и ДЮСШ-4 г. Орска, которая подготовила целую плеяду профессиональных хоккеистов, игравших в высшей лиге, в том числе и в составе молодежной и национальной сборных страны [5,78–84]. В ней,

как и в ряде других ДЮСШ области, была сохранена и получила новое развитие система преемственности поколений, когда обучающиеся приходят на смену своим педагогам по окончании своей профессиональной спортивной карьеры.

В сентябре 1998 года в Оренбуржье впервые успешно прошел первый региональный этап Всероссийского конкурса педагогов дополнительного образования «Сердце отдаю детям», заложивший многолетнюю традицию, сохраняющуюся и сегодня.

Несмотря на достигнутые результаты в данный исторический период, руководители образовательных организаций дополнительного образования детей столкнулись с проблемой кризиса кадров. Особо остро кадровый голод ощущался в сельской местности. Многие педагоги были вынуждены покинуть профессию в поисках высокооплачиваемой работы.

Актуальной в данный исторический период стала проблема взаимодействия высших учебных заведений и организаций дополнительного образования, что было связано с новой парадигмой и потребностью рынка труда. Н.А. Каргапольцева отмечает важность и необходимость взаимодействия основного, высшего и дополнительного образования детей, поскольку без взаимодействия невозможно создание единой личностно развивающей среды предельно комфортной для всех образовательных субъектов и гармонично сочетающей принципы вариативности, индивидуализации и свободы ответственного выбора [2]. Об актуальности этой проблемы для медицинских учебных заведений отмечает Г.П. Котельников, который считает, что качество подготовки специалиста в стенах вуза определяется компонентами на каждом из этапов образования, как довузовском, вузовском, так и послевузовском, при этом каждый этап решает свои задачи. Довузовский уровень в медицинском образовании предполагает реализацию конкретной деятельности по повышению существующего конкурсного отбора абитуриентов из числа наиболее подготовленных и профессионально ориентированных обучающихся, реализующегося в медицинских классах, лицеях и колледжах. Однако всё это не позволяет решить проблему выявления психологической совместимости с будущей профессиональной деятельностью нынешних абитуриентов на этапе поступления в высшие медицинские образовательные организации [3]. Данная проблема до сих пор является актуальной, несмотря на попытки ряда медицинских вузов её решить. В 90-е гг. XX в., данная проблема обозначилась наиболее остро. На наш взгляд, именно система дополнительного образования была способна в те годы, как и сейчас, стать необходимым инструментом для решения данной проблемы, в том числе для создания траектории развития обучающегося, начиная со среднего школьного возраста.

Исходя из изученных материалов, можно сделать вывод, что, несмотря на объективные экономические и политические сложности, дополнительное образование детей в Оренбуржье продолжало традиции советского внешкольного воспитания и преемственности поколений, пройдя процесс трансформации и реализации долгосрочных программ развития системы. Благодаря вниманию региональных властей дополнительному образованию детей в Оренбургской области, отраслевому министерству удалось добиться высоких результатов и выйти в число лидеров в Российской Федерации. Однако некоторые из актуальных проблем в данном сегменте образования остались не решёнными и до нынешнего времени.

Список литературы:

1. ГГА (Гайский городской архив) Ф. 63, Оп. 1, Д. 4.
2. Каргапольцева Н.А. Формирование инновационной образовательной среды взаимодействия общего, дополнительного и профессионального образования в пространстве университетского округа [Электронный ресурс] / Н.А. Каргапольцева. ОГУ. – Режим доступа: <http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/579/1/3746-3750.pdf>.
3. Котельников Г.П. Инновационные подходы к повышению качества образования в системе непрерывного профессионального развития медицинских работников [Электронный ресурс] / Г.П. Котельников, Т.А. Федорина. – Режим доступа: <http://www.movn.ru/innovatsii/innovatsionnye-podkhody-k-povysheniyu-kachestva-obrazovaniya-v-sisteme-nepreryvnogo-professionalnogo-razvitiya-meditsinskikh-rabotnikov.html>.
4. Медведев В.А. В команде Горбачёва: взгляд изнутри / В.А. Медведев. – М.: Былина, 1994. 239 с. – ISBN 5-88528-038.
5. Мусафиров К.Ф. 55 ступенек орского хоккея / К.Ф. Мусафиров. – Орск: Дюна, 2012. – 220 с.
6. Образование Оренбургской области на рубеже XX – XXI веков. Часть II / под редакцией В.В. Попова. – Оренбург: ООИПКРО, 2004. – 515 с. – ISBN 5-7752-0092-6.
7. Решение Коллегии Минобразования РФ от 25.11.1997 №14. – «Об опыте развития системы дополнительного образования детей в Оренбургской области».
8. Сайгин Н.И. История культуры Оренбуржья (XVIII - XXI вв.) / Н. И. Сайгин. – Оренбург: ОГПУ, 2011. - 480 с. – ISBN 978-5-85859-503-8.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДА ОРСКА**

Нижник Елена Васильевна, заведующий экспозиционным отделом Муниципального автономного учреждения культуры «Орский краеведческий музей», Оренбургская область, г. Орск

**POLITICAL REPRESSIONS
IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
ON THE MATERIALS OF THE CITY OF ORSK**

***Аннотация:** Статья посвящена политическим репрессиям в г. Орске Оренбургской области в годы Великой Отечественной войны. Подробно рассматривается их масштаб, динамика и особенности по отношению к различным категориям горожан.*

***Annotation:** The article is devoted to political repressions in Orsk, the Orenburg region during the Great Patriotic War. Their scale, dynamics and features in relation to various categories of citizens are considered in detail.*

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, политические репрессии, Орск.*

***Keywords:** The Great Patriotic War, political repressions, Orsk.*

Сейчас поимённо известен список из 301 орчанина, репрессированных по ст. 58 УК РСФСР за годы Великой Отечественной войны: 39 чел. приговорено к расстрелу, а 262 – к ссылке и различным срокам заключения. Это соотношение существенно отличается от репрессий периода Большого террора, когда из 799 осуждённых орчан 322 чел. было расстреляно. В годы войны, как и в 1930-е гг., вынесением наказания по 58-й статье («Государственные преступления») занимались как судебные, так и внесудебные органы. Первое место по количеству осуждённых занимает внесудебный орган – Особое совещание при НКВД СССР, которое постановлением ГКО № 903сс от 17.11.1941 получило право выносить обвинительные решения вплоть до высшей меры наказания (ВМН). На его долю приходится 172 приговора, что составляет 58,3 % всех осуждённых по 58-й статье в годы войны, в том числе 19 – к высшей мере наказания, 153 – к различным срокам заключения. На втором месте – областной суд: 77 приговоров, в т.ч. 13 к расстрелу, на третьем месте – Военный трибунал Оренбургской железной дороги: 32 приговоров, в т.ч. 5 к ВМН (16,625%). Судьбу 13 орчан решила Военная коллегия Верховного суда СССР: 6 из них были приговорены к расстрелу, 7 – к 10 годам заключения [1].

При этом, динамика репрессий выглядит таким образом: 1941 г. – 22 осуждённых, в т.ч. 6 к ВМН; 1942 г. – 102 осуждённых, в т.ч. 78 – к заключению, 24 – к ВМН; 1943 г. – 44 осуждённых, в т.ч. 39 к заключению, 5 – к ВМН; 1944 г. – 98 осуждённых, в т.ч. 92 к заключению, 6 – к ВМН; 1945 г. – 37 осуждённых (все к заключению).

За что можно было стать «врагом народа»? Например, за неосторожное слово о ходе войны. Так, сменный мастер Орской ТЭЦ И.М. Веденяпин был обвинён в проведении агитации пораженческого и клеветнического характера среди рабочих Теплоэлектроцентрали. Однако еще до рассмотрения дела в Особом совещании при НКВД СССР он умер в тюрьме в 1942 г. [2]. По-прежнему практиковался поиск «врагов народа» в семьях репрессированных. Так, 21 декабря 1942 г. Чкаловским облсудом к 10 годам ИТЛ («исправительно-трудовой лагерь») приговорён В.М. Ворожейкин 1925 г.р., сын М.Л. Ворожейкина, приговорённого в 1937 г. к расстрелу [3; 4, 120]. По анкетным данным попали во «враги народа» и 7 работников Южуралникелькомбината (ЮУНК), приговорённые 23 февраля 1944 г. облсудом к 10 годам заключения. Вся их вина состояла в том, что до 1939 – 1940 гг. они были иностранными гражданами: С.М.Абцуг, Б.Х.Брок, В.Ш.Гройсберг, А.Б. Корольчук – польскими, а М.М. Райхман и Б.Р. Штейнберг – румынскими [5].

Наибольшее количество осуждённых приходится на долю работников ЮУНК: 61 чел. На втором месте (31 чел.) – стройколонна № 747 треста «Южуралтяжстрой», одна из тринадцати, размещённых в Орске в годы войны. Почему именно она пользовалась таким вниманием репрессивных органов? Возможно, причина в том, что эта стройколонна формировалась летом 1941 г. из жителей Черновицкой области (Западная Украина), часть из которых могли считаться политически неблагонадёжными. Значительное количество репрессий было осуществлено в отношении работников железной дороги и строителей ж.д. линии Орск – Кандагач, где было выявлено 28 «врагов народа».

Анализ социального положения жертв политических репрессий военного периода говорит о том, что подавляющая их часть – это люди рабочих профессий. В 1941 – 1945 гг. пострадал только один руководитель предприятия – и.о. начальника ТЭЦ В.С. Иванов, приговорённый к 12 годам заключения [4, 225].

Если в конце 1930-х гг. в газетах регулярно печаталась информация об уже осуждённых «врагах народа» или о тех, кого только подозревают во враждебной деятельности, в войну данная информация была закрытой для публикаций. В городской газете «Орский рабочий» за 1941 – 1945 гг. нет ни одного сообщения на эту тему.

В годы войны, как и прежде, практиковалось оформление групповых политических дел. Самым масштабным было дело так называемой Народно-трудовой демократической российской партии, которая якобы была организована в Орске в середине 1943 г. и действовала до апреля 1944 г. Осуждённые обвинялись в создании партийной организации, целью которой было свержение советской власти путём вооружённого восстания в Орске, Медногорске, Актюбинске и Челябинске. Следствие велось в Оренбурге. По его окончании 13 арестованных отвезли в Москву, где Военная коллегия Верховного суда СССР 30 октября 1944 г. приговорила 6 человек к расстрелу, 7 – к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Чтобы придать делу ещё больший вес, в число вовлечённых в заговор следователи включили дополнительно 41 человек, осуждённых ранее [6].

Помимо репрессий по 58-й статье УК, в годы войны проводились репрессии по национальному признаку. Первыми жертвами стали советские граждане немецкой национальности. В Орске в конце 1941 г. были уволены и высланы в сельские районы области учителя. А не позже июня 1942 г. в городе вновь появились немцы. Это были мобилизованные в трудовую армию и направленные на строительство ж.д. Орск – Кандагач. В течение всей войны немцы-трудоармейцы прибывали в Орск для работы в различных строительных организациях и на заводах (контора № 3 треста «Нефтезаводмонтаж», трест № 1 Главнефтестроя, строительство № 14 Центроспецстроя, заводы № 322 и № 257). 26 человек из них также были осуждены в Орске по 58-й статье.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны продолжалась практика политических репрессий, хоть и не в тех масштабах, как в годы Большого террора. По-прежнему, во «враги народа» зачастую подбирали по анкетным данным. Подавляющее число жертв – люди рабочих профессий. К политическим репрессиям следует отнести не только безвинное осуждение по 58-й статье УК РСФСР, но и репрессирование по национальному признаку.

Список литературы:

1. Подсчёт сделан автором по картотеке, составленной по: Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. - Калуга: Золотая аллея, 1998; Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. – Оренбург: ФГБОУ «ОГИМ», 2015; Список реабилитированных в Оренбуржье // Оренбуржье. 1998 – 2000; Список реабилитированных в Орске // Орский рабочий. 1989 – 1990.
2. Научный архив Орского краеведческого музея (ОКМ). Р. 253. Д. 9. Док. 7.
3. Научный архив ОКМ. Р. 253. Д. 9. Док. 6. Письмо УФСБ по Оренбургской обл. № 387 от 27.04.2010.
4. Книга памяти жертв политических репрессий. – Оренбург, 2015.
5. Архив отдела кадров ПАО «Южуралникелькомбинат». Д. 16. Л. 127; Д.50. Л. 37; Д. 99. Л.129; Д. 237. Л. 292; Д. 404. Л. 20; Д. 574. Л. 20.
6. Научный архив ОКМ. Р. 253 Д. 9. Док. 8.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СУБПОЛЯ «КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ ЧЕЛОВЕКА, ДУШЕВНЫЙ СКЛАД»

Орлова Светлана Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и литературы Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского государственного университета, Оренбургская область, г. Орск

SPECIAL FEATURES OF THE SEMANTICS OF THE SUB-POLOF'S PHRASEOLOGISTS "QUALITATIVE CHARACTERS OF MAN, SHOWER WAREHOUSE"

***Аннотация:** В статье представлена семантическая классификация фразеологических единиц поля «Человек» (на материале фразеологических единиц субполя «качественные признаки человека, душевный склад»).*

***Annotation:** The article presents the semantic classification of phraseological units of the field "Man" (on the material of the phraseological units of the subfield "qualitative characteristics of a person, a mental warehouse").*

***Ключевые слова:** фразеологизм, фразеосемантическое поле, идеографический словарь*

***Key words:** phraseological unit, semantic field, ideographic dictionary*

Лингвистические исследования фразеологизмов традиционно характеризуют их с точки зрения семантической спаянности компонентов, соотносительности с лексемами определенных частей речи, происхождения, парадигматических отношений во фразеологической системе и стилистической окрашенности единиц [1; 65]. В данной статье описывается семантическая структура около 300 фразеологизмов русского языка, составляющих субполе «качественные признаки человека, душевный склад».

Выбор объекта анализа обусловлен тем, что данный класс единиц является одним из наиболее многочисленных, и наиболее активно используемым в речи: ученые отмечают, что в различных индоевропейских языках 80 - 90% фразеологических единиц связано с описанием человека [2; 46]. Так, во фразеологии отражаются основные периоды жизни человека: рождение, воспитание, брак, трудовая деятельность, смерть; особенности личности: внешность, характер, привычки, взаимоотношения. В соответствии с этим лексические и фразеологические единицы, составляющие в русском языке поле «Человек», можно условно разделить на следующие субполя: «человек как живое существо»; «потребности человека как живого существа»; «человек как разумное существо»; «качественные признаки человека»; «деятельность человека»; «человек в обществе».

Данные субполя можно подразделить на более частные субполя, каждое из которых характеризует одну из сторон жизни человека [3; 47]. Рассмотрим частные субполя, образующие субполе «качественные признаки человека, душевный склад».

1. Частное субполе «качественные признаки человека, отражающие его отношение к другим людям».

В пределах данного субполя возможно выделение следующих семантических групп:

- «упрямство, несговорчивость - мягкость характера, податливость», данная оппозиция проявляется в следующих фразеологизмах: *хоть кол на голове теши кому, пушкой не прошибёшь кого, клином (обухом) не вышибешь (не выколотишь) из кого - хоть верёвки вей из кого*. Например:

Любопытнов - тот взял себе привычку: выйдет к доске- и молчит, хоть кол на голове теши (Ф. Вигдорова. Это мой дом). Лаской из нашего брата хоть веревки вей (А. Островский. Женитьба Белугина).

- «напористость, задиристость, умение постоять за себя – неумение постоять за себя», оппозиция представлена в таких фразеологизмах: *пальца в рот не клади кому – хоть верёвки вей из кого, божья коровка*. Приведем пример:

Первая мысль скользнула: «Делец. Пальца в рот ему не клади (Д Фурманов. Мятаж). Нам тебя нельзя не уважать, потому что мы у тебя в руках, ты из нас веревки вьешь (Л. Толстой. Воскресение).

Следует отметить, что многозначный фразеологизм в разных семантических вариантах может входить в разные семантические поля или группы в пределах одного поля. Так, устойчивый оборот *хоть веревки вей из кого* входит в обе названные выше группы, поскольку может обозначать в одном контексте слабость характера, отсутствие воли и готовность подчиниться любому, а в другом контексте - эмоциональную зависимость от определенного человека.

В описываемое субполе входят, кроме того, фразеологизмы со следующей семантикой:

«красноречивость-косноязычность», в том числе – *боек на язык кто-либо, владеет словом кто-либо – слаб на язык кто-либо, язык плохо подвешен у кого-либо;*

- «бесчувственность, чёрствость - отзывчивость, доброта»: *сердце обросло мхом у кого – большое сердце у кого-либо.*

«высокомерие–открытость, простота в обращении»: *на кривой (на козе, на вороньих, на саврасой) не подъедешь к кому –душа нараспашку кто, весь наружу кто-либо, душа общества кто;*

«проявление характера - отсутствие ярко выраженной индивидуальности»: *кровь говорит в ком - ни рыба ни мясо кто-либо, ни то ни се, ни богу свечка ни черту кочерга.*

2. Частное субполе «качественные признаки человека, отражающие его отношение к материальным ценностям» образуют следующие основные оппозиции, основанные на разной степени проявления бережного или, наоборот, небрежного отношения к имуществу:

- «жадность, скупость, мелочность - щедрость, доброта», оппозиция находит проявление во фразеологизмах *зимой снега не выпросишь у кого; дрожит над каждой копейкой кто-либо, копеечная душа кто-либо, загребать лопатой деньги, набивать карманы– широкая натура у кого-либо, широкой души человек;*

- «бережливость- расточительность», *знать цену копейке - швырять деньги на ветер, деньги плывут сквозь пальцы у кого-либо.*

3. Частное субполе «признаки человека, отражающие его волевые качества».

Фразеологические обороты данного субполя вступают в семантическую оппозицию «решительность, отчаянность – слабоволие, нерешительность»: *палец в рот не клади кому, буйная голова (головушка), бедовая голова (головушка) кто-либо, о двух головах кто, вольная птица (пташка) кто – пороху не хватает у кого, бледная немочь кто-либо, заячья душа кто, мокрая курица*. Например: *Бунтовщик ты, злодей проклятый...Аль о двух головах ты родился?* (А. Пушкин. *Песни западных славян*). – *У кого заячья душа, то, понятно, и свою тень увидит- без памяти шуганет в кусты* (М. Бубеннов. *Белая береза*).

4. Частное субполе «качественные признаки человека, отражающие особенности его интеллекта». Данная группа объединяет фразеологизмы, входящие в оппозицию «сообразительность, понятливость – несообразительность, глупость».

Например, *голова (котелок) варит у кого-либо – кто-либо сообразителен, догадлив, понятлив; на мякине не проведёшь кого, голова на плечах у кого-либо – кто-либо умён, сообразителен; ума палата в ком-либо – кто-либо очень умен*. Антонимы к ним: *богом убитый (прост.) - глуповатый, малосообразительный, умственно неполноценный человек; без головы – неумный, туповатый, несообразительный (антоним: с головой); без царя в голове кто-либо – кто-либо очень глуп, недалёк; винтиков (клёпок) не хватает /в голове/ у кого, голова не варит у кого, голова соломой (мякиной) набита у кого, доходит как до жирафа до кого*.

В данное субполе входят фразеологизмы, характеризующие не только интеллектуальные способности человека, но и образованность. В том числе: *бездна премудрости* (шутл.), *ходячая (-ий) энциклопедия (справочник), ходячий (живой) университет* – о человеке с обширными разносторонними знаниями, сведениями.

Приведём пример: *Для работы важны другие критерии - есть ли голова на плечах* (С. Купер. *Последнее слово*).

5. Частное субполе «качественные признаки человека, отражающие его отношение к труду, к делу» включает многочисленные фразеологизмы, характеризующие уровень мастерства (*золотые руки, мастер на все руки - очень искусный в своём деле, мастер своего дела*), опытность (*собаку съел кто-либо, на чём-либо, рука набита у кого в чём, на чём, глаз набит (намётан) в чём, на чём, стреляный воробей (птица)* – кто-либо имеет большой опыт, навык, основательные знания в чём-либо – *мало каши ел кто, молоко на губах не обсохло у кого –кто-либо неопытный*), трудолюбие –леность (*пальцем не шевельнёт (не двинет)* – не сделает ни малейшего усилия, чтобы осуществить что-либо; *ничего не сделает, не предпримет*), расторопность-медлительность (*мешок с соломой, как сонная муха кто, тяжёлая артиллерия – нерасторопный человек*), формальный подход к делу (*чернильная (бумажная) душа* – о человеке, формально относящемся к делу).

Приведём примеры употребления некоторых фразеологических единиц в контексте:

У тебя, товарищ избач, ещё молоко на губах не обсохло. (В. Закруткин. *Сотворение мира*)

Зато уж Ванечка смолоду набил себе руку в писании статей жёлтой прессы. (В. Пикуль. *Нечистая сила*)

5. Частное субполе «качественные признаки человека, отражающие его отношение к нравственным ценностям». Устойчивые выражения, образующие данное частное субполе, вступают в оппозицию «честность, нравственность – безнравственность, бесчестность». С одной стороны, *как стеклышко кто-либо, ры-*

*царь без страха и упрёка, прометеев огонь, добрый малый, хозяин своего слова – о безупречном в моральном отношении человеке; с другой стороны, креста нет на ком-либо, нет стыда в глазах у кого-либо, как земля носит кого-либо, кривая душа у кого-либо – о бесчестном, бессовестном в своих поступках человеке. К этой же группе относятся фраземы, отражающие негативную оценку индивидуума, которому свойственна неискренняя совестливость, - *совесть заела кого-либо*. Например: *Кубанцы-народ бедовый, я их знаю, слову своему они хозяева* (С. Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды). *Да и мужики по три рубля с подводы просят – креста на них нет!* (Л. Толстой. Война и мир).*

Семантическая классификация устойчивых оборотов, основанная на полевом анализе, позволяет представить фразеологию как иерархически организованную систему, что может быть использовано при составлении идеографических словарей русского языка.

Список литературы:

1. Алёхина А. И. Фразеологическая единица и слово: к исследованию фразеологической системы / А. И. Алехина. – Минск, 1979. – 79 с.
2. Арсентьев Д. З. Типы системных отношений внутри тематических групп. Системные связи и отношения фразеологизмов / Д. З. Арсентьев. - Свердловск, 1989. – 98 с.
3. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека, в английском и русском языках и вопросы создания русского-английского фразеологического словаря / Е.Ф.Арсентьева. – М., 1993. 117 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА МОЛОДЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Фомичева Ольга Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, кафедра менеджмента Орского гуманитарно-технологического института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбургская область, г. Орск

Письмиренко Виолетта Алексеевна, юридический факультет Аккредитованного Образовательного Частного Учреждения Высшего Образования «Московский финансово-юридический университет МФЮА» филиал в городе Орске, Оренбургская область, г. Орск

SOME QUESTIONS OF THE FORMATION OF THE INSTITUTE OF YOUTH PARLIAMENTARISM

Аннотация: В статье рассмотрено развитие и функционирование молодежных парламентов, проанализированы формы молодежного парламентаризма. Приведены примеры эффективного функционирования института молодежного представительства при органах местного самоуправления.

Показана роль молодежного парламентаризма, как формы молодежного самоуправления, в развитии общественно-политической активности современной российской молодежи

Annotation: *The article discusses the development and functioning of youth parliaments, analyzes the forms of youth parliamentarism. Examples of effective functioning of the institute of youth representation at local self-government bodies are given. The role of youth parliamentarism as a form of youth self-government is shown, in the development of social and political activity of modern Russian youth.*

Ключевые слова: *молодежный парламент, парламентаризм, органы местного самоуправления, молодежь, молодежная политика.*

Keywords: *youth parliament, parliamentary, local authorities, youth, youth policy.*

Долгое время в нашей стране взаимодействие власти и молодежи как особой социальной группы исторически носило однонаправленный характер: власть выступала руководящим началом деятельности молодежи, а молодежь – ресурсом власти, инструментом для достижения определенных политических целей [9, 131]. Лишь в конце 1990-х – начале 2000-х гг. начал меняться подход к определению такого явления, как молодежь. Если в советский период молодое поколение во многом являлось объектом воспитания, образования, социализации, то теперь оно все настойчивее становится субъектом общественного воспроизводства.

Сегодня, механизм участия молодежи в государственной политике по-прежнему недостаточно отработан. Доля молодых граждан в законодательных органах субъектов РФ и представительных органах местного самоуправления крайне мала. В то же время велика необходимость налаживания сотрудничества органов государственной власти с общественными институтами в интересах решения молодежных проблем. Учитывая повышенное внимание, которое, в соответствии с выступлением Президента на заседании Правительства 13 сентября 2004 года [3], уделяется на данный момент вопросам укрепления доверия к власти необходимо отметить, что молодежные парламенты являются переговорной площадкой между властью и молодежным социумом, призванной в том числе, это доверие развивать. В частности, в мае 2004 года Президентом была поддержана идея создания общественных палат «как площадки для широкого диалога, где могли бы быть представлены и обсуждены гражданские инициативы» [3], пройти экспертизу ключевые государственные решения и законопроекты, имеющие общенациональное значение.

Одной из наиболее важных форм участия молодых людей в демократической жизни общества является молодежный парламентаризм – это объединение молодежи общенационального спектра действия, который создается на всех уровнях государственной власти и местного самоуправления [14; 32-40]. Молодежный парламент – социальная программа органов законодательной, исполнительной власти, одного или нескольких молодежных общественных объединений [10; 10-15]. В системе социального управления молодежный парламент выполняет, прежде всего, ориентирующую роль, определяя видение проблем, а также поиск путей их решения. Молодежный парламентаризм можно определить и как совокупность намерений и способов действий по их осуществлению, формируемых обществом через свои институты по отношению к той или иной сфере жизнедеятельности. Причиной создания молодежных парламентов в России является вовлечение

именно молодежи в политическую жизнь общества [14; 32-40], привлечение ее к активному участию в жизнедеятельности государства, разработке и реализации эффективной молодежной политики путем представления законных интересов молодых граждан и общественно значимых идей в различных молодежных общественных консультативно-совещательных структурах, прежде всего, молодежных парламентах [13; 32-33]. Молодежный парламентаризм в России появился во многом благодаря тому, что возникла необходимость заполнить нишу в воспитании молодежи, которую раньше занимали молодежные структуры. Кроме того, 74 % населения выступают за заимствование советских форм работы с молодежью, 82 % считают, что нужна государственная программа по работе с молодежью [11]. В настоящее время молодежные парламенты активно развивается в нашей стране, используя в российских регионах различные формы: Думы, Советы, Палаты, Ассамблеи, Правительства и др. Молодёжное парламентское движение, успешно развиваясь в субъектах РФ, получая поддержку на уровне государства и на уровне общества, существенно превзошло уровень просто идеи, стало состоявшимся фактом и весомым потенциалом, требующим детального изучения, дальнейшей разработки и внедрения в практическую деятельность [4].

Следует подчеркнуть, что активность органов местного самоуправления муниципальных образований Оренбургской в вопросах взаимодействия с молодежью резко возросла с 2006 г., это связано с внесенными изменениями в Федеральный закон [2]. Структуры органов исполнительной власти по реализации молодежной политики созданы во многих муниципальных образованиях Оренбургской области. (Орск, Новотроицк и т.д.) Для Оренбургской области характерно организационно-правовое разнообразие форм по работе с молодежью в муниципальных образованиях. В структурах органов исполнительной власти созданы отделы по спорту и делам молодежи, сектора по делам молодежи и спорту, на которых возложены: социальная поддержка молодежи, молодой семьи; поддержка общественных инициатив и талантливой молодежи; организация занятости молодежи; профилактика и противодействие распространению преступности и наркомании в молодежной среде; гражданское и патриотическое воспитание молодежи; организация работы по месту жительства; развитие молодежного и детского самоуправления; информационное сопровождение реализации муниципальной молодежной политики; поддержка молодежного предпринимательства. Во многих муниципальных образованиях созданы молодежные парламенты, советы, думы (Молодежная палата – Орск, молодежный парламент- Новотроицк, Молодежная палата-Кувандык, Молодежная палата - Ясный и т.д.). Эти органы, обеспечивают взаимодействие между молодежью области и органами власти, институтами гражданского общества, общественными объединениями и организациями для совместного достижения целей и решения задач.

Так, например, в муниципальном образовании «город Орск», создана Молодежная палата с целью осуществления взаимодействия молодежи и молодежных общественных объединений с Орском городским Советом депутатов и администрацией города Орска по вопросам, затрагивающим права и законные интересы молодежи. Срок полномочий каждого созыва Палаты составляет 2 года. Палата состоит из 25 членов, избираемых по числу одномандатных избирательных округов города Орска, из представителей молодежных общественных объединений, учебных заведений, предприятий и учреждений независимо от их организационно-

правовых форм, осуществляющих свою деятельность на территории муниципального образования «Город Орск». Выборы в члены Палаты организует и проводит Молодежная избирательная комиссия муниципального образования [5]. Первое заседание вновь избранной Палаты созывает Молодежная избирательная комиссия при организационной поддержке Комитета по делам молодежи администрации города Орска. Молодежная палата города Орска, участвует в формировании концепции молодежной политики муниципального образования «Город Орск», разрабатывает рекомендации, в сфере молодежной политики муниципального образования «Город Орск»; участвует в разработке и рассмотрении проектов нормативных правовых актов города Орска, затрагивающих права и законные интересы молодежи, подготавливает к ним заключения, которые носят рекомендательный характер; организует конференции, «круглые столы», консультации, иные мероприятия, направленные на реализацию задач в сфере молодежной политики; осуществляет правовую поддержку деятельности молодежных общественных объединений города Орска; участвует в общественном контроле за соблюдением законодательства в сфере молодежной политики и законодательства, затрагивающего права и интересы молодежи [7]. Молодежный парламент Оренбургской области вносит предложения в Законодательное Собрание по проблемам государственной молодежной политики Оренбургской области; занимается формированием правовой и политической культуры молодежи, приобщение ее к парламентской деятельности; содействует молодежным и детским общественным объединениям в работе по реализации государственной молодежной политики Оренбургской области [6].

В целях формирования молодежного парламентаризма на основании и Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1] в муниципальных образованиях происходит формирование участковых избирательных комиссий со сроком полномочий пять лет. В связи с этим особую роль приобретает подготовка молодых специалистов для избирательной системы. Молодежные избирательные комиссии, создаваемые при избирательных комиссиях различного уровня, являются источником кадрового резерва для избирательной системы. Молодежная избирательная комиссия муниципального образования – постоянно действующий совещательный и консультативный орган при Избирательной комиссии муниципального образования в деятельности по повышению правовой культуры молодых и будущих избирателей, обучению организаторов выборов, организации выборов и референдумов на территории муниципального образования, формирования осознанного интереса молодых и будущих избирателей к вопросам управления государственными, региональными и местными делами посредством выборов, референдумов [8].

Мониторинг сайтов избирательных комиссий субъектов Российской Федерации по работе с молодежными избирательными комиссиями показал, что избирательные комиссии уделяют большое внимание работе с различными молодежными объединениями: клубами молодого избирателя, детскими республиками, молодежными парламентами и правительствами, молодежными избирательными комиссиями и другими организациями. Все сформированные молодежные избирательные комиссии осуществляют свою деятельность на общественных началах и не являются юридическими лицами. Срок полномочий молодежных избиратель-

ных комиссий составляет как правило два года. Правом выдвижения кандидатов в состав молодежной избирательной комиссии обладают региональные отделения политических партий, общественные объединения и их региональные отделения, учебные заведения, территориальные избирательные комиссии и избирательные комиссии субъектов Российской Федерации. Членами молодежных избирательных комиссий могут быть граждане Российской Федерации в возрасте от 14 до 35 лет. Число членов молодежных избирательных комиссий может быть от 7 до 16 человек (в Орске это 10 человек).

Избирательные комиссии субъектов Российской Федерации на своих интернет-сайтах создали разделы (страницы), на которых постоянно размещают информацию, адресованную молодым и будущим избирателям. Так, на сайте Избирательной комиссии Курганской области имеется информация об опыте работы по созданию ассоциации молодежных клубов. Главной целью ассоциации является вовлечение молодых людей в общественную и политическую жизнь своего села, района, города и информирование молодежи о ходе подготовки и проведения выборов. На сайте Избирательной комиссии муниципального образования «город Орск» имеется информация о работе Молодежной избирательной комиссии, об организации ею конференций, «круглых столов» и других мероприятиях, проводимых по вопросам повышения электоральной активности молодежи.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что отсутствие молодежных палат и молодежных избирательных комиссий в организационной структуре органов, реализующих муниципальную молодежную политику, и существующее организационно-правовое разнообразие форм по работе с молодежью в некоторых муниципальных образованиях Оренбургской области негативно влияют на взаимодействие органов местного самоуправления и молодежных организаций. Очевидно, что инициатива по созданию легитимных представительных органов молодежи находит поддержку и у власти, и молодежи. Процесс развития молодежного парламентаризма в России становится необратим. Развитие молодежного парламентаризма способствует консолидации частей молодежи, принадлежащих к определенным социальным группам, что приводит к снятию напряженности и уменьшению конфликтности в обществе [12; 230-232]. Политическая социализация молодежи через деятельность в молодежном парламенте формирует у ее представителей культуру гражданского общества и парламентаризма, что положительно сказывается на развитии страны в целом.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 28.12.2016) "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" // Парламентская газета, 2002. 15 июня.
2. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // "Парламентской газете" от 8 октября 2003 г. N 186.
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.05.2004 "Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ" // "Российская газета", N 109, 27.05.2004.
4. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г. // "Парламентской газете" от 13 ноября 2009 г. N 6.

5. Закон Оренбургской области от 16.11.2012 N 1210/350-V-ОЗ "О деятельности органов молодежного самоуправления в Оренбургской области" (принят постановлением Законодательного Собрания Оренбургской области от 06.11.2012 N1210) // "Бюллетень Законодательного Собрания Оренбургской области", 06.11.2012, 17 заседание, «Оренбуржье», N 194, 29.11.2012.

6. Закон Оренбургской области N 1042/309-V-ОЗ от 24 августа 2012 года «О Молодежном парламенте Оренбургской области при Законодательном Собрании Оренбургской области» // Архив документов Оренбургской области (с) 2016.

7. Решение Арского городского Совета депутатов Оренбургской области от 2 декабря 2013 г. N 41-697 "Об утверждении положения "О Молодежной палате города Орска"//"Орска газета" от 11 декабря 2013 г. N 50.

8. Решение Избирательной комиссии муниципального образования город Орск от 09.12.2010 г. № 01-07/25-1 (с внесенными изменениями от 01.11.2016г. решение № 17/67-6) // Орская газета, 2010. 22 дек.

9. Глубокова Я.А. Становление молодежных общественных объединений Дальнего Востока Российской Федерации в 1990 – 2005 гг. (на примере Приморского и Хабаровского краев): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 22.07.07. – Хабаровск, 2007. –131. с.

10. Кострова Е. Молодежное парламентское движение как одна из форм молодежного самоуправления // Е. Кострова / Журнал о выборах. – 2008.–№4.– С. 10-15.

11. Тумуров Ж.Т. Формирование молодежного парламентаризма: теория и практика // Ж.Т. Тумуров / Вестник ЧитГУ. 2012. Вып. № 6 (85)

12. Токарь Н.О. Молодежный парламентаризм – инструмент политического участия молодежи // Н.О. Токарь / Молодой ученый. - 2012. – №10.– С. 230-232.

13. Тумуров Ж.Т. Развитие молодежного парламентаризма в Забайкалье. // Ж.Т. Тумуров. / Вестник Забайкальского государственного университета / 2013 Сб. ст. избирательной комиссии Читинской области, 2009. – № 10. – С. 32-33.

14. Фомичева О.А. Проблема правового регулирования статуса молодежных парламентов // О.А. Фомичева / Вестник ВГУ. Серия: Право. – Воронеж, 2014. – №2. – С. 32-40.

АВТОРСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕССЫ ЛАТВИИ)

Саукане Ирита, магистр филологии, кафедра латышского языка, Даугавпилсский университет (г. Даугавпилс, Латвийская Республика), приглашенный лектор, Центр баллистики Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация: В статье рассмотрены факты речевого уровня – одна из групп авторских неологизмов, которые встречаются в центральных газетах Латвии начала XXI столетия. Из авторских неологизмов отобраны для рассмотрения те, появление которых обусловлено конкретными событиями общественной жизни. Эта лексика расклассифицирована и разделена на несколько групп.

Основное внимание в работе уделено причинам появления авторских неологизмов и их семантике.

***Annotation:** The article discusses the facts of the speech level - one of the groups of author neologisms that occur in the central newspapers of Latvia at the beginning of the 11th century. From the author's neologisms selected for consideration are those whose appearance is due to specific events in public life. This vocabulary is classified and divided into several groups. The main attention is paid to the reasons for the appearance of authorial neologisms and their semantics.*

***Ключевые слова:** авторские неологизмы (окказионализмы), семантика, публицистический стиль.*

***Keywords:** occasional word, semantics, publicist style*

После падения социалистической системы в Латвии, как и во многих других странах, обретших свою независимость, произошли значительные изменения в политической, экономической, социальной и культурной жизни. Исследователь языка латвийской прессы Д. Лиэпа, обобщив наблюдения литовских, немецких, русских языковедов, пришла к выводу о наличии некоторых общих признаков в развитии языков на рубеже XX – XXI столетия: «Как в Латвии, так и во всех других посттоталитарных государствах наблюдаются идентичные процессы изменений в языке, связанные с новой политической и экономической реальностью» [5, 13].

Следует отметить, что наряду со схожими чертами в политической и экономической системе именно общее в медийном пространстве (новые подходы к преподнесению информации, свобода прессы и взаимная конкуренция, язык как средство, открывающее путь в мир, целенаправленные инновации в языке, поиски новых средств выражения, а также сами массмедиа как законодатели новых явлений в обновленном языке) в значительной степени объединяет огромный географический регион постсоциалистических стран в Центральной и Восточной Европе. Многие из упомянутых выше черт, несомненно, относятся к более широкому кругу стран в Европе и Азии.

Язык прессы отражает специфические черты публицистического стиля.

С одной стороны, неизменными остались функции публицистического стиля. Характерной чертой этого стиля является разнообразие и многообразие функций, на что указывает ряд латышских и русских авторов [5, 10–13; 6, 92–93; 1, 344–347; 3, 14 –15]. С другой стороны, большие перемены произошли в способах передачи информации, в том числе с точки зрения расширения средств выразительности. Лингвисты отмечают, что «современной газете более, чем прежде, свойственно проявление индивидуального стиля, авторское начало.» [1, 347]. Публицистика медиaprостранства – та сфера применения языка, которая наиболее оперативно реагирует на новые лингвистические явления [3, 14].

Журналисты, стараясь идти в ногу со временем, большое внимание уделяют отбору языковых средств, им не хватает обычных средств выразительности. Чтобы удержать интерес аудитории, они ищут яркие метафоры, изобретают новые слова: «В том и состоит стилистическое мастерство пишущего, чтобы, исходя из конкретной коммуникации, выбрать наилучшие в данном контексте языковые средства воздействия на читателя» [1, 344].

Лингвисты уже с давних пор констатируют тот факт, что именно в языке наиболее ярко отражается жизнь народа и раскрывается его история.

В меньшей степени осознанным остается то, что авторские неологизмы (окказионализмы) – слова, не вошедшие в лексическую систему и связанные лишь с выполнением определенной функции в том или ином тексте, жизнь которых ограничивается лишь рамками данного текста, также являются особыми свидетелями своего времени, актуальных событий в общественной жизни.

В настоящей статье внимание уделено только тем авторским неологизмам в текстах прессы, которые можно назвать знаками конкретной эпохи и появление которых предопределено различными процессами, происходившими в обществе, а также действиями конкретных людей (чаще всего политиков, журналистов, работников телевидения). Другими словами, эти авторские неологизмы в той или иной степени содержат указание на время их появления, сами же эти образования открывают нечто характерное для жизни общества определенного периода.

Примеры охватывают период от начала XXI века до 2014 года.

В основе данной работы находятся авторские неологизмы, отобранные из статей латвийских газет «Diena» и «Neatkarīgā Rīta Avīze», а также некоторые окказионализмы, записанные при просмотре телевизионных передач.

Авторские неологизмы можно разделить на несколько групп. Во-первых, самая обширная группа представлена окказионализмами, в основе которых находится антропоним, обычно это фамилия известного общественного деятеля. Во-вторых, достаточно широко представлена группа окказиональных номинаций лица. Выделяется также группа окказионализмов, которые обозначают процесс общественной жизни или указывают на конкретные события.

Необходимо отметить, что в последние годы, как в латышском, так и в русском языке активизировались процессы образования таких авторских неологизмов, в которых в качестве мотивирующего слова выступает имя собственное – имя или фамилия широко известных людей. Эти авторские неологизмы открывают какую-либо характерную особенность личности, одну из граней его деятельности, вызвавшей резонанс в обществе.

В основе авторского неологизма *godmanisks* (годманискс) – годманическое сообщение – находится фамилия политика (Годманис), слово указывает на характерную особенность его речей: погружение в мелкие подробности, упоминание некоторых деталей, которых слушатели часто не знают и не понимают.

Название телевизионной передачи по фамилиям ее создателей – *strautmaņkrēvicraidījums* (страутманкревицрайдиюмс), использованы фамилии журналистов Страутмане и Кревиц.

Особого внимания заслуживает авторский неологизм *sipeniecveidīgs* (сипенецевейдигс) – сипенецеподобный. В интервью одна из хорошо известных спортивных журналисток рассказывала о себе: «Я такая же, как Байба Сипенеце, – могу совершенно спокойно посмеяться над собой». И в статье об этой журналистке один из подзаголовков назывался «Сипенеце подобное отношение». Образование авторского неологизма указывает на то, что личности, на которую указывает первая часть сложного слова, свойственна какая-либо внутренняя или внешняя черта другой личности, что и предопределяет использование окказионализма со значением «такой, который в определенной степени (по поведению, отношению) характерен Сипенеце». Однако необходимо отметить, что узуальные сложные слова с компонентом «подобный» являются нарицательными словами с предметным значением.

Другой пример – *Audergeita* (Аудергейта). В основе этого образования находится фамилия теперь хорошо известного врача (Аудерса), который за проведение операции получил двойную оплату: пациенты, покупая полис страхования, уже заплатили один раз, однако хирург незаконно попросил пациента заплатить еще раз. Расследование длилось больше года, и этот процесс назвали Аудергейтом.

Обратим внимание на одну яркую особенность – использование единицы из другого языка (из английского – *gate*), в системе словообразования латышского языка, она, конечно, не используется и в связи с этим степень экспрессивности авторского неологизма чрезвычайно высока. Также и в русской лингвистике отмечается использование интернациональных элементов словообразования, в том числе и суффиксоида - *gate*, «который сконденсировал в себе значение «политический скандал»: Феномен «Ирангейта»; Алтайгейт; конюшня-гейт .. » [2, 139].

Авторы статьи «Новые тенденции в современном медийном словотворчестве» пишут, что «активные контакты с западом, возрастание в современном российском обществе роли СМИ .. способствовали повышению продуктивности префиксоидов *евро-*, *медиа-*, *теле-* : *евробумаги*, *медиафасад*, *телерадиоохамство ..* » [2, 150–151].

Окказиональная номинация лица *eirovīzijaskeptiķi* (евровидеоскептики) имеет значение «участники конкурса песни на Евровидении, песня которых не соответствует требованиям устава конкурса». Следует отметить, что полное значение этого окказионализма раскрывается лишь в контексте.

Есть авторские неологизмы, которые приоткрывают страницы истории Латвии, указывая на разделение латышей на целые десятилетия. Это номинации лица по местожительству, которое не конкретизируется: *ārlatvieši* (арлатвиешы) – «латыши, которые после Второй мировой войны вынуждены были эмигрировать и в дальнейшем остаться жить вне Латвии», *iekšlatvieši* (иекшлатвиешы) – «латыши, которые в советское время жили в Латвии».

Встречаются такие образования, которые связаны с определенными актуальными событиями политической жизни. Это названия членов различных латвийских политических партий или объединений. Так, членов нового политического объединения, возникшего в результате слияния двух партий, журналист Краутманис назвал *mācītājcēlinieki* (мацитайцелиниеки) – священникопутники. Чтобы понять семантику этого авторского неологизма, надо знать, что членов Первой латвийской партии звали «священниками» (т.к. многие члены этой партии действительно являлись священниками), одна из ведущих тем – сохранение христианских ценностей (чаще – на словах), а члены «Латвийского пути» – путники (от слова *ceļš* «путь»). Таким образом, в этом окказионализме отражено указание на объединение партий.

Обозначение других процессов, которые раскрывают характерные особенности Латвии XXI века, иллюстрирует, например, окказионализм *miljonarizēšanās* (миллионаризешанас) – «рост числа миллионеров».

Даже название растения (цветка) в составе окказионализма может ярко и метко маркировать определенный период общественной жизни. Театральный критик Л. Ульберте, вспоминая традицию советского времени дарить женщинам на 8 марта цветы (чаще всего это были тюльпаны, а также нарциссы, в редких случаях – другие цветы), назвала такой знак внимания женщинам один раз в году «тюльпанонарцисским» (*tulpjnarcišu*) вниманием.

Следующий авторский неологизм маркирует время появления индивидуальных крестьянских хозяйств в Латвии. *Strausisti* (страусисты) – так в одной из газетных статей назвали тех, кто начал выращивать страусов.

Рассмотренная в работе одна из групп окказионализмов в газетах начала XXI века является наглядным свидетельством процесса активного создания слов, а также раскрывает неиспользованный потенциал языковой системы. Также и русские лингвисты отмечают, что «новообразования в СМИ показывают, как деривационный механизм, словообразовательная система реагируют на актуальные социополитические процессы» [2, 134]. Часть авторских неологизмов тесно связана с определенным периодом жизни Латвии, и в этом смысле они, как представляется, необходимы и понятны лишь в контексте определенного периода. Однако столь же очевидно и то, что по крайней мере маленькая часть из них являются яркими и меткими образованиями, которые, говоря словами В. Гумбольдта, характерным для каждого языка способом ... связывают человека с миром, временем и историей [4, 26].

Список литературы:

1. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. Учебник. // М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – Москва, 2016. – С. 463.
2. Рацибурская Л.В. Новые тенденции в современном медийном словотворчестве // Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыlicheva, А.В. Шумилова. / Новые тенденции в русском языке начала XXI века. – Москва, 2016. – С. 134–221.
3. Шарафадина К.И. Язык как функционирующая система: основные понятия. Язык и стиль СМИ. Учебное пособие. // К.И. Шарафадина. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 5–16.
4. E. Daugats – Humbolts un neohumboltiskais virziens valodniecībā Eiropā un ASV. – Rīga, 1985.
5. D. Liepa – Latvijas preses valoda valstiskās neatkarības atjaunošanas un nostiprināšanās procesā: sociolingvistiskais aspekts. Promocijas darba kopsavilkums filoloģijas doktora grāda iegūšanai valodniecības zinātņu nozarē.. – Rīga, 2010. – 85 lpp.
6. J. Rozenbergs – Latviešu valodas stilistika. – Rīga, 1995. – 230 lpp.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ АСПЕКТОВ СЕМИОТИКИ В ЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

Терехина Майя Ивановна, кандидат философских наук, доцент, кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбургская область, г. Орск

THE PROBLEM OF THE INTERRELATION OF THE ASPECTS OF SEMIOTICS IN LOGICAL SEMANTICS

***Аннотация:** В статье рассматривается развитие семиотики в современных логико-семантических исследованиях. Утверждается необходимость полного учета семиотических аспектов при анализе различных категорий выражения языка.*

***Annotation:** The article deals with the development of semiotics in modern logical and semantic research. The need to fully take into account the semiotic aspects in the analysis of different categories of language expression is argued.*

***Ключевые слова:** семиотика, знаковая ситуация, значение*

***Keywords:** semiotics, symbolic situation, the value of*

На рубеже XIX – XX веков произошли существенные сдвиги в структуре научных теорий, в принципах их построения. Сами теории приобретали все более абстрактный характер. В этой связи анализ знаков и значений знаковых выражений приобрел особенно важный философский характер. Возникла необходимость выявить связь знаковых систем, используемых в науке, с реальной действительностью.

Обширные исследования в области науки и ее языка дали толчок к развитию семиотики как теории знаков и знаковых систем. Пионерами в разработке семиотики стали два известных американских логика – Ч. С. Пирс и Ч. У. Моррис.

Главной заслугой Пирса в развитии семиотических исследований было введение понятия «знаковая ситуация». Вместо традиционной дихотомии «знак» – «обозначаемый предмет» Пирс ввел семиотическую трихотомию. В терминологии Пирса последняя называется знаковой ситуацией или знаковым процессом. Выбор терминологии определялся тем, что Пирс обратился к тому механизму, в котором вещь, нечто чувственно данное, становится заместителем, представителем, другой вещи – знаком. По Пирсу, знак есть нечто, представляющее что-либо некоторому лицу в некотором отношении. Знаковая ситуация представляет собой взаимосвязь трех факторов – знака, его объекта и интерпретанты. Последняя не равна интерпретатору, а представляет собой то, что обеспечивает значимость знака для целого ряда интерпретаторов, – идею, вызываемую знаком.

Необходимо отметить, что введенное Пирсом понятие знаковой ситуации наметило пути решения сложной и важной философской проблемы значения. Самому Пирсу ее решить не удалось в силу того, что он сводил значение знака к одному из элементов знаковой ситуации, причем чаще всего – к интерпретанте. Это связано со стремлением Пирса привести анализ знаковой ситуации в соответствие со своей теорией категорий. Три элемента знаковой ситуации (объект, знак и ин-

терпретанта) составляют триаду, исключая появление четвертого элемента – значения. Однако Пирсом был высказан ряд плодотворных идей, подхваченных позднее. Так, исходя из рассмотрения трехаспектной знаковой ситуации (семиозиса) можно заключить, что знаки надлежит рассматривать с точки зрения трех видов отношений, складывающихся в знаковом процессе. Во-первых, отношения знака к предмету, им обозначаемому. Во-вторых, отношения знака к другим знакам, участвующим в процессе семиозиса. В-третьих, отношения к интерпретаторам (лицам, употребляющим этот знак).

Ч. Моррис предлагает определить каждый тип отношений, складывающихся в семиозисе, как уровень, или аспект, значения. Отношение знака к объекту обозначения – экзистенциальный или семантический уровень значения. Отношение знака к интерпретатору – это прагматический уровень значения. Синтаксические отношения знака с другими знаками внутри знаковой системы – формальный или синтаксический уровень значения. Поскольку за значение знака не может быть принят ни один из перечисленных уровней, но все они могут быть включены в его структуру, то естественно предположить, что значение знака – это функция компонентов знаковой ситуации [1].

В концепции Ч. Морриса мы видим, что, если в исходном пункте анализа Моррис следует Пирсу, то уже в формулировке цели исследования намечается расхождение с позицией учителя. По Моррису, задачей семиотики является исследование конкретных знаковых ситуаций без предварительного исследования типов знаков, функционирующих в этих ситуациях. Более того, каждая знаковая ситуация должна пониматься как некоторая последовательность событий, представляющих собой речевой акт или семиозис.

Как мы уже отмечали, измерения семиозиса выделяются путем абстрагирования трехчленных отношений, складывающихся в знаковой ситуации. Это, во-первых, синтаксический аспект, выделяемый при рассмотрении объектов, выступающих в роли знаков. Во-вторых, семантический аспект, выделяемый при рассмотрении отношения знака к десигнату. В-третьих, прагматический аспект, выделяемый путем изучения того, как воздействует знак на интерпретатора. Эти аспекты особенно важны, поскольку в соответствии с ними выделяются три раздела семиотики – синтаксис, семантика и прагматика.

Некоторые понятия логической семантики, например, понятие истинности, выполнимости, доказуемости можно ввести строгим образом (посредством определения) для определенных формализованных языков. Так, А. Тарским был показан метод установления истинности выражений формальной арифметики [2]. Однако многие другие понятия семантики, являющиеся понятиями особого рода – устанавливающими отношения между языковыми знаками и обозначаемыми ими лингвистическими объектами, - строгим образом задать не удастся. В самой формальной системе нельзя описать отношения знаков к обозначаемому. Для такого описания требуется метаязыковые понятия, как для обозначения внелингвистических сущностей, так и для сущностей формальной системы. Перечисленные обстоятельства порождают неясности в употреблении некоторых семантических понятий. Яркий пример – понятие смысла и понятие значения. В книге Огдена и Ричардса «Значение значения» приводится более двадцати определений понятия «значение». Отметим, что различение трактовки семантических понятий, в том

числе и понятия значения, с одной стороны, связано с различными методами семантического анализа, с другой стороны, с неразличением того аспекта семиозиса, который является предметом рассмотрения.

Использование и разработка интересующих нас вопросов невозможны без использования понятий смысл и значение. Однако специфика семиотического подхода заключается в том, чтобы не брать понятие «значение» как данное, а напротив, разъяснить его с точки зрения семиотики. В разработку вышеназванных понятий большой вклад внес Г. Фреге. Главная идея, выдвинутая Фреге, заключается в различении предметного значения и смысла знака [3].

Очевидно, что нельзя говорить ни о значении, ни о смысле знаков вне коммуникации, поскольку структура и интерпретация знаковых систем определяются их ролью в практической деятельности людей. Термин «прагматика» «часто бессознательно отождествляется исследователями с категорией субъективного в классической философии. Это обуславливает отношение к прагматике как к чему-то внешнему и наносному, что может увлечь в сторону от объективной структуры» [4]. Однако, как мы считаем, прагматический подход к анализу языковых выражений позволяет включить в рассмотрение многие виды высказываний с пропозициональными отношениями, а также максимально приблизиться к выявлению смысла и способов его передачи в языке. Полный учет семиотических аспектов заключается в выявлении и адекватном анализе различных категорий выражения языка. Отметим, что в исходной абстракции «знаковая ситуация», введенной для анализа знаков, была намечена возможность разрыва между синтаксисом, семантикой и прагматикой. Все дальнейшее развитие логико-семиотической проблематики демонстрирует стремление преодолеть этот разрыв и подойти к анализу языка как цельного явления и с позиций цельной методологии.

Список литературы:

1. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Ч.У. Моррис / Семиотика: [Сб. ст.] / общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 37-89
2. Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики // А.Тарский / Аналитическая философия: становление и развитие (антология) / общ. ред. и сост. А.Д. Грязнова – М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. – С. 90-129.
3. Фреге Г. Смысл и денотат // Г. Фреге / Семиотика и информатика. – М., 1977. – Вып. 8. – С. 183.
4. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Ю.М. Лотман / Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского университета. – Тарту, 1981. – Вып. 567. – С. 8.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ЕВРОПЫ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Трофимова Галина Петровна, кандидат культурологии, доцент, кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбургская область, г. Орск

Заккманн Марианна, юрист CHG-MERIDIAN AG, Федеративная Республика Германия, г. Равенсбург

LEGAL CULTURE OF EUROPE AND RUSSIA: COMPARATIVE CHARACTERISTICS

***Аннотация:** Статья посвящена проблеме различий правовой культуры России и Европы. Рассматриваемые различия явились результатом исторического пути и влияния социокультурных особенностей.*

***Annotation:** The article is devoted to the problem of differences in the legal culture of Russia and Europe. The differences considered were the result of a historical path and the influence of sociocultural features.*

***Ключевые слова:** закон, правовая культура, правосознание*

***Keywords:** law, legal culture, legal awareness*

Как известно, правовая культура является одной из важнейших детерминант общего и индивидуального бытия людей в социокультурном пространстве, а также ярким показателем, отражающим характер и состояние общества.

Традиционно правовой культурой называют совокупность ценностей и норм, регулирующих взаимодействия людей и общественных институтов. Основными компонентами выступают собственно право как система законов, правопорядок как реальное осуществление законов в рамках общества и правосознание – комплекс общественных, групповых и индивидуальных представлений о сущности права. Представляется, что именно правосознание в большей степени, чем закон определяет характер правовой культуры. Хотя закон и правосознание бесспорно находятся в органической связи, правовая культура проявляется не столько в законе, сколько в сложившихся в обществе формах поведения людей, обусловленных пониманием закона и отношением к нему.

Соотношение закона и правосознания может быть различным: они могут совпадать, а могут вступать в противоречие. Цивилизованное общество основывается на принципах права, а между правовой системой государства и правосознанием наблюдается соответствие.

Признак цивилизованного общества – правовое государство, базовыми принципами которого выступают: господство закона в обществе, его высокий авторитет, подчиненность государства праву, взаимная ответственность государства и граждан, обеспечение прав и свобод человека, разделение властей, наличие системы органов власти, обеспечивающих действенность закона.

Важнейшим признаком правового государства является высокий уровень правовой культуры, такое состояние правового пространства, в котором проявляется отношение к закону как к высшей ценности и со стороны правотворческих и правоприменительных институтов, и со стороны граждан в их социальных взаимодействиях. Цель любого современного общества, направленного к прогрессивному развитию – построение правового государства. Это сложный процесс, обусловленный непосредственно социокультурными особенностями. В целом, концепция правового государства в России опирается на систему ценностей, сформированных в Западной Европе: это и незыблемость личной свободы, и господство закона в общественных отношениях, и признание всеобщего равенства перед законом. Однако, совершенно очевидно, что правовое пространство России существенно отличается от европейского.

Российская правовая система формально примыкает к континентально-европейской правовой системе, логически и рационально организованной, рационализированной. В реальности же характеристикой поля действия законности в России является правовой нигилизм – отсутствие уважения к закону, негативное его восприятие как карающей санкции, глубокие противоречия в самой системе законодательства, несоответствие правовой системы и правосознания. Медленный и болезненный процесс изменений правовой культуры обусловлен тем, что политико-правовые нормы и стереотипы сознания как индивидуального, так и массового – продукт истории.

Правовая культура Европы, в целом оформившаяся в XIX-XX вв., складывалась на протяжении многих столетий и была обусловлена историческими особенностями политического устройства, системой Римского права, строившейся на естественном праве и свободе граждан, религиозными верованиями. В России же, как отмечает русский философ И. Ильин, всегда были предпосылки деформации права и суровость закона смягчалась необязательностью его исполнения, пренебрежением к закону [1].

Видный представитель русской общественной мысли, историк и правовед К. Кавелин в статье «Взгляд на юридический быт древней России! Подчеркивает, что «образ жизни, привычки и понятия людей сохранили очень много от Древней Руси» [2, 15]. Издавна, как указывает автор, отношения строились на кровных, родственных связях, и, поскольку чужеземцы со славянами не селились, постороннего влияния практически не было, разве только свободно принимаемые новшества. Философ также отмечает, что народы романо-германского мира в своих вековых традициях пережили частые военные столкновения, дальние переходы. Это породило привычку надеяться только на себя, чувство соперничества и, как следствие, рано развившееся чувство личности. Иное дело славяне – спокойные и миролюбивые. Семейственность и общинный быт не могли породить чувства обособленности и соперничества [2, 24]. Личностное начало, скорее, отражается в «симфонической личности», сопричастности каждого к каждому. Эта сопричастность не предполагает формальных отношений, обуславливает юридическую неопределенность.

По мнению Н. Трубецкого, христианство открывшее духовные силы человека, по-разному преобразило романо-германский и славянский миры [3]. Христианские ценности перешли в мир гражданских отношений.

В европейской традиции еще более усилилось чувство личности, а у русского народа христианство проявилось в соборности, которая исходит из понимания «Мы» как первичной категории человеческого общения. «Мы» - не просто сумма отдельных «Я», а некое сверхличностное единство, даже всеединство. С появлением государственности начинают формироваться и зачатки гражданственности. В европейском пространстве распространяется Римское право, демонстрирующее освобождение от ранней морали, на смену которой приходят четкие и конкретные понятия, отражающие формы взаимодействий. Юридические понятия и принципы строго формулируются и систематизируются, выделяются в отрасли права и образуют общепринятые стандарты права.

На Руси же, по-прежнему государственный быт сохраняется на родовом начале и государство практически не уживается с домашними, частными, кровными интересами. На первом плане остается вера в спасение души, а право не представляется самостоятельной ценностью, выступая одним из инструментов для достижения религиозно-нравственных целей. Специфика правосознания была обусловлена и недостаточным развитием рыночных отношений и института собственности. Освобожденные в результате отмены крепостного права крестьяне не получили земельные участки безвозмездно и оставались в полной зависимости от общины.

Кроме того, на протяжении всей истории на Руси существовало недоверие к органам правопорядка. Правосудие в народе чаще называли «кривосудием». Попытки государства установить гражданские начала выражались в частой смене законов (только в Московской Руси принимались судебники Ивана III – 1497 г., Ивана IV – 1550 г., Соборное уложение Алексея Михайловича 1649 г.). Последующие усилия Екатерины II и Александра II привести в порядок законодательную систему также не удались. Советская власть также пыталась коренным образом преобразовать правовую систему, но при этом отвергала «буржуазно-эксплуататорское право», отказалась от традиций Римского права и лишила юридическую практику базовой основы. Новые юридические нормы еще более усилили отчуждение между юридической сферой и человеком. В данном контексте уместно процитировать К. Кавелина, который подчеркивает, что «... внутренняя история России – стройное, органическое, разумное развитие нашей жизни. Становится понятным, почему наш гражданский быт и устройство, сходные с европейскими в частности, не сходны в общем» [2, 96].

В правовом пространстве современной России просматриваются противоречивые тенденции: опора на авторитет личности и персонализация государственной власти и, одновременно, стремление закрепления идей ценности прав и свобод человека; заметные шаги в построении правового государства и абстрактность, недейственность законодательства, юридическая неопределенность. И тут оказываются вновь уместны слова К. Кавелина: «Мы народ европейский, способный к совершенствованию и развитию, который не любит повторяться и бесчисленное число веков стоять на одной точке» [2, 13]. Таким образом, можно предположить, что Россия успешно пройдет сложный и долгий путь к формированию цивилизованного общества и правового государства, граждане которого будут обладать высоким уровнем правовой культуры.

Список литературы:

1. Ильин И.А. О сущности правосознания. / И.А. Ильин. - М: Рарог, 1993. – 234 с.
2. Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // К.Д. Кавелин / Наш умственный строй. Статьи по философии, русской истории и культуры. – М. – 1989. – с. 11-67.
3. Трубецкой Н.С. История, культура, язык. / Н.С. Трубецкой. – М.: Прогресс, 1995 – 797 с.

**НАУЧНАЯ ПОЛЕМИКА В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
ПО ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ
И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ОФИЦИАЛЬНОЙ
ИДЕОЛОГИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I**

Тургумбаев Арман Алибаскарович, кафедра общеобразовательных и профессиональных дисциплин, аспирант, Самарский государственный университет путей сообщения, филиал в г. Орске Оренбургская область, г. Орск

**SCIENTIFIC SURVEY IN THE PERIODICAL PRESS
ON THE QUESTION OF THE GENEZIS OF THE ANCIENT
AND WESTERN EUROPEAN STATEHOOD
IN THE CONTEXT OF THE POPULARIZATION
OF THE THE IDEOLOGIES IN THE CORRECTION OF NICHOLAS I**

***Аннотация:** Статья посвящена изучению научной полемики, развернувшейся на страницах периодической печати в середине 40-х гг. XIX века, между М.П.Погодиным и его оппонентами по вопросу о генезисе древнерусской и западноевропейской государственности в контексте популяризации официальной идеологии в царствование Николая I. Анализ изученных материалов периодической печати позволяет сделать вывод о принципиальной важности вопроса происхождения государственности для представителей официальной идеологии, западничества и славянофильства.*

***Annotation:** The article is devoted to the study of scientific polemics unfolding on the pages of the periodical press in the mid-1940s. XIX century, between M. P. Pogodin and his opponents on the genesis of Old Russian and Western European statehood in the context of the popularization of official ideology in the reign of Nicholas I. Analysis of the studied materials of the periodical press allows us to conclude that the issue of the origin of statehood for the principal Of official ideology, Westernism and Slavophilism.*

***Ключевые слова:** официальная идеология, Россия, периодическая печать*

***Keywords:** official ideology, Russia, periodical press*

Справедливость тезиса о влиянии средств массовой информации на процесс управления общественным сознанием на сегодняшний день не вызывает сомнений. Значение СМИ в общемировой общественно-политической практике со временем только усиливается. В России во второй четверти XIX века перед государ-

ственной властью встала задача популяризации официальной идеологии, которая противостояла западноевропейским революционным идеям. Немаловажную роль в решении этой задачи сыграли отечественные печатные издания. Опыт использования периодической печати как средства распространения важнейших теоретических основ государственной идеологии заслуживает внимания современных исследователей.

Не теряет своей актуальности в настоящее время и содержание научных статей, опубликованных в дореволюционных журналах. Многие из них были посвящены отдельным аспектам общественно-политического характера, сохранившим свою ценность до сегодняшнего дня. Например, статья М. П. Погодина «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала» и та научная полемика, которая стихийно возникла в результате обсуждения основных теоретических положений, представленных историком в этой работе, были посвящены изучению различий между российской и западной историей. Проблема «Россия – Запад», заключающаяся в противопоставлении исторических путей развития двух мировых цивилизаций, на сегодняшний день также представляется актуальной.

Означенная научная полемика, получившая отражение в общей сложности в пяти публикациях [6; 1; 5; 2; 3], мало привлекала внимание ученых, оказавшись упомянутой в полном объеме или частично в нескольких диссертационных исследованиях [7; 9; 11]. Вследствие недостаточной разработанности проблемы интерес к ее изучению оправдан и позволяет ответить на вопросы, связанные с развитием и популяризацией официальной идеологии во второй четверти XIX века. Исследователи определяют вышеупомянутую статью М. П. Погодина «Параллель русской истории...» как основополагающую в деятельности журнала «Москвитянин», так как в ней были отражены ключевые проблемы, разрабатываемые официальной идеологией. Кроме того, в ходе полемики Погодину приходилось защищать заявленные им теоретические положения, поставленные под сомнение его оппонентами, и, следовательно – историк был вынужден доказывать их более основательно, снабжая большим количеством фактической и теоретической аргументации.

Задача по обоснованию противопоставления политических, общественных и культурных идеалов России и Запада – это одна из важнейших задач государственной идеологии в царствование Николая I. Тезис о социально-политическом своеобразии и особом пути исторического развития России неоднократно находил отражение в статьях, выходящих в печать. Журнал «Москвитянин» и его главный редактор М. П. Погодин, не остались в стороне в процессе популяризации этого положения. В первом номере за 1845 год в журнале была размещена статья «Параллель русской истории...». Относительно этой работы М. П. Погодин писал С.П. Шевыреву: «Спешу поделиться с тобой удовольствием – столько нашел я в своей кладовой драгоценных замечаний о Русской Истории, что сердце не нарадуется. Я писал на лоскутках и складывал в одно место, и не замечал, как они копились, а теперь как стал их собирать и низать на нитки, так сам удивился. Глава о различии Русской Истории с Европой получает *характер государственный* (курсив наш – прим. А.Т.), и я разошлю ее к членам Государственного Совета, умеющим грамоте» [4, с. 633]. Очевидно, что государственный характер статьи, о котором писал Погодин, должен был дать теоретическое обоснование официальной идеологии царствования Николая I, точнее – обозначить причины, определившие политиче-

ские, общественные и культурные различия между Россией и Западом. Впоследствии вся аргументация Погодина, при всей ее направленности на отстаивание собственных научных изысканий, также выступала средством для защиты позиции официальной идеологической доктрины. Взгляды историка в целом соответствуют положениям государственной идеологии, а его работы направлены на их обоснование и популяризацию среди читающей журнал аудитории.

М. П. Погодин писал: «Западные европейские государства обязаны происхождением своим *завоеванию* (курсив автора – прим. А. Т.), которое определило и всю последующую их историю, даже до настоящего времени» [6, с. 1]. Переходя к рассмотрению русской истории, автор резко противопоставлял ее западной: «наше государство началось не вследствие завоевания, а вследствие призвания! ... Как на Западе все произошло от завоевания, так у нас все происходит от призвания, беспрекословного занятия, и любовной сделки» [6, с. 4-5]. Для историка было важно показать всю глубину различий между жизнью России и Запада. Для этого он разделил всю их совокупность на три группы. Помимо собственно исторических (самого факта завоевания и призвания), были выделены еще физические причины: пространство, численность населения, особенности заселения территорий, почва, климат, географическое положение и особенности речной системы. К числу причин третьей группы – нравственных, были отнесены народный характер, религия и образование. Если физические причины в большей степени относились к географическому детерминизму (то есть обусловленности влияния природных сил), то нравственные причины подразумевали два компонента уваровской триады: православие и народность.

Центральное место в вопросе о политическом развитии и взаимоотношениях между Россией и государствами Западной Европы занимает полемика на страницах «Москвитянина» между М.П.Погодиным и младшим братом славянофила И. В. Киреевского – П. В. Киреевским, который написал историку письмо, опубликованное в третьем номере журнала. П.В.Киреевский, как представитель славянофильского направления, негативно воспринял малозначительную роль русского народа и его недостаточную духовную силу, обозначенную М. П. Погодиным: «Призвание, говорите Вы, и завоевание были в то грубое дикое время очень близки, сходны между собою... В таком случае различие от Запада было бы очень невелико... Все различие нашей истории от Западной состояло бы только в том, что там завоевание совершилось вдруг, а у нас мало-помалу, что там завоеванные покорены силою, а наш народ будто бы сам добровольно подчинился первому пришедшему, (!) охотно принял чуждых господ и равнодушно согласился, чтобы эти чуждые господа его покорили и держали в повиновении (!!). Это был бы народ, лишенный всякой духовной силы, всякого человеческого достоинства, отверженный Богом; из его среды не могло бы никогда выйти ничего великого» [1, с. 12-14].

Ответ Погодина не заставил себя долго ждать, он был размещен в том же третьем номере журнала в разделе «Наука». Отвечая на это замечание, сам же Погодин бросил упрек, относящийся ко всему славянофильскому движению: «Отнимаемая у нас терпение и смирение, две высочайшие христианские добродетели, коими украшается наша история, вы служите Западу. Лучшая награда принадлежит нам за них. Язычники могут не понимать их добродетелей, и даже называть их поро-

ками, осуждать за них нашу историю, но как же нам православным отказываться от них, и искать других, какими по справедливости гордится Запад, Всех добродетелей иметь нельзя: одни принадлежат Востоку, другие Западу» [5, с. 55].

Еще одним предметом спора стал вопрос о культурном развитии. М. П. Погодин заявлял, что «у нас гражданского образования не было никакого (до призвания варягов – прим. А.Т.), а только семейное, домашнее, до коего пришельцы не коснулись. Новое гражданское образование привито у нас к дереву свежему, дикому» [6, с. 17] Для представителей славянофильского направления это утверждение казалось возмутительным и не соответствовавшим действительности. Оно дополнительно указывало на несостоятельность русского народа, что было недопустимо для славянофилов, которые искали истоки культурного развития в русской действительности.

М. П. Погодин писал: «Я вооружаюсь в статье за Русскую старину, в этом же номере напечатанной, против тех писателей, которые не хотят видеть ничего в нашей древней Истории. Столько же несправедливы, по моему мнению, столько же пристрастны и те, которые видят там все» (курсив автора – прим. А. Т.) [5, с. 55]. Думается, что историк таким способом хотел обозначить свое отношение к лагерям западнического и славянофильского направлений, и в то же время подчеркнуть свою причастность к сторонникам «официальной народности». Более открыто и подробно свою идеологическую позицию Погодин представил в работе «За Русскую старину». Особенно отчетливо, на наш взгляд, она проявилась в заключительной фразе: «Избави нас Боже от застоя Кошихинской эпохи, но и сохраните нас, Высшие силы, от Кошихинского прогресса» [3, с. 32]. Здесь необходимо дать разъяснительный комментарий. Под кошихинской эпохой следует понимать допетровское время, названное так по имени Г. К. Кошихина (в других источниках указывается и как Котошихин – прим. А.Т.). Он был подьячим посольского приказа, в 1664 году бежал за границу, а через два года его приняли на службу в Швеции. Интересно, что в сборнике «Историко-критические отрывки» М. П. Погодин сделал небольшое пояснение к заключительной части статьи. В нем он детально обрисовал суть прогресса Кошихина: «изменил своему отечеству, отрекся от своей веры, переменил свое имя, отказался от своего семейства, бросил своих детей, женился на двух женах и кончил свою несчастную жизнь от руки тех же иноплеменников, достойно наказанный за свое легкомысленное и опрометчивое отступничество!» [4, с. 249]. Таким образом, историк М. П. Погодин в ходе научной полемики с представителями западничества и славянофильства неоднократно упоминал о том, что он не разделял взгляды представителей обоих направлений.

Отметим, что П. В. Киреевский планировал опубликовать продолжение своих критических отзывов на работу Погодина в последующих номерах "Москвитянина", но по неизвестным для нас причинам его не последовало.

Другим оппонентом Погодина в вопросе эволюции российского государства стал автор анонимной статьи, судя по материалам – представитель западничества, размещенной в «Московских ведомостях» под названием «Бретань и ее жители» [2]. Не вдаваясь в подробности научно-публицистических изысканий, изложенных в работе журналиста, лишь отметим, что он категорически отрицал факт существования эпохи Средневековья в российской истории: «Средний век не существовал для нашей Руси, потому что и Русь не существовала для него» [цит. по: 3, с. 27]. Категорическое несогласие с этим тезисом побудило Погодина к написанию

уже упомянутой выше статьи «За русскую старину», опубликованную в разделе «Смесь» журнала «Москвитянин» в том же третьем номере 1845 года. Историк М.П. Погодин парировал следующим образом: «Средний век у нас был, <...>, был, как и в Западной Европе, но только под другою формою; тот же процесс у нас совершался, как и там; те же задачи разрешались, только посредством других приемов; те же цели достигались, только другими путями» [3, с. 28] В своих рассуждениях М.П. Погодин вновь не преминул возможностью указать на преимущество российской истории по сравнению с историей западноевропейской: «В политическом отношении было также разделение междуоусобная война, централизация, единодержавие. У нас не было, правда, рабства, не было пролетариев, не было ненависти, не было гордости, не было инквизиции, не было феодального тиранства, зато было отеческое управление, патриархальная свобода, было семейное равенство, было общее владение, была мирская сходка, одним словом в Среднем веке у нас было то, о чем так Запад уже в Новом, не успел ещё в Новейшем, и едва ли может успеть в Будущем» [3, с. 28-29].

М.П.Погодин – профессиональный ученый, он серьезно отнесся к возникшему спору, своевременно и адекватно реагировал на критические замечания, вел полемический спор открыто и по существу. Мы осознанно не употребляли в работе понятие «дискуссия», признавая между нею и полемикой принципиальную разницу. Помимо различий в характере возникновения и арсенале средств, применяемых оппонентами для доказательства истинности собственной точки зрения, в дискуссии подразумевается выработка некоего общего мнения, чего нельзя ожидать от полемики. Очевидно, что и эти прения не предполагали под собой формирования компромиссной точки зрения. Это была борьба различных идеологических направлений, развернувшаяся на страницах периодической печати.

Стоит отметить, что большинство современников, а также современные исследователи [7, 74-77; 8] указывали на то, что М. П. Погодин входил в число последователей доктрины графа С. С. Уварова «православие – самодержавие – народность». Однако некоторые из них [10] обратили внимание на несоответствие позиций историка и государственной идеологии Российской империи во второй четверти XIX века по некоторым аспектам, главным из которых был вопрос о панславизме, идеи которого поддерживал Погодин. Однако Николай I и правительство по политическим причинам отрицали данное идейное течение [12, 539]. По этой и ряду других причин проблему распространения государственной идеологии царствования Николая I посредством материалов периодической печати, конечно, нельзя считать полностью исчерпанной, она требует дальнейшего углубленного изучения.

Список литературы:

1. Киреевский П. В. О древней Русской истории (письмо к М. П. Погодину) // П. В. Киреевский. / Москвитянин. 1845. Ч.3. №3. С. 11-46
2. Тесля А. А. Славянский вопрос в публицистике М. П. Погодина 1830-1850-х гг. // А.А. Тесля / Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13. – № 1. – С. 117-138.
3. Удалов С.В. Государственная идеология в России второй четверти XIX века: Пропаганда и реализация : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Сергей Валерьевич Удалов ; Саратовский гос. ун-т. им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2005. – 236 с.

4. Уваров С. С. Государственные основы / Уваров С.С. / Сост., предисл. и коммент. В. Б. Трофимовой / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 608 с.
5. Корш Е. Ф. Бретань и ее жители // Е.Ф. Корш / Московские ведомости. 1845. №25-27.
6. Погодин М. П. За русскую старину // М.П. Погодин / Москвитянин. 1845. Ч.3. №3. С. 27-32.
7. Погодин М. П. Избранные труды / М. П. Погодин; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, К. В. Рясенцев]. – М.: РОССПЭН, 2010. – 776 с.
8. Погодин М. П. Ответ П. В. Киреевскому // М. П. Погодин / Москвитянин. 1845. Ч.3. №3. С. 47-58.
9. Погодин М. П. Параллель русской истории с историей европейских государств относительно начала // М.П. Погодин / Москвитянин. 1845. Ч.1. №1. С. 1-18.
10. Лавриненко А. Н. Теория «Официальной народности» в России первой половины XIX века: Историко-политологический аспект : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Александр Николаевич Лавриненко. – М., 2001. – 118 с.
11. Качалов И.Л. Кого же считать теоретиками официальной народности // И.Л. Качалов / Исторический поиск Беларуси: альманах. – Мн.: Экономпресс, 2006. – С. 252-287.
12. Сартаков Е. В. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя и русская журналистика первой половины 1840-х годов: проблема консервативной идеологии : дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Сартаков Егор Владимирович. – М., 2013. – 366 с.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ В XVIII ВЕКЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕТРА ИВАНОВИЧА РЫЧКОВА

Фаткулина Венера Рашитовна, Государственное бюджетное учреждение Государственный архив Оренбургской области, Филиал в городе Орске, Оренбургская область, г. Орск

ETHNIC COMPOSITION OF THE ORENBURGAN TERRITORY IN THE XVIII CENTURY ON THE MATERIALS OF PETER IVANOVICH RYCHKOV

***Аннотация:** Статья посвящена этническому составу Оренбургского края в XVIII веке по данным основного научного труда Петра Рычкова «Топография Оренбургская: то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии».*

***Annotation:** The article is devoted to the ethnic composition of the Orenburg region in the eighteenth century according to Pyotr Rychkov's main scientific work "Topography Orenburg: that is a detailed description of the Orenburg province".*

***Ключевые слова:** Оренбургский край, народы, население.*

***Keywords:** Orenburg region, peoples, population.*

Петр Иванович Рычков (1712-1777) является одной из наиболее видных фигур раннего периода истории Оренбургского края, непосредственным участником всех важных событий, происходивших в Оренбуржье в XVIII веке.

Он стал оренбургским летописцем и первым краеведом – исследователем Оренбуржья. Результатом его исследований стал фундаментальный труд «Топография Оренбургская» [1], посвященная истории, географии и этнографии Оренбургского края в XVIII веке.

Основными источниками для составления и написания «Топографии» служили личные наблюдения Рычкова во время поездок по Оренбургскому краю, опросные сведения, собранные во время бесед с местными жителями разных национальностей, официальная информация представителей различных миссий, посольств, письменные и устные сообщения и отчеты чиновников и других работников Оренбургской администрации, официальные документы, хранившиеся в Оренбургской губернской канцелярии, печатные и рукописные источники, картографические материалы.

Оренбургская земля всегда отличалась сложным этническим составом, проблемы взаимодействия народов, их участия в процессах колонизации Южного Урала остаются актуальными и интересными для исторической науки. В «Топографии Оренбургской» П. И. Рычкова этой теме посвящена четвертая глава «О разности народов внутри Оренбургской губернии находящихся, по древнему и нынешнему их состоянию», которая стала предметом нашего изучения.

Все народы, населяющие Оренбургский регион, были подразделены Рычковым на две группы. К первой группе отнесены народы, живущие в Оренбургском крае с давнего времени: русские, татары, башкиры, киргиз-кайсаки (казахи), каракалпаки, мордва, черемисы (марийцы), вотяки (удмурты), чуваша. Ко второй группе он причислял выходцев из Средней и Передней Азии, поселившихся в крае недавно вследствие пожалованной городу Оренбургу привилегии. Это – бухарцы, хивинцы, арабы, персы.

В первой части «О Русских» Петр Иванович подробно описывал теории происхождения славян. С его собственной точки зрения этногенез славян прошел через три периода:

1. Самые древние времена, в которые хоть Славянам принадлежащие народы находились, и Российским Государям были подвластны, но покрывались все по большей части глубокою тьмой идолослужения.

2. Период от времен славного в Татарских историях Чингисхана, когда все в тамошних местах находившиеся народы в порабощение их были приведены.

3. Благополучное время, когда посланные от Великого князя Юрия Дмитриевича войска город Казань Татарами построенный взяли, и прочие по Волге бывшие разорили, с того времени в тамошних местах хотя и с разными переменами, самодержавие Российских Государей, и христьянское православие возобновляться стали [1, 68 – 69].

Во второй части «О Татарах» автор обращает внимание на то, что Татарские народы, включая Башкирцев и Киргиз, почти наибольшую часть Оренбургской губернии занимают. «Царь Иван Васильевич Татар победил и Казанское и Астраханское царства, также и Башкирский народ к России присоединил: но все же Татарские народы не только в тех местах оставлены были, где при Татарских ханах ужились, но и многими милостями и привилегиями пожалованы» [1, 79].

Следующая часть «О Башкирцах» рассказывает о причинах башкирских бунтов, подробно Рычков рассматривает два: Сеитопской бунт, Алдаропской и Кусюмопской бунт.

Автор считал «башкирцев» от природы непостоянным народом, которые, несмотря на пожалованные им угодья, хотели отойти от российского подданства и восстановить отдельное владение.

Здесь также дается таблица «Разделение Башкирского народа по волостям и родам».

В четвертой части «О Мещеряках» Рычков повествует как о народе находящимся в Оренбургской губернии с Башкирами и Татарами, но по древнему их состоянию автор причисляет их к Татарам.

Бесспорно, основной и наиболее ценной для географа является пятая часть «О Калмыках», она самая обширная по своему и содержанию и объему. Автор делит находящихся в Оренбургской губернии Калмыков на две части: одни крещенные, а другие некрещенные. Все в Оренбургской губернии находящиеся Калмыки происходят от Волжских Калмыков, кочующих множественным числом по обеим сторонам реки Волги в Астраханской губернии.

Шестая часть «О Киргис-Кайсаках, или о Киргисцах». «Киргисцы» разделяются на три орды: Большую, Среднюю, Малую. Первая, то есть Большая орда в тот момент не числилась в Российском подданстве. Меньшая орда разделяется на две части, одни – Алчинцы, а другие Семиродцы. В Средней орде состояли четыре рода: Найманы, Аргинцы, Упа – Гирейцы, Вилчаки [1, 134-137].

В седьмой части под названием «О Каракалпаках» Рычков рассказывает, что в описании смежных народов Оренбургской губернии все Каракалпаки разделяются на две части именуется Верхние и Нижние Каракалпаки. Они не рознятся ни законом, ни языком от других народов, но их отличие в том, что ученых и грамотных людей у них больше. «Киргисцы» покупают у них порох, свинец и оружие, что они сами делают для внешней защиты.

Восьмая и девятая части объединены в одну под названием «О Мордве и Черемисах общественно». В данном случае автор обращается к «Российской истории» Василия Никитича Татищева, в которой оба народа признаются за остатки древних Сарматов, с объяснением того, что Мордва издревле именовалась Меря, а сами себя она называют Моря. Название Черемисы в переводе на их язык значит Восточный. Оба народа «Сарматский, идолопоклонники, возрастные и мужественные» [1, 172]. Рычков обращает особое внимание на то, что по состоянию на XVIII век народы между собой почти никакого сходства не имеют, обычаи и домашнее поведение у них разные. Сходство лишь в том, что оба народа почитают Николая Чудотворца.

В десятой части «О Вотяках» Петр Иванович говорит, что Вотяки в Оренбургскую губернию поселились от утеснения, и имя вместе с собой принесли. Сами себя они называли Ари, что значит крайний или дальний. Рассказывая о Вотяках, Рычков впервые описывает особенности одежды народа: «платье на себе носят мужской пол суконные кафтаны простые сермяжные и холщевые, назади нашивают воротника, подобно тому, как у раскольников» [1, 187].

В следующей части «О Чувашах» рассказывается происхождение народа и их важная черта то, что они не имеют законов, однако Бога исповедуют и называют его Тор. В жертву приносят ему лошадей, коров и овец. Молитвы чувашей состоят их двух слов Тор Серлаг, то есть Боже спаси, или помилуй. Вместо попов у них ворожеи мужчины и женщины, которые ворожат и прорицают через бобы.

Последняя двенадцатая часть «О новопришедших и в Оренбургской губернии поселившихся Азиатских народах» содержит текст привилегии, пожалованной городу Оренбургу 7 июля 1734 году подписанной лично Анной Иоанновной. «Первым пунктом позволено, всем и всякого народа Российским (кроме беглых из службы, и людей и крестьян в подушный оклад положенных) купечеству, мастеровым и разночинцам, также иностранных Европейских государств иноземцам, купцам и художникам, и Башкирскому народу и живущим вместе с ними новоподданным Киргиским и Каракалпацким народам, из Азиатских стран Грекам, Армянам, Индейцам, Переганам, Бухарцам, Хипинцам, Ташкенцам и иных всякого звания и веры в город Оренбург приходить, селиться, жить, торговать, и всяким ремеслом промышлять, и на прежние свои жилища отходить свободно без всякой опасности и удержания» [1, 189 – 190]. Важным пунктом этой привилегии был суд каждого народа по указам, согласуясь с их обычаями и правами, с описанием на русском и их собственном языках, чтобы каждому было понятно, в чем он оправдан или обвинен. Первый пункт привилегии вводил свободное содержание веры народов, их духовных персон, строение по своим законам церквей.

Многонациональный состав населения – характерная и важнейшая черта Оренбургского края. На эту уникальную особенность обратил внимание исследователь Петр Иванович Рычков. В своем исследовании посвященном изучению народов, населявших Оренбургскую губернию, автор отводил много места описанию каждого народа в отдельности, его особенности, сведения о размещении того или иного народа, его численности, занятиях, обычаях. Таким образом, глава «О разности народов внутри Оренбургской губернии находящихся, по древнему и нынешнему их состоянию» является бесценным источником для изучения истории и культуры этнографии Оренбургского региона и России в целом.

Список литературы:

1. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской академии наук корреспондентом Петром Рычковым / Научно-популярное издание под ред. С. В. Богданова. Серия «Труды П. И. Рычкова». – Оренбург, Печатный дом «Димур», 2012. – 432 с.

2. Матвиевский П.М. Петр Иванович Рычков 1712 – 1777 / П.М. Матвиевский, А.В. Ефремов. – Москва: «Наука», 1991. – 272 с. – ил. (Научно-биографическая литература).

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» В КИНЕМАТОГРАФЕ: А. ЛАТТУАДА И В. БОРТКО

Флоря Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и литературы, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбургская область, г. Орск

***Аннотация:** Статья посвящена сопоставительному анализу двух экранизаций повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» – А. Латтуада и В. Бортко. Особое внимание уделяется сценам, внешне похожим, но различающимся концептуально.*

***Annotation:** The article is devoted to a comparative analysis of the two screen versions of the novel "The Heart of a Dog" by A. A. Bulgakova - A. Lattuada and V. Bortko. Particular attention is paid to scenes that look similar, but differ conceptually.*

***Ключевые слова:** М.А. Булгаков, «Собачье сердце», А. Латтуада, В. Бортко, кинематограф, экранизация.*

***Keywords:** M.A. Bulgakov, "The Dog's Heart", A. Lattuada, cinema, screen version.*

Первая экранизация повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» была снята в 1976 г. классиком итальянского кинематографа Альберто Латтуада. Фильм получился блестящий и очень интересный. Двенадцать лет спустя появился культовый фильм В. Бортко. По некоторым сценам можно предположить, что Бортко была известна картина его предшественника. Но можно ли говорить о заимствованиях или о сходстве интерпретаций?

Фильм Латтуада открывается не апокалиптической вьюгой, а умеренным снегопадом. Вообще тональность фильма – более спокойная, даже уютная, в сравнении с экранизацией Бортко (где квартира Преображенского – оазис на фоне всеобщей разрухи). Нам показывают поток вполне нормальной жизни. Уже здесь проявляются и сходство фильмов, и различие. В обоих фильмах камера показывает ноги прохожих, имитируя взгляд собаки с нижней точки, но сделано это по-разному. У Бортко идет панорама по ногам *стоящих* людей – видимо, в очереди в какую-нибудь отвратительную столовую «нормального питания». (Кстати, оператор беспристрастно свидетельствует, что у пролетариев теперь есть калоши. Только счастья это не принесло.) Всё это показано *рапидом*, замедляющим и без того почти неподвижный видеоряд, и в целом представляет собой весьма пессимистическое зрелище, как сказано в другом фильме Бортко. У Латтуада, напротив, изображение динамичное, люди спешат по своим делам.

Кстати, если у Бортко фильм монохромный («сепия»), приближенный к стилю «нуар», то у Латтуада – цветной, с вкраплениями черно-белых кадров. Повидимому, это помогает нарисовать с натуры бытовые картинки.

В частности, такую: на улице мальчишки-газетчики кричат: «Читайте “Правду”!». Этот эпизод дается контрапунктом к знаменитой рекомендации Преображенского: «И, боже вас сохрани, не читайте до обеда советских газет», и, прежде всего, «Правду» [1, 383].

Латтуада сразу же разъясняет главные концепты во всех смыслах этого слова:

а) концепт как эмбрион образа [2], квант знания [5, 34], «“пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово» [6, 43] – собачье сердце: «Сейчас я плачу, но только из-за ожога. Моя душа еще жива. Оно крепкое – собачье сердце» (сценарий А. Латтуада и М. Галло, перевод Е. Котовой <?>) (у Булгакова: «(...) плачу сейчас не только от физической боли и холода, потому что дух мой еще не угас... Живуч собачий дух» [1, 362]);

б) концепт как идею фильма [3, 167] – через внутренний монолог пса Бобика: «Да, совершают революцию, но остаются хамами и эгоистами» – возможно, выражение главной идеи (концепта) фильма.

И далее – еще одна важная мысль: «Революция не сделала нас равными. Я не о себе говорю. Я собака». Собственно, раскрытию этой темы и будет посвящен фильм, в том числе он рассматривает ситуацию: получит ли равенство собака, если станет человеком, т. е. человек, начавший с нуля.

Искусственного человека, созданного из собаки, в итало-немецком фильме зовут Бобиковым. Это переименование ведет к утрате смысла, вложенного в имя Шарик самим Булгаковым (и оговоренного Бортко): пес, которого хозяева любят и балуют («Шарик – это значит круглый, упитанный, глупый, овсянку жрет, сын знатных родителей» [1, 363]), что для фильма Латтуада в общем верно.

Оба режиссера так или иначе обозначают культурный контекст эпохи – кинематограф 1920-х гг., тем более что он упоминается самим Булгаковым. Понятно, что если в повести только упомянуты кино и цирк (кстати, по словам В. И. Ленина, важнейшие из искусств в данную эпоху), то в экранизациях эти упоминания, естественно, превращены в самостоятельные игровые эпизоды. Бортко вставляет в свою картину фрагменты фильма Л. Кулешова «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков» (где в одном из эпизодов появляется режиссер В. Пудовкин).

Латтуада, по-видимому, вводит кино той эпохи аллюзивно. Отсылки к нему даются не в кинотеатре, а за его пределами, в самой жизни. Например, красный флажок на сером фоне – это, возможно, снижающая пародия на «Броненосец “Потемкин”» С. Эйзенштейна. Это воспринимается как метафора измельчания великой идеи в период нэпа, фильм – *об этом*. В нем, в разных эпизодах, вообще много красного на фоне серого: флаги, повязки, платье. Это уже тотальная травестия высокого эйзенштейновского пафоса – ведь нужно учитывать, какое мощное и духоподъемное воздействие оказывал этот великий кадр на зрителей всего мира. Латтуада показывает нам рекуперацию (Ги Дебор) – захват мещанами революционной символики и ее опошление.

В эпизоде иллюстрирования журнала Борменталья можно усмотреть еще одну аллюзию на Эйзенштейна – на «Дневник Глумова».

Зато в самом начале фильма режиссер отсылает нас к другой эстетике — у него появляется фокусник в феллиниевском духе (кстати, Латтуада был соавтором первого фильма Феллини – «Огней варьете»), как бы обозначая собственный стилистический ключ.

Следует сказать, что экранизация Латтуада не отличается «этнографической» точностью. Его фильм не историчнее анекдотической пьесы нобелевского лауреата Х. Бенавенте-и-Мартинеса, герои которой – эмигранты-большевики –

ведут философские споры, «причем конечную истину неизменно изрекает некто Уладими́ро Илиитч. Для колорита конспираторы играют то на гармошке, то на балалайке, а в конце распевают “Интернационал”. Под занавес по знаку Илиитча неведомо чьи дети, маршируя, вносят знамя» [4, 197]. Пьеса называется «Святая Русь»! Комментарии, как говорится, излишни.

Подобная сцена в кабаке имеется и у Латтуада, но такое стилистическое решение подсказывает сам Булгаков – упоминанием Климата Чугункина, профессией которого была «игра на балалайке по трактирам». Эту ремарку сполна использовал Бортко, изображая за этим занятием уже самого Шарикова в окружении его дегенеративных приятелей. У Латтуада Бобиков в трактире поет не «Светит месяц», а «Слышен звон бубенцов издалёка» – по-русски, с акцентом, но здесь это неожиданно работает на пользу фильму, потому что это поет еще только формирующееся существо, овладевающее в том числе и речью.

Один из «жилтоварищей» выглядит как типичный черносотенец. Дарья Петровна – женщина из «простого народа» – расхаживает в этнографическом костюме. К Преображенскому на прием приходит не нэпман, а какой-то генерал (царской армии?). «Говорящую собачку» хочет посмотреть не «странница», а старорезимная старуха интеллигентного вида. У Булгакова Швондер по поводу согласия Шарикова взяться на воинский учет и отказа воевать задает архиглупый вопрос: «Вы анархист-индивидуалист?» (таковой вряд ли «взялся» бы на учет). У Латтуада он употребляет более понятный западному зрителю термин: «Вы пацифист?».

Столь же некорректно и условно показана эпоха. Бобикова устраивает на службу в очистке некий товарищ Мутандер. Бобиков изъявляет желание истреблять «контрреволюционных кошек», на что Мутандер дает совершенно замечательный ответ: «Кошек здесь больше нет, их всех съели». (Видимо, авторы слишком буквально поняли слово «разруха».) Действие повести происходит в 1924-25 гг. В фильме – явно более поздний период. Снимают со стены портрет Троцкого (наверное, афишу или плакат: даже *рвут* ее) и меняют на Сталина. Вообще портреты вождей становятся частью стилистики фильма – например, плакат с Лениным (на улице) тоже есть. Порою это делается неуместно: портрет Энгельса, упомянутого и в книге, и в фильме, висит на стене в кабаке, где устраивает вакханалию компания Швондера, в том числе и Бобиков. Кабак таким образом уподобляется официальному учреждению (и наоборот). В домкоме на стене портрет Ленина. Для сравнения: у Бортко ритуальные сборища «жилтоварищей» в домкоме происходят на фоне портретов Ленина и Троцкого.

Сталина у Бортко нет вообще, что не типично для времени, когда он снимал свой фильм, зато присутствует его «тень» – важный советский начальник Петр Иванович, подчеркнуто похожий на Сталина. (Впрочем, его еще не боятся, готовы дискутировать с Петром Ивановичем и даже доказать ему его заблуждение.) У Латтуада Петр Иванович тоже отдаленно похож на Сталина, но в меньшей степени. *Оба благоволят к Преображенскому.*

А вот деталь, на первый взгляд, мелкая, но многое говорящая русскому зрителю. В фильме Преображенский упоминает калоши – «те самые, которые они украли у меня в 17 году». Зрители вправе предположить, что это сделали *пролетарии после Октябрьской революции*, поскольку 1917 год ассоциируется прежде всего с нею. Но знаменитая реплика Преображенского о калошах у пролетария

в повести выглядит так: «Ничего подобного! На нем есть теперь калоши, и эти калоши... мои! Это как раз те самые калоши, которые исчезли весной 1917 года (выше упоминается март 1917 г. – А. Ф.). Спрашивается, кто их попер? (...) Это сделали вот эти самые певуны! Да-с!» [1, 385]. Итак, это сделали Швондер и его свита – вернее, им подобные. Но поскольку упомянута весна 1917 г., можно предположить, что калоши могли украсть уголовники, массово выпущенные на свободу Временным правительством (так называемые «птенцы Керенского»). Иначе говоря, у Булгакова Преображенский не делает различий между уголовниками и пролетариями и между двумя революциями, которые сливаются для него в единый кошмар, покончивший с любезной ему комфортной жизнью при царском режиме («когда *это всё* началось»). Он не желает, выражаясь словами Пастернака, нести «новости и неудобства», а до остального ему нет дела.

У Латтуада весьма забавно видоизменяются некоторые эпизоды или реплики – в частности, касающиеся Айседоры Дункан: «Может, она *танцует* на кухне, а в ванной режет кроликов». У Булгакова: «Может быть, она в кабинете обедает, а кроликов режет в ванной». Далее в сцене обеда, услышав пение за стеной, Преображенский заявляет: «Вначале они поют и танцуют, как Айседора Дункан, потом лопнут трубы» и т. д. (У Булгакова: «Вначале каждый вечер пение, затем в сортирах замерзнут трубы, потом лопнет котел в паровом отоплении и так далее».) Кстати, они действительно танцуют – вернее, пляшут – во время оргии в трактире. Латтуада педалирует намеченную Булгаковым тему гротескного вращающегося знаменитой балерины в советский быт (у нее даже нет столовой). Булгаков ограничился тем, что «заставил» ее резать кроликов, Латтуада уподобляет кабацкие пляски ее балетному искусству – или, что вернее, танцы Айседоры Дункан кабацким пляскам. Для озлобленного профессора-антисоветчика это не большой абсурд, нежели обучение пролетарских детей балету звездой, принявшей революцию. У Булгакова об Айседоре Дункан говорится так, что не ясно, знает ли Преображенский вообще, кто она такая. У Латтуада подчеркивается: знает, но говорит о ней так, будто она, сотрудничая с большевиками, учит танцевать их самих, а не детей, и ее искусство деградирует.

Наконец, остановимся на главном – образах профессора Преображенского и его жертвы. По существу мы не добавим ничего нового к тому, что было высказано уже многократно (примитивно говоря, у Бортко Преображенский — положительный герой, Шариков – отрицательный, а у Латтуада наоборот). Советские (российские) зрители привыкли к фильму Бортко, где Преображенский олицетворяет «здравый смысл и жизненную опытность», а также подлинную интеллигентность, а Шариков – агрессивное хамство. В фильме Латтуада акценты прямо противоположные: Преображенский был показан злодеем (так сказать, «доктором Калигари»), а Бобиков – хотя и невоспитанным, но в общем добродушным и безобидным существом. Мы рассмотрим, как это сделано в обоих фильмах.

У Бортко отсутствует важный для понимания образа профессора монолог про городского: «– Городовой! – кричал Филипп Филиппович (...) Городовой! *Это и только это*. И совершенно неважно — будет ли он с бляхой или же в красном кепи. Поставить городского рядом с *каждым человеком* и заставить этого городского умерить вокальные порывы наших граждан» [1, 386] (здесь и далее курсив наш – А. Ф.). Преображенский забывает, что он совсем недавно называл ласку «единственным способом, который возможен в обращении с живыми существами.

Террором ничего поделаться нельзя с животным, на какой бы ступени развития оно ни стояло» [1, 371] (т. е. и с человеком тоже). Теперь он считает таковым единственным способом именно террор. У Латтуада есть несколько реплик из этого монолога: «Порядок не имеет цвета. Только порядок».

Вот еще довольно забавное изменение. Если у Булгакова Преображенский обожает «Аиду», то у Латтуада он предпочитает «Любовный напиток» Г. Доницетти. Между прочим, один из главных героев этой оперы – странствующий лекарь, а вернее шарлатан, Дулькамара (возможно, прототип Дуремара из «Золотого ключика» А. Толстого). Если Булгаков через «Аиду» проводит параллель между профессором и египетскими жрецами («В белом сиянии стоял жрец и сквозь зубы напевал про священные берега Нила» [1, 394]), то не поступает ли таким же образом Латтуада, уподобляя профессора шарлатану?

Латтуада не развенчивает Преображенского – он его изначально не идеализирует. Если у Булгакова Преображенский относится к прислуге милостиво и уважительно, хотя и свысока, в манере «добротного барина» (излишне говорить, что у Бортко то же самое), то у Латтуада он ведет себя так, будто не считает обслуживающий персонал за людей. Это идет вразрез с деталями первоисточника. У Булгакова профессор запрещает Зине есть краковскую, купленную «для этого прохвоста», т. е. пса Шарика, ибо «это отравка для человеческого желудка», у Латтуада – скармливает остатки колбасы дворнику Федору. В отношении к Зине он и вовсе проявляет садистические черты – т. е. удовольствие от морального подавления чужой воли. У Булгакова он щадит чувства Зины, отпускает ее после подготовки пса к операции. В фильме Латтуада она покорно ассистирует профессору, заявляя, что привыкла, хотя, судя по ее лицу во время трепанации, это далеко не так. У Булгакова Преображенский и Борменталь спасают «невинную девушку» от сексуальных посягательств Шарикова, Латтуада же вводит сцену, которая многих шокировала. Он развивает реплику из Булгакова: «Всё свежее белье и ванну», заставляя Зину мыть в ванне голого Преображенского. Но нельзя сказать, что, отступая от повести в деталях, Латтуада изменяет ей по сути. Парадоксальным образом, изменяя эти детали, он подчиняет их более яркому выражению этой сути.

Остановимся на сцене операции по пересадке гипофиза. Бортко реализует ее сугубо иллюстративно, как бы снимая скрытой камерой репортаж. Однако в этом отстраненном, нейтральном изображении проявляется позиция режиссера. Он показывает нам совершенно *нормальных* врачей, занятых *нормальным* делом. Это идет вразрез с подчеркнуто субъективным нарративом Булгакова. Автору этих строк уже доводилось в докторской диссертации подробно характеризовать двойственность данного эпизода. С одной стороны, Преображенский и Борменталь показаны как жрецы, а сама операция — как жертвоприношение. С другой – автор изображает ее как злодейство и даже вампирический шабаш, подчеркивает отталкивающие и страшные детали [1, 394–398]. О глазах Борменталья: «Обычно смелые и прямые, ныне они (...) были настороженные, фальшивые, и в глубине их таилось нехорошее, пакостное дело, если даже не целое преступление». Далее: «оба заволновались, как убийцы, которые спешат», «лицо Филиппа Филипповича стало страшным», «Филипп же Филиппович стал положительно страшен», «Филипп Филиппович зверски оглянулся», «злобно заревел профессор», «Лицо у него при этом стало как у вдохновенного разбойника» и др., и, наконец: «Филипп Филиппович отвалился окончательно, как сытый вампир».

Латтуада трактует эту сцену точно «по партитуре». Некоторые зрители, делившиеся впечатлениями о фильме, отмечали фиксу во рту Преображенского. Это их почему-то удивило, и они даже усматривали здесь находку режиссера, уподобляющего профессора уголовнику. Но, во-первых, даже если такое уподобление подразумевалось, оно исходит от Булгакова («заволновались, как убийцы», «лицо как у вдохновенного разбойника»). Во-вторых, данная деталь отмечается в самой повести: «Он оскалил фарфоровые и золотые коронки» [1, 396]. Исполнитель роли Преображенского Макс фон Сюдов во время трепанации рычит и скалит зубы, т. е. ведет себя то ли по-звериному, то ли как вампир. (Е. Евстигнеев этого не делает.)

Когда в лицо Преображенскому брызжет кровь, он восклицает: «Зина! Мерзкое животное!» (непонятно, к кому это относится – к Зине или к Бобику, но оба не виноваты).

В тексте реплик усилено бессердечие Преображенского. Так, в ответ на замечание Борменталья, что Бобик умер, Преображенский заявляет: «Меня не интересуется, жив он или мертв. Я продолжаю». Это данная в более жестоком варианте реплика «Хватит рассуждать: живет – не живет». У Булгакова Преображенский жалеет пса и говорит об этом неоднократно.

В декорировании этой сцены Латтуада педантирует гиньольную стилистику, гротеск на грани китча: тут и вскрытый кролик (деталь, идущая от Булгакова), и череп в шкафу. Операция отражается в стекле и, таким образом, через нее просвечивает аллегория смерти.

Впрочем, образ профессора не только зловещ. Преображенский отказывается покончить с Бобиковым по совету беспринципного Борменталья. Причем он не повторяет фарисейской фразы «На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено. Доживите до старости с чистыми руками» (она очень хороша, на фоне другой фразы Преображенского: «Ей-богу, я, кажется, решусь»). У Латтуада он говорит просто: «Я не позволю этого». Кстати, одна из важных причин отказа от уничтожения Бобикова: «Это существо мне почти как сын, хотя и лабораторный». Это очень резкое расхождение и с Булгаковым, и, в будущем, с Бортко, у которых Преображенский яростно протестует, когда Шариков именуется его «папашей».

У Латтуада в сцене с профессорами – серия рентгеновских снимков, плавно переходящих друг в друга, — остроумная визуальная метафора биологической эволюции. У Бортко есть фотографии существа в сцене доклада Преображенского, но они такого эффекта не производят, потому что рентген выявляет скрытое, глубинное, а фотографии фиксируют внешнее.

И Латтуада, и Бортко показывают промежуточную стадию между собакой и человеком, но решается этот мотив по-разному. У Латтуада есть довольно жуткая сцена, вдохновившая Бортко на другой эпизод: ночью существо выползает из люльки, добирается до зеркала и в ужасе говорит: «Что они со мной сделали? Во что я превратился?». У Бортко уже Шариков, достаточно проявивший свою мерзость, в какой-то момент замирает перед зеркалом и всматривается в себя. Видимо, он в этот момент окончательно прощается с тем хорошим, что в нем еще осталось от животного, – прощается с собачьим сердцем.

У Латтуада Бобиков так и остается с собачьим сердцем до самого конца. То есть выражение «собачье сердце» в его фильме следует понимать почти буквально: животная природа в человеке.

И, кстати, тот же смысл несет немецкое название фильма “*Warum bellt Herr Bobikow?*” – «Почему лает господин Бобиков?». Потому и лает, что не изжил в себе животное начало. Поведение Бобикова показывает нам, что такое это пресловутое «собачье сердце». Здесь он расходится с Булгаковым, у которого сказано буквально следующее: «Сейчас Шариков проявляет уже только остатки собачьего, и поймите, что коты — это лучшее из всего, что он делает. Сообразите, что весь ужас в том, что у него уже не собачье, а именно человеческое сердце. И самое паршивое из всех, которые существуют в природе» (курсив наш – А. Ф.) [1, 435]. Латтуада показывает нам именно человека с собачьим сердцем, т. е. полуживотное.

Интересно, что Бобиков как бы начинает очеловечиваться еще до операции. Он не только перелаивается с бродячими собаками, в фильме дается «перевод» его реплик, содержание которых могло бы принадлежать человеку: «Да, я принимал ванну» и даже – «Убирайтесь, *животные*» (!).

Амбивалентность, промежуточность этого персонажа подчеркивается при его появлении на улице уже в человеческом облике — в меховой шубе, как бы подчеркивающей животную природу. Это одновременно и человеческая одежда, и звериная шкура (срав. с аналогичной интерпретацией в романе Л. Захер-Мазоха с характерным названием «Венера в мехах», где меха выражают и аристократизм Ванды, и ее звериную природу «дикой кошки»).

Колоритнейшей иллюстрацией животного начала в природе Бобикова стала сцена разгрома, устроенного им в ванной комнате. Поскольку всех кошек в Москве съели, то Латтуада исключил эпизод с потопом, возникшим из-за кота. Зато вместо него показывают сцену, так сказать, «разрухи в клозете». Бобиков заодно глотает – правда, не зубной порошок, а зубную пасту, запивая ее шампунем.

Из того же ряда сцена в цирке, отсутствующая в повести. У Бортко подобная сцена тоже есть, и в ней лжепредсказательница мадмуазель Жанна (из одноименного рассказа Булгакова) неожиданно попадает в точку, говоря Шарикову, что главное событие его жизни впереди (т. е. пророчит ему обратное превращение в собаку). У Латтуада Бобиков во время выступления наездников не выдерживает и сам довольно удачно включается в представление, вызывая восторг у зрителей и присутствующей здесь же Зины, ради которой он, разумеется, это и проделал.

«Покушения» Бобикова на женщин тоже проявляют его собачью природу. Они, в сущности, безобидны, и почти всегда страдает сам Бобиков. Он пристаёт к Дарье Петровне (вместо усатого гражданина) и получает по лбу половником. Но гораздо чаще Бобикову достается от мужчин, его бьют то поклонник какой-то Наташи, то Борменталь, который еще и называет его «грязным вуаейром»: Бобиков по ночам приближается к спящей Зине, однако – вопреки первоисточнику – не пытается ее изнасиловать, а любит ее, целует ей ноги и сентиментально говорит: «Зинуша, здесь Бобиков, который тебя очень любит». Еще более значима другая его реплика: «Зина, вот увидишь, я буду развиваться, если ты поможешь мне, Зина, дорогая» (целует ей руку).

И за секретаршей Васнецовой он ухаживает довольно трогательно. (Если у Булгакова эта девица – лишь эпизодический персонаж, то оба режиссера развивают связанную с ней сюжетную линию, причем в прямо противоположных направлениях: у Бортко в Васнецову, которую играет А. Неволлина, платонически и на расстоянии влюблен Борменталь).

Бобиков вообще сильно страдает от одиночества и, получив пощечину от ухажера Наташи, плачет: «Никто меня не любит! Зачем меня произвели на свет!». В другой сцене он и вовсе говорит, что хочет умереть.

Впрочем, ему удастся вызвать симпатии у женщин: Дарья Петровна с удовольствием слушает его игру на балалайке, Зоя Васнецова соглашается выйти за него замуж. Но красноречивее всего поведение Зины, которое у Латтуада меняется на прямо противоположное. У Булгакова она, едва увидев пса Шарика, с отвращением заявляет: «До чего же паршивый!». У Латтуада она говорит Бобикову: «Какой ты элегантный!». Если у Булгакова Зина до конца ненавидит и презирает Шарикова (и этот мотив подчеркивает и усиливает Бортко), то у Латтуада она заступается за Бобикова: «Он не плохой. Он бедный чертенок». Зина и Дарья Петровна, кстати, ревнуют его друг к дружке и к Васнецовой.

Добавим еще некоторые важные изменения, внесенные в образ Бобикова.

Если у Булгакова главная ценность для Шарикова – «всё поделить», то Бобиков на вопрос Преображенского: «Что по-вашему, имеет ценность?» отвечает: «Электричество, правосудие, искусство». Очень сомнительно, что так ответил бы сам профессор, у которого главные ценности – евгеника (т. е. извращение природы), деньги и комфорт.

Бобиков испытывает благодарность к своему создателю, хотя его и заносит: «Преображенский мой отец. Он ничего не может без меня делать. Он сделал из меня человека».

И, наконец, в финале пес Бобик высказывает весьма противоречивые мысли о Преображенском, далекие от первоисточника: «Вот это *гений* все время в поисках невозможного, все время в муках. Я ему *не доверяю*. Нужно быть осторожным. Чувствую: между нами это так не закончится. Нет, это только цветочки». Пес и восхищается упорством ученого, и чувствует опасную перспективу его экспериментов. У Булгакова (и у Бортко) вторая операция стерла у Шарика память о его человеческом прошлом, у Латтуада следы этого чудовищного опыта остались в глубинах подсознания жертвы.

Итак, поведем итоги.

1. Точности исторических и бытовых реалий, к которым внимателен Бортко, от Латтуада ждать не приходится. Если Бортко экранизирует Булгакова максимально правдоподобно и, главное, *серьезно*, то Латтуада тяготееет к пародии, гротеску. Возможно, именно такой эстетический ключ вполне адекватен первоисточнику.

2. Даже самые резкие расхождения Латтуада с литературным источником почти всегда имеют источник в булгаковском тексте, хотя могут относиться к другой ситуации. Причем Латтуада реализует их гораздо последовательнее, чем даже автор, причем это относится и к заглавию. Именно у Латтуада, а не у Булгакова (и Бортко) показано собачье сердце.

3. Оба режиссера корректируют образ Преображенского. Бортко просветляет и облагораживает его (убирая некоторые одиозные детали), Латтуада заостряет отрицательные черты профессора, *присутствующие* в повести. Если Бортко связывает с интеллигенцией надежду на будущее человечества, то Латтуада большее интересуется ответственностью буржуазных интеллектуалов за социальные катаклизмы.

4. Латтуада усиливает «франкенштейновскую» тему (искусственного человека, страдающего от одиночества и непонимания), почти незаметную у Булгакова и Бортко (последний педалирует уэллсовскую линию – за счет видоизмененных цитат из другого булгаковского текста – «Роковых яиц»: «Что вы говорите об Уэллсе, о мелких вещах, коллега!»).

5. Корень зла в фильме Латтуада лежит скорее в сфере социальной, чем в биологической. Зло – это неизжитое прошлое. Отвратительно в этом фильме не наивное и почти безобидное проявление животной природы Бобикова, а то, как «развлекается псевдоученая буржуазия».

Список литературы:

1. Булгаков М. А. Собачье сердце // М. А. Булгаков / Трудные повести / сост. и предисл. А. И. Ванюкова. — М.: Молодая гвардия, 1990. — С. 359-448.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // С. А. Аскольдов / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В.П.Нерознака. — М.: Academia, 1997. — С. 267-280.
3. Брудный А. А. Психологическая герменевтика: уч. пос. / А. А. Брудный. — М.: Лабиринт, 1998. — 336 с.
4. Малиновская Н. У истоков «мыльной оперы» // Драматурги –лауреаты Нобелевской премии: сборник / сост. О. Жданко. — М.: Панорама, 1998. — С. 193-197.
5. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: уч. пос. / В. А. Маслова. — 2-е изд. — Мн.: ТетраСистемс, 2005. — 256 с.
6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2001. — 990 с.

КЕРАМИКА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА С ПАМЯТНИКОВ НА Р. СВИСТУНКА В ВОСТОЧНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ

Фомичев Александр Викторович, кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбургская область, г. Орск

CERAMICS OF THE LATER BRONZE AGE FROM MONUMENTS ON THE SWISTER IN EASTERN ORENBURGZY

***Аннотация:** В статье рассматривается керамика позднего бронзового века, обнаруженная в период исследования могильника Свистунка I, кроме того определено соответствие находок синхронным памятникам расположенными в районе п. Новоорск. Намечено выделение археологического микрорайона, связанного с бассейном р. Свистунка.*

***Annotation:** The article deals with ceramics of the late Bronze Age, discovered during the research of the Svistunka I burial ground, in addition, the conformity of the finds to the synchronous monuments located in the vicinity of Novorsk settlement is determined. The allocation of an archaeological microdistrict connected with the basin of the river is planned. Whistle.*

Ключевые слова: *поздний бронзовый век, алакульская культура, кожумбердынская группа памятников, керамика, археологический микрорайон.*

Keywords: *Late Bronze age, Alakul culture, Kozhumberdy culture group, ceramics, Archaeological district.*

В настоящее время количество известных памятников кожумбердынской культурной группы алакульской культуры, на территории Оренбургской области, неуклонно возрастает. Разнообразен перечень категорий археологических объектов: поселения, некрополи, древние рудники – эти памятники позволяют получить информацию об экономике, социальной структуре, культовых представлениях кожумбердынского населения. Однако не менее важными археологическими объектами выступают и местонахождения керамики и орудий труда. Несмотря на то, что полученные при их обследовании, объемы археологического материала невелики, в первую очередь это позволяет произвести определить границы освоенной хозяйственной округи, а в случае слабо изученности района поставить вопрос о пребывании здесь населения позднего бронзового века.

На востоке Оренбургской области к настоящему времени выявлены археологические микрорайоны в которых сосредотачиваются памятники кожумбердынской группы алакульской культуры, они приурочены к бассейнам рек Сухая Губерля, Джарлы, Ушкатты, Киимбай, являющихся притоками второго порядка главной водной артерии региона р. Урал [5; 8; 10]. Не менее важное значение имеет и левый приток Урала р. Кумак, однако сведения о памятниках позднего бронзового века в его бассейне известны отрывочно, в основном из сообщений краеведов, за исключением верховьев реки, где в районе г. Орска располагаются поселения и крупный могильник Новокумакский.

В ходе археологических раскопок, в августе 2010 г. в Новоорском районе Оренбургской области был обследован курганный могильник Свистунка I, расположенный в 6,3 км к северо-востоку районного поселка Новоорск и в 3 км к западу от п. Гранитный, у подошвы водораздельной возвышенности на правом берегу р. Свистунка. Могильник состоял из двух каменных округлых в плане насыпей, в процессе полевых работ в могильнике был обнаружен третий археологический объект в виде каменной площадки раннего железного века [1; 2].

При обследовании территории памятника, кроме погребальных объектов, на дневной поверхности были обнаружены фрагменты керамики периода позднего бронзового века, однако культурный слой зафиксирован не был. Всего было обнаружено 38 фрагментов сосудов, из них венчиков — 14; стенок – 22; донца – 2 (рис. 1, 2).

Керамика относится к группе средне и тонкостенных горшечно-баночных сосудов. Венчики отогнуты во внешнюю сторону и имеют округлую, уплощенную и приостренную форму. Ряд венчиков в местах перехода от шейки к тулову сосудов имеют ярко выраженный уступ (рис. 1).

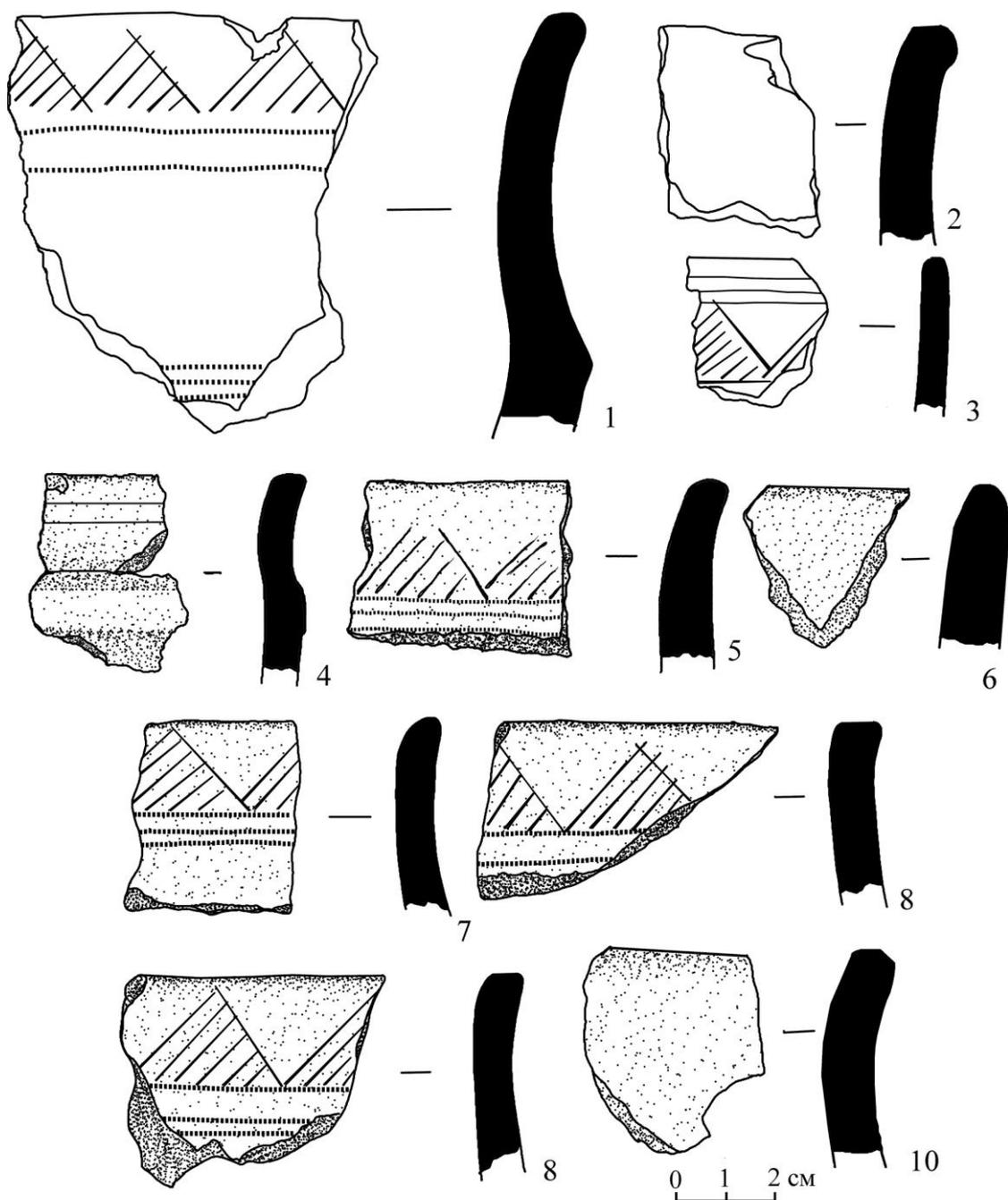

Рис. 1. – Керамика с месторождения Свистунка

Часть фрагментов была покрыта орнаментом выполненном в технике процерчивания и с использованием мелкозубчатого штампа. Орнамент нанесен с учетом зональности. Края венчиков украшены поясами из заштрихованных равнобедренных треугольников окаймлённых бордюром из горизонтальных линий, нанесенных палочкой или штампом. Нижняя часть венчика имеет свободную от орнамента зону (рис. 1). В орнаментальных композициях стенок сосудов присутствуют бордюры из горизонтальных линий (от 2 до 3), равнобедренных треугольников, часть фрагментов украшена вертикальной елочкой (рис. 2, 1-9). Судя по фрагментам донц, сосуды были плоскодонными, часть из них имела выделенную закраину (рис. 2).

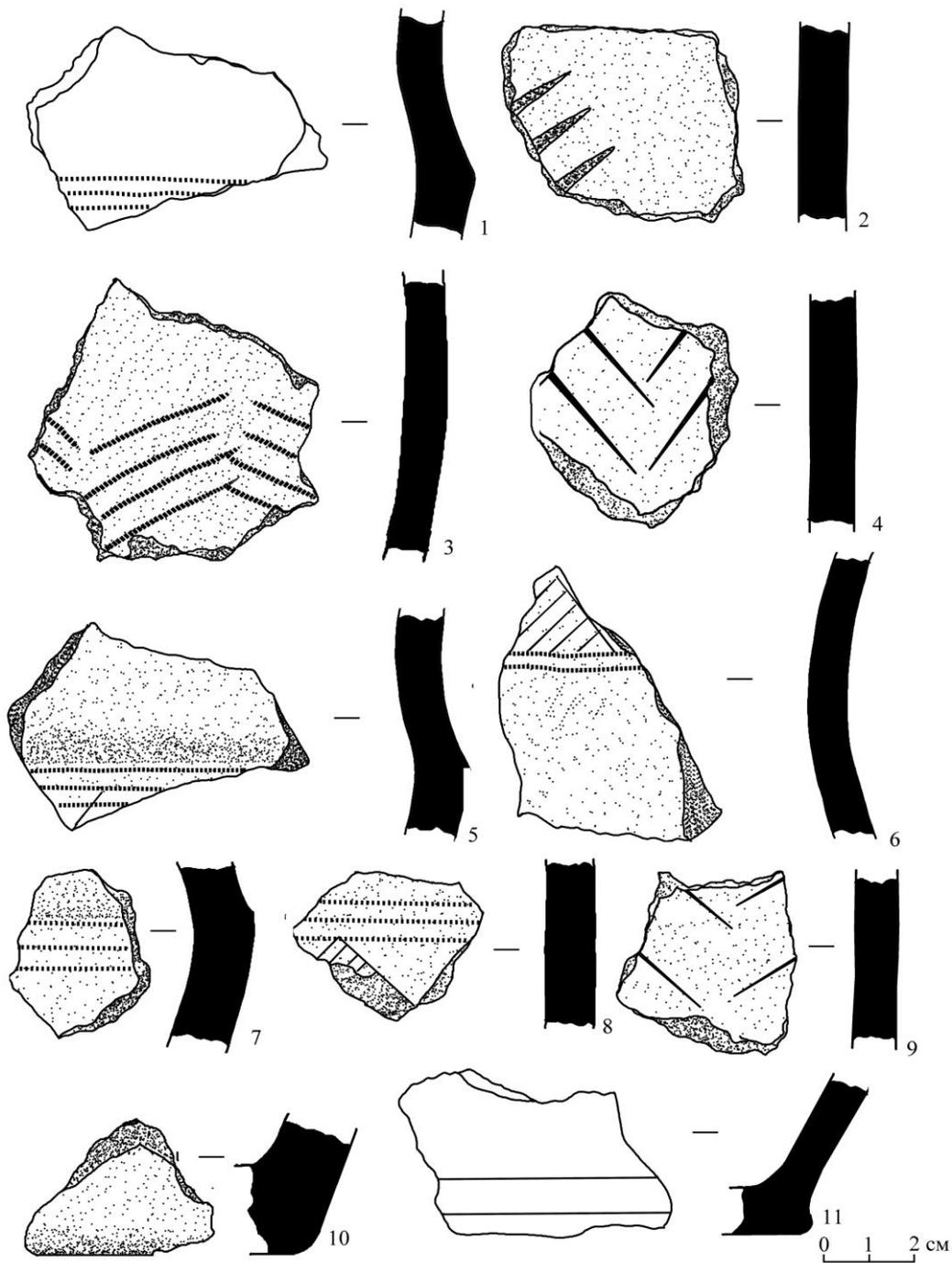

Рис. 2– Керамика с месторождения Свистунка

Характеристика керамического материала позволяет нам отнести его к традиционной посуде населения кожумбердынского варианта алакульской культуры. В первую очередь это проявляется в сочетании резной и гребенчатой техник нанесения орнамента, свободная от орнамента зона в области шейки и преобладание заштрихованных равнобедренных треугольников при украшении венчика. Также характерной чертой андроновских сосудов является горшечно-баночные формы, отогнутый венчик и наличие уступа при переходе от тулова к шейке [7,253]. Подобные элементы орнаментации характерны для посуды, полученной в ходе исследований могильников Алексеевский, Тасты-Бутак I, Кожумберды [4,129,165-169; 6,127; 9,74-75].

Интересен тот факт, что подъемный керамический материал в хронологическом отношении не совпадал материалами погребений могильника Свистунка I, которые относились к эпохам раннего железного века, средневековья и нового времени.

Ранее среди памятников, расположенных поблизости материалы позднего бронзового века были обнаружены на разрушенном поселении Мусогатское, в 5 км к западу от местонахождения и на поселении Баузда, в 10 км к югу, а в 2 км к востоку находится одиночная каменная ограда, одного их характерных типов погребальных сооружений в ареале кожумбердынского варианта алакульской культуры. Дополнительное обследование местности позволило, выявить новые памятники. В верховьях балки Свистунка в 6 км к северо-западу от местонахождения, на территории не подвергшейся хозяйственному освоению промышленных предприятий, расположенных в п. Гранитный были зафиксированы три некрополя и поселения. Могильники состоят преимущественно из каменных кольцеобразных оград, которые группируются вокруг курганов диаметром до 20 м, насыпь которых включает камень. Данную региональную особенность отмечали неоднократно для памятников позднего бронзового века при исследовании могильников Урал-сай, Киргильда, Атакен-сай, Ушкатта I, II, Кожумберды [3,196-198; 5,87-88; 6,127]. Поселение занимает мысообразный возвышенный участок, левого берега балки Свистунка, образованный краем поймы и берегом небольшого сая. Центр площадки занимает каменная конструкция в виде прямого угла с протяженностью сторон 3x4 м, состоящая из равного камня среднего размера. Земляные работы на памятнике не производилось, на характер стационарного поселения указывает визуальный осмотр дневной поверхности, которая отличается слабой задернованностью, здесь встречены разрозненные фрагменты керамики, близкие по структуре керамике с местонахождения Свистунка I, расколотые кости животных. Почва насыщена золой, что придает ей сероватый оттенок по сравнению с окружающими участками, включающими в себя значительное число крошки руинированных гранитных массивов.

В качестве подведения итогов следует отметить, о том, что представленный материал позволяет заполнить имеющийся в настоящее время пробел на археологической карте распространения памятников алакульской культуре в Восточном Оренбуржье. Разнообразие объектов в перспективе исследования дает повод к более детальному обследованию местности и возможно выделению самостоятельного археологического микрорайона наряду с уже известными Ишкининским, Джарлинским, Еленовским и Ушкаттинским [5; 8; 10].

Список литературы:

1. Бытковский О.Ф. Погребения эпохи средневековья в восточном Оренбуржье // О.Ф. Бытковский, А.А. Матвеев. / Археологические памятники Оренбуржья. – 2012 – Вып. 10. – С. 226 – 238.
2. Бытковский О.Ф. Среднеазиатский «след» в погребальном обряде ранних кочевников Южного Урала (по материалам Свистунского I могильника) // О.Ф.Бытковский / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведения. Вопросы теории и практики. 2012б. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. II. – С. 38-44.

3. Грязнов М.П. Памятники бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Руденко С.И. (ред.). Казаки. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – С. 172 – 219.
4. Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // О.А.Кривцова-Гракова / Труды ГИМ. – 1948 – Вып. XVII – С. 59-164.
5. Кузьмина Е.Е. Археологические обследования памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры // Е.Е. Кузьмина / Краткие сообщения института археологии. – 1962. – Вып. 88. – С. 84-92.
6. Кузьмина Е.Е. Раскопки могильника Кожумберды // Е.Е. Кузьмина. / Краткие сообщения института археологии. – 1969. – Вып. 115. – С. 124-132.
7. Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. – 358 с.
8. Кузьмина Е.Е. Новый микрорайон андроновских памятников на р. Джарлы // Е.Е. Кузьмина, С.А. Попов / Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. – С. 141-147.
9. Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // В.С. Сорокин / Материалы и исследования по археологии СССР. №120. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 207 с.
10. Ткачев В.В. Ишкининский археологический микрорайон эпохи бронзы: структура, периодизация, хронология // В.В. Ткачев / Краткие сообщения института археологии. – 2011. – 225. – С. 220-230.

УРАЛЬСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ XX СТОЛЕТИЯ

Шушаева Аида Сериковна, факультет педагогического образования, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбургская область, г. Орск

URAL COSSACKS IN THE EURASIAN SPACE OF THE 20TH CENTURY

***Аннотация:** Автор обращается к актуальной и дискуссионной проблеме взаимосвязи евразийства и казачества. Предпринимается попытка подвести критерии под выдвигаемое положение и доказать причастность Уральского казачества к ценностям евразийского пространства-континента.*

***Annotation:** The author turns to the actual and debatable problem of the relationship between Eurasianism and the Cossacks. An attempt is made to bring the criteria under the proposed position and to prove the involvement of the Ural Cossacks in the values of the Eurasian space-continent.*

***Ключевые слова:** Уральское казачество, евразийство, Евразийский экономический союз.*

***Keywords:** Ural Cossacks, Eurasianism, Eurasian Economic Union.*

Казачество Урала – это объединенное название всех казачьих формирований, расположенных на Урале. Урал является разделом между двумя частями света – Европой и Азией. Казаки, живущие в этом регионе, имеют прямое отношение

к Евразийству (идейное и общественно-политическое течение первой волны русской эмиграции, объединенное концепцией русской культуры как неевропейского феномена, объединяющего черты Европы и Азии). В. Скворцов в своей статье писал: «Уральские казаки стоят на стыке европейских и азиатских рубежей России, которые разделены Уральскими горами» [4]. В последнее время данная концепция очень актуальна, однако отношение казачества к ней не однозначно и трактуется по-разному.

Евразийство - молодое и оригинальное философское течение, родоначальником которого считают Н. Трубецкого. Он в 1921 году организовал издание книги «Европа и человечество», в которой излагалась суть идеологии Евразийства. Главная цель этого проекта – доказать, что Евразийское пространство сочетает ценности и культуру Востока и Запада, которая должна пробудить «загадочную душу» Востока и обновить «силы» «усталого» Запада [1].

В основе евразийской концепции, по мнению современных ученых, лежат четыре принципа:

1. Географический, который подразумевает территориальное положение России между Европой и Азией. Урал же является географической границей между Западом и Востоком, и центром Евразийского пространства.

2. Культурно-исторический - представляет собой формирование собственной уникальной культуры под влиянием Западной и Восточной цивилизаций.

3. Национальный - предполагает «совокупность народов, населяющих это государство (многонародная евразийская нация), территория которого именуется Евразией» [5]. Это подразумевает под собой организацию единства всех народов и смешанной этничности, то есть равенство этносов и рас, проживающих на территории Российской Федерации.

4. Экономический компонент – это наличие «функциональной собственности», обусловленной государством. Во взаимоотношениях с государством казачество имеет особый социальный статус, являясь военно-служилым сословием, которое в установленном порядке принимает на себя обязательство по несению государственной службы. За несение воинской обязанности казакам выплачивается жалование из региональных и муниципальных бюджетов.

Эти четыре принципа отражают суть Евразийства. Они характеризуют основные сферы жизнедеятельности общества и каждый принцип взаимодействует с другими. Казачество Урала является национально-этническим компонентом Евразийского пространства и по вышеуказанным критериям соответствует ему.

Для понимания причастности Уральского казачества к Евразийству желательно обратить внимание на историографию казаков. К сожалению, в Советский период литературы о них немного, что связано с жесткой официальной регламентацией тематики, также характера исторических исследований. Только в период хрущевской «оттепели» предпринимаются некие попытки переосмыслить отдельные проблемы российской истории, в том числе и связанные с казачеством. Но изменения общественно-политической системы в начале 1990-х годов привели к активизации исследовательского интереса к истории российского казачества и переоценке накопленных знаний.

Проводя поверхностный анализ историографии, видно, что к настоящему времени по данной теме имеется довольно широкое разнообразие материала. Это говорит о накоплении знаний по казачеству. Тем не менее, на современном этапе

развития историографии отсутствует специальное комплексное исследование, посвященное освещению спорного вопроса приобщенности казачества к Евразийскому пространству. В связи с чем требуется дальнейшее более углубленное изучение этой взаимосвязи. И не во всех книгах доказывалась причастность Уральского казачества к Евразийству.

Процесс возрождения казачества, развернувшийся в нашей стране в последнее десятилетие XX века, заставил по-иному взглянуть общество на историю этой своеобразной группы населения дореволюционной России. Активность Уральского казачества оказала большое влияние на развитие жизни региона и страны, особенно в общественно-политической сфере.

Уральское казачество, по мнению многих современных ученых, является частью Евразийского пространства. Анализируя вышеуказанные критерии Евразийства, можно согласиться с данным мнением. Во-первых, эта социальная группа находится на стыке Европы и Азии. Казаки, проживающие на этой территории, по словам Л.Н. Толстого, стали той силой, благодаря которой происходило становление государства. Он писал об этом: «Граница родила казачество, а казаки создали Россию» [2]. Во-вторых, казачество имеет особую культуру, которая сформировалась под влиянием культурных ценностей Европы и Азии. Казачество России, в том числе и Уральское, является носителем своеобразной культуры. В настоящее время казаки находятся на стадии «обогащения их культуры, восстановления лучшего из утраченного, сохранения имеющихся культурных ценностей, их развития и выработки новых, вырастающих уже на современной почве» [3]. В-третьих, казаки считаются уникальным субэтносом. В частности, на Урале исторически происходило столкновение и взаимодействие различных народов, а носителем этого процесса и было казачество. В-четвертых, они защищают государство, то есть несут обязанность государственной службы по отношению к Российской Федерации. Казачество продолжает играть роль «ствола» государственности в России. И по традиции, не претендуя ни на какую власть, казаки поддерживают существующий строй в стране.

В последнее время рассматриваемая концепция довольно актуальна в связи с деятельностью Евразийского экономического союза (ЕвразЭС). Многие ученые пытаются связать Уральское казачество с идеей Евразийства, пытаются доказать причастность всего казачества к реализуемому проекту. Вполне убедительно многие исследователи утверждают, что российское и, в частности, Уральское казачество являются частью самобытного евразийского континента и носителем его уникальных ценностей.

Список литературы:

1 Журнал «Вольное Казачество». Военская культура и традиции казаков. № 43 - 44. / 10.10.2011 г. – [Электронный ресурс]. – см.: URL: <https://dikoepole.com/2011/10/10/evraziistvo-beisug/>.

2 Журнал «Казачий центр». Статья Лысенко Н.Н. Казаки: нация, субэтнос или сословие? / 16.02.2014 г. – [Электронный ресурс]. – см.: URL: http://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/na_zametku_kazakam/kazaki_nacija_subehtnos_ili_soslovie/155-1-0-1338.

3 Лукичев П.Н. Социально-психологический феномен казачества. Очерк второй. / П.Н. Лукичев, А.П. Скорик. – Изд.: Свободная мысль, 1995. – №8. – С. 42-51.

4 Скворцов В. Казаки и Евразийство / В. Скворцов // Камертон. Сетевой литературный журнал. - № 75, январь 2016, см.: URL: <http://webkamerton.ru/2016/01/kazaki-i-evrazijstvo/>

5 Соклаков А.Ю. Казачество и Евразийство в начале XXI столетия. // А.Ю.Соклаков. / Россия, Европа и Азия в контексте историко-культурного взаимодействия. Материалы Международной конференции (12 мая 2016 г.) / отв. ред. И.А. Шебалин. – Орск : Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2016. – 84 с.

ВЛИЯНИЕ ЭВАКУАЦИОННОГО ПРОЦЕССА НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА ОРСКА

Коробецкий Игорь Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбургская область, г. Орск

Щулина Юлия Леонидовна, факультет педагогического образования, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбургская область, г. Орск

INFLUENCE OF THE EVACUATION PROCESS ON THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE CITY OF ORSKA

***Аннотация:** Статья посвящена изучению вклада эвакуированных в г. Орск предприятий в решении оборонных задач военного времени 1941-1945 гг., и их роли в экономическом развитии города.*

***Annotation:** The article is devoted to the study of the contribution of enterprises evacuated to the city of Orsk in solving the military tasks of the war time of 1941-1945, and their role in the economic development of the city.*

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, производство, эвакуация.*

***Keywords:** The Great Patriotic War, production, evacuation.*

Одним из факторов, обеспечивших победу советского народа в Великой Отечественной войне, стала эвакуация. Она была хотя и вынужденной, но крайне важной мерой, вызванной трагической обстановкой, сложившейся в зоне боевых действий уже в самом начале войны. Без успешного выполнения столь грандиозной операции, проведенной в 1941-1942 гг., невозможно было не только сохранить основную экономическую и интеллектуальную базу страны, но и организовать прочный тыл, оперативно переключить народное хозяйство на массовый выпуск необходимой фронту продукции. Поэтому быстрее перемещение с прифронтовых районов вглубь страны предприятий, людей, государственных ценностей, научного потенциала являлось важнейшей военно-экономической и политической проблемой.

Нужно было совершить почти невозможное: поднять с места огромную массу населения, уцелевшие заводы, учреждения и перевести их подальше от фронта в тыловые районы, в том числе, на Южный Урал.

Следует обратить внимание на то, что к началу войны готового механизма эвакуации разработано не было. Поэтому опыт приходилось приобретать в чрезвычайных условиях военного времени. Организуя работу по перемещению производительных сил на Восток страны, правительством был разработан целый комплекс мероприятий, включающих правила эвакуации населения, грузов, их охрану в пути, расходы по перемещению, вопросы питания и соцобеспечения эвакуированных, строительства для них жилых помещений и др.

24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации при СНК СССР во главе с Н.М. Шверником. Согласно постановлению Совета по эвакуации от 25 ноября 1941 г. уполномоченными Управления были утверждены по Челябинской области – Васюков Н.В., по Чкаловской (Оренбургской) – Шарапов И.Я. Одновременно на местах были созданы органы Совета по эвакуации [1,146].

За 1941-1942 гг. в тыловые районы страны различными видами транспорта было эвакуировано около 17 млн. человек. Из них Уральский регион принял 2 млн. 127 тыс., в том числе в Челябинскую область было эвакуировано более 500 тыс. человек, а в Чкаловскую – свыше 240 тыс.

Важнейшим местом передислокации тяжелой промышленности стал Орско-Халиловский район, и это было не случайно. Развернутое перед войной строительство позволяло в какой-то мере разместить здесь дополнительный промышленный потенциал. Кроме того, рядом располагались богатая рудная база, немало местных материалов для развертывания и наращивания строительства. Все это свидетельствует о том, что эвакуация из западных районов осуществлялась продуманно. Материалы, оборудование, людские ресурсы направляли туда, где имелись реальные возможности их использования, где можно было их вписать в существующие, хотя и нарушенные войной, хозяйственные связи, задействовать местные ресурсы и кадры.

Основные эвакуационные потоки шли по железным дорогам. Уже в первые месяцы войны перевозка на железнодорожном транспорте в направлении Илецк – Оренбург – Орск – Каргалы – Челябинск приняла сугубо важное оборонное значение. Однако в связи с их низкой пропускной способностью, приоритета отправления военных эшелонов, нехватки рабочих рук осуществлялось это крайне медленно. Эту чрезвычайную проблему, необходимо было решать. Для этого в г. Орске был создан штаб МПВО, который в довоенное время занимался вопросами промышленности, а в военные годы курировал вопросы по эвакуированным предприятиям.

Одним из результатов его работы стало появление на разъездах Орской линии еще одних (третьих) железнодорожных путей. В годы войны Орское отделение в общем грузопотоке занимало свыше 40 %.

О сложности поставленной задачи свидетельствуют мощности прибывающих предприятий. Только из Днепропетровска поступило 465 вагонов с оборудованием, из Днепродзержинска прибыло 229 вагонов металлургического комбината. 99 вагонов было переадресовано на Магнитку, а остальные разгружались на Новотроицкой площадке. Осуществить разгрузку вагонов в короткий срок казалось делом немыслимым: не хватало кранов, работали вручную, в 2-3 смены.

На помощь пришло население всего Орска: организовали субботники и воскресники, в которых участвовали тысячи человек. Трудились, забывая о наступающих холодах, трудностях с питанием, домашних проблемах. Большая нагрузка выпала на такелажников, но те справлялись. Бригады Красина, Вялова, Бородина перевыполняли задания в разы. Одновременно с разгрузкой шло и строительство необходимых складов и цехов.

Одним из предприятий Наркомата боеприпасов был эвакуированный из Днепропетровска металлургический завод № 79. В Орск он прибыл в сентябре 1941 года и стал машиностроительным заводом № 322. В цехах не было отопления, воды, канализации. Существовала единственная железнодорожная ветка при полном отсутствии маневренных возможностей. Но, благодаря главному механику, а затем главному инженеру завода Ф.Т. Шibaеву, главному технологу Н.П. Сивкову удалось организовать работу нескольких такелажных бригад, которые круглосуточно, одиннадцатичасовыми сменами, вручную с помощью лаг, ломов, катков из труб и проката перетаскивали станки. Вес отдельного оборудования составлял от 1 до 15 тонн, а всего оборудования было около 500 единиц.

Под руководством директора завода И.И. Войтенко, главного инженера Н.И. Фальковича строились цеха, монтировали оборудование, копали землянки для жилья. Работа не прерывалась ни днем, ни ночью. С каждым днем площади цехов заполнялись станками, устанавливалось кузнечно-прессовое оборудование. К станкам, едва установленным на фундамент и подключенным к электросети, тут же вставляли станочники и приступали к обработке заготовок, привезенных из Днепропетровска.

Постепенно налаживалась производственно-технологическая цепочка. 11 октября 1941 года был введен участок гнетки готовых изделий, заработали лакировочные станки. Именно с этого дня началось производство корпусов артиллерийских снарядов на Орском машиностроительном заводе. С момента прибытия в город прошло всего 45 суток.

Заводчане внесли свой значительный вклад в разгром фашистских войск, изготовив и отгрузив 1327000 корпусов артиллерийских снарядов крупного калибра.

Из Мончегорска в Орск поступило 264 вагонов «Североникеля». С ним прибыло более 1,5 тысяч работников цеха. Было принято решение о размещении этого предприятия на территории комбината «Южуралникель».

Станки разгружали в районе бывшей временной электростанции, непосредственно у железнодорожного полотна. На его базе весной 1942 года был построен электролизный цех, где освоен процесс получения электролитного никеля из сырья, поступавшего из Норильска [2,8-9].

В начале 1942 года на комбинате была разработана и внедрена на шахтных печах плавильного цеха форсированная плавка, в результате которой проплав возрос в 1,6 раза. Освоение этого процесса позволило резко сократить расход крайне дефицитного (в связи с оккупацией Донбасса) кокса, снизить потери никеля с отвальными шлаками. За разработку и внедрение этого процесса в производство группе работников комбината в 1943 году была присуждена Сталинская премия. Ее лауреатами стали А.Н.Малинин, Ф.М.Бреховских, Л.М.Бочкарев, А.Е.Бердников, А.Н.Мельницкий. Большая группа мастеров и рабочих – награждена орденами и медалями.

В 1941 году комбинат освоил выплавку кобальта, в 1942 году – стал давать оборонной промышленности никель высокой чистоты.

К началу войны никелькомбинат переживал трудности пускового периода: не до конца отработаны технологические процессы, многое еще не было достроено. Для отработки технологии в августе 1941 года усилен научно-исследовательский отдел центральной лаборатории, созданы три группы: гидрометаллургическая (во главе с профессором Н.М. Славским), пирометаллургическая и электролитная (инженер В.Н. Поляков). Ушедших на фронт, заменяли кадровые рабочие-пенсионеры, женщины и подростки. К примеру, в гидрометаллургическом цехе женщины составляли 75 % рабочих. Большой приток неквалифицированных кадров вызвал необходимость в октябре 1941 года создать при каждом цехе кружки техминимума и курсы переподготовки.

В ноябре 1941 года в Орск начало поступать оборудование крупнейшего в Европе гиганта отечественного машиностроения – Новокраматорского машиностроительного завода. Разгрузить шесть эшелонов этого завода было непросто. И выгружали, и строили, и вели монтаж оборудования одновременно. Именно с июня 1942 года началась история Орского Южно-Уральского машиностроительного завода.

Начали с выпуска прессов для производства известково-зольных кирпичей. Одновременно закладывали фундамент молотого пролета кузнечнопрессового цеха, развернулась работа на корпусах электросталелитейного и ремонтно-механического цехов. Уже в следующем, 1943 году, когда заводская территория еще представляла собой огромную строительную площадку, Южуралмаш выдал первую продукцию.

30 октября 1941 года в Орск прибыли первые эшелоны с оборудованием и работниками тульского патронного завода, на базе которого начал работать Орский механический завод. Размещались станки в цехах Локомотивстроя. Первым директором завода (с 1941 по 1942 год) был Серафим Николаевич Лялин, под руководством которого закладывались основы предприятия.

Уже в 1941 году завод досрочно давал боеприпасы фронту и в то же время строил новые цеха, досрочно сдавая их в эксплуатацию. Выпуск продукции уже в октябре в сравнении с июлем вырос здесь на 300 %.

Завод № 257 производил 70-ти, 76-ти, 85-ти, 100, 102-х, 122-х миллиметровые снаряды для дивизионной, зенитной, горной и морской артиллерии. Всего на заводе действовало 14 цехов.

Росло стахановское движение. На октябрь 1941 года на предприятии трудилось 60 стахановцев, к концу 1942 года – 918. Высокими правительственными наградами были отмечены горновыи Ещцулов и Орос, сварщик Худяков.

Директором завода с 1943 года был Лазарев. Предприятие неизменно становилось одним из победителей соревнования в масштабах городов области, наркоматов и страны. Только в 1943 году завод выпустил 11,9 млн. латунных гильз.

26 января 1944 года за успешное выполнение заданий правительства по производству и обеспечению Красной Армии и Военно-морского флота боеприпасами он был награжден орденом Ленина. Более того, за героический труд коллектив этого прославленного предприятия получил на вечное хранение Красное знамя ЦК ВКП(б). Все это и многое другое ярко свидетельствует о величайшем героизме тружеников 257-го завода в годы войны.

1 сентября 1941 года на основе, эвакуированной из Курска биофабрики, была создана и начала работу Орская биофабрика.

Орская швейная фабрика организовывалась на базе оборудования, эвакуированного из г. Днепропетровска. В соответствии с приказом наркома легкой промышленности СССР № 52 от 4 июля 1941 года в город прибыло 14 вагонов с материальными ценностями и 12 вагонов с рабочими и членами их семей.

Решением Орского горисполкома № 438 от 5 сентября 1941 г. швейная фабрика была размещена на территории спиртоводочного завода по улице Энгельса, дом 22. С сентября по декабрь 1941 года здесь велись работы по сборке и монтажу оборудования. Было установлено два пошивочных цеха, раскройный цех, механическая мастерская, склад сырья и вспомогательных материалов. Вместе с фабрикой прибыло 280 рабочих и служащих, а также членов их семей [3,30].

Помимо этого, в город были эвакуированы Запорожский завод металлоконструкций, из Московской области – КИМ-20, быстро наладивший выпуск гранат и минных взрывателей, 516-й завод из Кольчугино, мастерские из Днепропетровска и Гомельский мясокомбинат [2,10-11].

Всего в годы войны в Орск было эвакуировано и размещено на стройплощадках 28 промышленных предприятий и учреждений из западных районов страны [4,44].

В суровые военные дни в Орске не только переоборудовались и восстанавливались эвакуированные предприятия, но и строились новые, росло не только количество, но и ассортимент выпускаемой городом продукции. Завод имени Чкалова получил задание начать выпуск новых видов топлива. В короткий срок нефтяники освоили новые процессы и технологию, пустили в работу дополнительные мощности. И все это в зимних условиях, при недостатке оборудования и материалов. В работу включились и сотрудники института «Гипронефтезавод», прибывшие в Орск.

Совместными усилиями был найден выход из сложного положения, а государственное задание – выполнено.

Среди особо отличившихся, в годы войны, промышленных предприятий, награжденных орденом Отечественной войны I степени, следует назвать Орский нефтеперерабатывающий завод им. В. П. Чкалова.

В самый разгар боев под Сталинградом Государственного Комитета Обороны перед заводчанами была поставлена задача: немедленно наладить выпуск автола и она с честью была выполнена.

На заводах Орска было немало «молодежных цехов», где работали юноши и девушки, заменившие своих отцов и старших братьев-фронтовиков. Таким коллективом был на заводе имени Чкалова цех № 5. В 1943 году он внес огромный вклад в освоение нового вида продукции, хотя сложность этой работы не имела в то время равных себе.

В 1942 году Орский мясокомбинат, кроме основной продукции выпускал гранаты РГ-41, РГ-42, 12 видов лекарств, в т. ч. инсулин. Уже во втором полугодии он произвел продукции в 6,4 раза больше, чем в первом. Во время войны на его территории располагались два оборонных завода № 20 № 15. Выпускали: консервы, пищевые концентраты, соляную кислоту, шубную овчину и т.д. Из отходов жести организовали изготовление товаров ширпотреба: пуговицы, ложки, ученические ручки.

В декабре начал работать завод пищевых концентратов мощностью 50 тонн в смену. В 1943 году завод медицинских товаров стал выпускать более 40 наименования продукции, среди них инсулин, спермин, адреналин, гематоген, так необходимые бойцам. Стеклодувная мастерская выпускала тару для ампульных препаратов. На комбинате были организованы выделка шкур и пошив меховых изделий: полушубков, рукавиц, обуви. Когда не было мяса, переходили на работу в завод № 20, где изготовляли покрышки для гранат.

С осени 1941 года на Орском мясокомбинате развернулось движение «двухсотников». Уже к июню 1942 года индивидуальным соревнованием охвачено 73 % рабочих города. В 1943 году предприятия города 24 раза завоевывали первые места во Всесоюзном соревновании. Так, например, в июле 1942 года предприятие мясокомбината выполнило план на 120,6 %. Особенно преуспел цех пищевых концентратов (139 %), выпустивший 696 тонн продукции. На первое января 1944 г. количество стахановцев возросло до 1098 человек, а стахановцев-двухсотников – до 38 человек [5,74].

Именно благодаря своему героическому труду по результатам показателей такие предприятия как «Орский мясокомбинат», «Никелькомбинат», «Нефтеперерабатывающий завод» были представлены к наградам.

Уже к 1943 г., в том числе, благодаря Орску, объем валовой продукции промышленности в нашей области увеличился с начала войны более чем в 4 раза, а металлообрабатывающей и машиностроительной – в 125, станкостроительной – в 26, добыча нефти – в 8,7 раза. Орские заводы № 322 и 257-й обеспечили отправку на фронт более 300 тыс. осколочных и 10 млн. обычных снарядов.

Однако нельзя отрицать тот факт, что в целом планы 1941, 1942 и первой половины 1943 г. не всегда выполнялись, хотя рост производства был стремительным.

Очевидно, планирование тогда было недостаточно реалистичным и по заданиям опережало возможности коллективов, отражая стремление дать фронту больше продукции.

К тому же остро стояла проблема обеспечения предприятий рабочей силой. С эвакуированными заводами и фабриками прибывала только часть рабочих и инженерно-технических работников, да и постоянный уход на фронт с действующих предприятий области усугублял положение.

Так, с нефтемаслозавода им. В. П. Чкалова только за первые три месяца войны ушло на фронт 40 % всех рабочих и служащих.

Решалась проблема кадров не только бронированием классных специалистов, но и, главным образом, за счет привлечения на работу женщин и молодежи. За период войны на орские предприятия было привлечено 3107 женщин, кроме того, было охвачено обучением 3519 девушек. Закончили обучение 1969 человек.

Расширялась сеть ремесленных и технических училищ. К концу 1943 года школа ФЗУ, ремесленные и железнодорожные училища дали промышленности 24 тысяч молодых рабочих, а за весь период войны в них обучили 40 тысяч человек. К концу войны число рабочих промышленных предприятий возросло до 104 тысяч, из них около 50 тысяч составляли женщины.

В решении этой проблемы иногда прибегали к чрезвычайным мерам: перераспределяли рабочих в обязательном порядке с одного предприятия на другое, в Медногорске, Кувандыке и окружающих селах практиковали трудовую повинность.

На лесозаготовках для завода № 314 использовался труд заключенных ГУЛАГа. Кроме того, перед начальником ГУЛАГа НКВД ставился вопрос об использовании труда этих людей на Кудамшинском кобальто-никелевом руднике для Южно-Уральского никелькомбината.

Несмотря на принимаемые меры, не все предприятия выполняли планы. Главная причина заключалась в отсутствии графика работы, небрежном уходе за станками и слабой трудовой дисциплине на предприятиях. Поэтому основная задача местных органов государственной власти заключалась в установлении четкого графика работы, осуществлении мероприятий по усилению трудовой дисциплины. Проводились конференции по режиму экономии ресурсов, предотвращению брака, рационализации производства.

На передовых предприятиях технический поиск стал подлинно массовым делом. Например, на никелькомбинате в 1939 году в рационализаторской работе участвовало 57 металлургов, они внесли 95 предложений. В 1942 году никельщики разработали 365 новшеств, а ряды рационализаторов выросли почти вчетверо. Так же обстояло дело на заводе имени Чкалова, где неутомимыми разведчиками нового зарекомендовали себя И.Н. Загуменов, Ф.И. Обрезков, В.И. Нетесанов и другие. Завод за военный период увеличил выпуск продукции в 2,5 раза и расширил ее ассортимент почти в 5 раз. В этом была немалая заслуга рационализаторов.

В заключении следует отметить и работу орских энергетиков, которые за один только 1941 год в 1,5 раза увеличили выработку электричества, в сравнении с мирным 1940 годом [6,10-14].

Таким образом, за годы Великой Отечественной войны город Орск превратился в высокоразвитый промышленный центр, в котором работали предприятия, заложившие основу социально-экономического благополучия города на всю вторую половину XX века. Недаром в это время его называли городом трудовой славы.

Список литературы:

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.Р.- 1014. Оп. 22. Д. 105.
2. Футорянский Л. И. Оренбуржье – Великой Победе [Текст] / Л. И. Футорянский. – Оренбург: ОГПИ, 1994. – 55 с.
3. Государственный архив Оренбургской области. Орский филиал (ОФ ГАОО). Ф. Р. – 1. Оп. 1. Д. 136.
4. ОФ ГАОО. Ф. Р. – 16. Оп. 1. Д. 35.
5. Актуальные проблемы региональной истории: материалы межвузовской конференции / отв. ред. И. А. Коробецкий. – Орск : ОГТИ, 2009. – 79 с.
6. Центр документации новейшей истории Оренбургской области. Ф. – 371. Оп. 9. Д. 334.

СОДЕРЖАНИЕ

Алятина А.Г. Историческая память о Великой Отечественной войне в репертуаре кинотеатров Южного Урала послевоенного времени (1945-1953 гг.)	3
Афанасьев Д.К., Вовк И.В. Творчество П.И. Рычкова в отечественной историографии XVIII-XX веков	9
Бегимбаева Ж.С. Научно-просветительская деятельность оренбургской ученой архивной комиссии в изучении истории и культуры кочевых народов Центральной Азии (1887-1917 гг.)	14
Бекбергенова Л.У. Регулирование социальной политики в Российской Федерации	22
Браксаторис М., Ондрейчик М. Гетерогенность праславянской основы словацкого языка в свете влияния аварского каганата	25
Бучнев М.С. К вопросу возможности войны между Россией и Великобританией на Среднем Востоке в обсуждении российской военно-политической элиты во второй половине 50-х годов XIX века	41
Вашурин А.Н. Инфлюация культур и традиции	46
Вовк И.В. Международное сотрудничество Российской Федерации и Республики Казахстан в сфере безопасности в 90-е годы XX века	49
Волков М.В. Византийский взгляд на события первого крестового похода и его основных участников (на основе «Алексиады» Анны Комнины)	52
Голубев А.В. Общественное служение уральца Н.А. Бородина (1861-1937 годы)	63
Дубовицкий В.В. Наука советского Таджикистана – Победе в Великой Отечественной войне	66
Ескалиев С.А., Килибаева С.К. Казахские автономисты и революция 1917 года	70
Иванова Е.Р. Своеобразие художественного времени в рассказе А.П. Чехова «Пари»	75
Карманова О.А. Евразийское пространство: диалог литературных традиций	79

Кашаева Е.А., Шебалин И.А. Великие революции в России и во Франции: общее и особенное	81
Кожухова Л.Р. Об эвакуации Днепропетровского индустриального техникума в Орск в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.	86
Коробецкий И.А. Оказание помощи детям на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны	90
Мусафиров М.К. Процесс трансформации внешкольного воспитания и развитие дополнительного образования детей в Оренбуржье в 90-е годы XX века	93
Нижник Е.В. Политические репрессии в годы Великой Отечественной войны на материалах города Орска	97
Орлова С.Л. Особенности семантики фразеологизмов субполя «качественные признаки человека, душевный склад»	100
Фомичева О.А., Письмиренко В.А. Некоторые вопросы становления института молодежного парламентаризма	103
Саукане И. Авторские неологизмы как отражение актуальных вопросов общественно-политической жизни (на материале прессы Латвии)	108
Терехина М.И. Проблема взаимосвязи аспектов семиотики в логической семантике	113
Трофимова Г.П., Заккманн М. Правовая культура Европы и России: сравнительная характеристика	116
Тургумбаев А.А. Научная полемика в периодической печати по вопросу о генезисе древнерусской и западноевропейской государственности в контексте популяризации официальной идеологии в царствование Николая I	119
Фаткулина В.Р. Этнический состав Оренбургского края в XVIII веке по материалам Петра Ивановича Рычкова	124
Флоря А.В. Интерпретации повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» в кинематографе: А. Латгуада и В. Бортко	128
Фомичев А.В. Керамика позднего бронзового века с памятников на р. Свистунка в Восточном Оренбуржье	136

Шушаева А.С.

Уральское казачество в евразийском пространстве XX столетия 141

Коробецкий И.А., Щулина Ю.Л.

**Влияние эвакуационного процесса
на экономическое развитие города Орска** 144

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

**РОССИЯ, ЕВРОПА И АЗИЯ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

международная научно-практическая конференция
19 мая 2017 года

Под редакцией
И.В. Вовка, А.В. Фомичева, И.А. Шебалина

Формат 60*84*1/16. Бумага «Гознак». Гарнитура Time New Roman
Печать офсетная. Усл. Печ. л.8,95
Тираж 500 экз. Заказ № 115
Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо»
620074, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, д. 13., оф. 1319
Тел. +7 (343) 295-61-10

Отпечатано
в Издательско-полиграфическом предприятии «Макс-Инфо»
620074, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, д. 13., оф. 1319
Тел. +7 (343) 295-61-10